

И. ГЕЙЕРЪ.

301/16
31/2-6

ПО
РУССКИМЪ СЕЛЕНІЯМЪ

СЫРЪ-ДАРЬНСКОЙ ОБЛАСТИ.

(Письма съ дороги).

Т. I.

Чимкентскій уѣздъ.

11/61
36

— * —

ТАШКЕНТЪ.
Типо-литографія Бр. Каменскихъ.
1898.

XXI-35195

Перепечатано изъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей“.

Посвящается

Александру Дмитриевичу Слосову,
редактору русскаго гласа въ Уинкент-
скомъ уѣздѣ.

Авторъ.

Предлагаемая вниманию публики письма обнимаютъ періодъ времени съ декабря мѣсяца 1891 года по октябрь 1893 г. Въ первыхъ двухъ письмахъ описано два селенія Ташкентскаго уѣзда, какъ лежащія на пути въ Чимкентъ. Прилагаемая карта имѣетъ значеніе схематическаго чертежа, указывающаго на относительное группированіе селъ вокругъ уѣздныхъ городовъ; что же касается ея географическаго значенія, то за точность ея авторъ не отвѣчаетъ.

ПИСЬМО I.

Не успѣли еще какъ слѣдуетъ устроить-
ся вновь основанныя селенія, Черняевское
и Кауфманское, какъ уже обычныя впечат-
лѣнія путника, проѣзжающаго чимкент-
скимъ трактомъ, измѣнили свой строго од-
нообразный туземный колоритъ и глазъ на-
блюдателя всюду чувствуетъ недалекое при-
сутствіе русскаго элемента. Полновластная
до сего времени арба катитъ свои скрипу-
чія колеса рядомъ съ русской телѣгой, бри-
тая голова туземца, прикрытая войлочнымъ
колпакомъ или тюбитейкой и его яркій,
цвѣтистый халатъ перемѣшиваются, какъ
въ калейдоскопѣ, съ богатой шевелюрой
русыхъ волосъ, затиснутыхъ въ рваный кар-
тузь, и пестрядинной или кумачевой руба-
хой русскаго крестьянина.

Устроившійся раньше черняевецъ, успѣв-
шій сдѣлать озимый посѣвъ, уже проторилъ
себѣ дорогу на ташкентскій базаръ, и, об-
заведшись лошадежкой, таскаетъ пока скром-
ный избытокъ сельско-хозяйственныхъ про-
дуктовъ, чтобы обмѣнять ихъ на заслонки,
стекла, рамы и другіе предметы, необходи-

мые при постройкѣ избъ, сооруженіе которыхъ идетъ съ лихорадочною быстротой.

Дождливая весна текущего года благоприятнѣйшимъ образомъ повліяла на урожай травъ, и черняевцы, увлеченные возможностью хорошаго заработка, нарочно приостановили постройку избъ, чтобы зашибить копѣйку. Быстрая, а главное, чистая уборка травы косою, рекламировала сама собою работу русскаго мужика, и косарей-переселенцевъ брали на расхватъ не только русскіе, но даже и туземцы; послѣдніе, впрочемъ, нанимали косарей лишь для уборки хлѣба и, не смотря на свою обычную прижимистость, догнали цѣну уборки одной десятины пшеницы до семи рублей, уплачивая за сѣмъ десятины батманъ пшеницы. Однако, не смотря на заманчивость хорошаго заработка, черняевецъ не забылъ и себя и запасся значительнымъ количествомъ сѣна, о чемъ свидѣлствуютъ крутыя шапки стоговъ, издали маячащихъ за околицей деревни.

Осенью прошлаго года, когда, гонимые малоземельемъ, нуждою и голодомъ, повалили къ намъ крестьяне коренныхъ русскіхъ губерній и, переполнивъ незначительный зимній ташкентскій рынокъ, ходили безъ работы и испытывали нужду, настойчиво взывавшую къ нашимъ гуманнѣйшимъ чувствамъ, зоили нашихъ переселенцевъ,

нивелируя всѣ сложнѣйшія экономическія явленія, заявляли съ апломбомъ и съ прямолинейностью пресловутаго помпадура Угрюмъ-Бурчеева, что эта оборванная, полуголодная армія терпитъ нужду изъ-за собственной своей лѣности. Не мѣшало-бы имъ посмотрѣть на переселенца весною, когда поспѣла трава и коса-литовка безъ устали заблестала надъ дѣвственной средне-азиатской равниной, превратившейся въ сѣнокосъ, и „раззудившееся плечо“ косаря не могло успокоиться даже и тогда, когда время сѣнокоса давно прошло, трава переспѣла и мужикъ косилъ ее лишь потому, „что жалко смотрѣть на щедроты Господни. Смиловался онъ, Царь Небесный, надъ нашимъ сиротствомъ,—вишь, какую благодать выростилъ,—не пропадать-же ей даромъ! Не станетъ скотина ѣсть—въ печи сжечь можно: дрова-то тутъ дороги!“.

Жарко жжетъ туркестанское солнышко!.. На небѣ ни—тучки. Кругомъ безбрежная голая степь,—ни деревца, ни кустика... Разстегнуль косарь воротъ рубахи, обнажилъ горячую грудь и просить хотъ каплю прохлады... Но въ воздухѣ не шелохнетъ, а небо и земля такъ и пышутъ жаромъ... Рубаху хотъ выжи. Некому смотрѣть на эту работу, некому оцѣнить этотъ неимоверно тяжелый трудъ въ пятидесятиградусной

атмосферѣ сухого воздуха, да и не для покази онъ производится...

Черняевка уже совсѣмъ приняла видъ селенія: постройка избъ съ каждымъ днемъ подвигается впередъ и обѣ стороны улицы постепенно застраиваются. Пока голытьба старательно выводитъ стѣны своихъ незамысловатыхъ хоромъ, мужикъ богатѣй развернулъ мошну и воздвигъ двѣ лавки. Онъ уже осматрѣлся на новомъ мѣстѣ и всю зиму снабжалъ ташкентскаго обывателя чиназскимъ сазаномъ, а теперь думаетъ послужить «обществу».

— „Вы, миленькіе, будьте безъ сумлѣнія, я все предоставляю.... Ежели, къ примѣру, сахаръ нуженъ — получай въ своемъ селѣ, нечего попусту ноги бить, въ городъ шататься. И на счетъ сала тоже. Косовица—время трудное, на одномъ хлѣбѣ не проживешь, а сала у меня довольно,—у знакомаго мужика въ Никольскомъ купилъ. На счетъ платежа тоже прижимки не будетъ: есть наличныя, тащи, примемъ, не побрезгуемъ, а нѣтъ—такъ на нѣтъ, извѣстно, и суда нѣтъ. Осень придетъ, хлѣбомъ улатите, а не то работою. Вѣдь мы тоже хрещенные, и своему брату—мужичку оказать довѣріе на всякомъ мѣстѣ готовы. Хорошему человѣку отчего и не повѣрить, да и то сказать, уйти вамъ некуда, всѣ тутъ будете, значить и опаски нѣтъ, пото-

му, коли ежели кто махлевать начнетъ, начальство дѣло въ лучшемъ видѣ разбереть...“

Эти наивные сладкопѣвческіе мотивы давно знакомы переселенцу. Онъ привыкъ къ нимъ еще на родинѣ и знаетъ ихъ силу, а потому почтительно выслушиваетъ рѣчи почтеннаго „общественнаго“ радѣтеля, и, хотя послѣдній не совсѣмъ еще присосался къ міру, мужикъ уже теперь при обращеніи къ радѣтелю величаетъ его по отчеству.

Нельзя не остановиться на этомъ типѣ.

Къ счастью, подобный радѣтель среди приходящихъ переселенцевъ—явленіе исключительное. Сюда дѣйствительно приходятъ иногда богатые крестьяне, но не оторвавшіеся еще отъ земли. Послѣдняя для нихъ продолжаетъ быть единственнымъ источникомъ жизни и скорѣйшее устройство хозяйства—ихъ главная и единственная мечта. Въ большинствѣ случаевъ богатство ихъ заключается въ скотѣ и предметахъ домашняго обихода, которые они заботливо тащили тысячи верстъ въ видахъ экономіи и расчетливости. Они не прочь получить пособіе „какъ слѣдуетъ по закону“, но при первомъ намекѣ на ихъ состоятельность стыдливо потупляютъ очи и, разъ устроившись на новомъ мѣстѣ, тихонько копошатся въ своей усадьбѣ, не падоудая никому ни прось-

бами о пособіи, ни жалобами на всевозможнаго рода трудности.

Черняевскій богатѣй—единственный въ своемъ родѣ. Уже на родинѣ онъ искуссился въ торговыхъ предпріятіяхъ. Судя по его словамъ, не было ни одного предмета сельско-хозяйственнаго обихода, которымъ-бы онъ не торговалъ на родинѣ: онъ скупалъ хлѣбъ, перепродавалъ кожи, развозилъ по деревнямъ рыбу, и, скопивъ нѣсколько сотенъ рублей, открылъ постоянный дворъ, а при немъ—«заведеніе» съ лавочкой. Землю обрабатывали меньшіе братья и работники. Но вотъ братья подросли, старикъ отецъ умеръ, и всѣмъ имъ захотѣлось имѣть свое „заведеніе“. Пошла неурядица, домашнія ссоры и, какъ слѣдствие ихъ, раздѣлъ. Набившій руку въ торгашествѣ, старшій братъ, получивъ свою часть, ушелъ искать счастья на сторону. Шелъ онъ долго, приставая то къ одной, то къ другой партіи переселенцевъ.

Имѣя душу «хрещеную», онъ не могъ равнодушно относиться къ нуждѣ своихъ собратьевъ и, побуждаемый сочувствіемъ къ «миленькимъ», тащилъ за обозомъ разную рвань, которую пріобрѣталъ въ попутныхъ городахъ: ржавыя селетки, слежавшуюся крупу съ рѣзкимъ мышинымъ запахомъ и на привалахъ говорилъ:

— «Идите, миленькіе, берите кому чего

надо. Рубашку надо—получай; порты тоже имѣемъ, а на счетъ разнаго продукта—не сумѣрайся, все есть. У кого деньги звенять—тащи наличныя, у кого нѣту—возьми на телѣгу кое-что изъ моего товара и волоки себѣ съ Богомъ одну—двѣ станціи, анъ смотришь фунтъ крупы дѣтишкамъ и зарабатываешь. Душа-то у меня хрещеная,—нужду да слезы ваши понимать хорошо умѣю.»

И тащили „миленькіе“ свои послѣдніе гроши, пока, наконецъ, «хрещеная душа» не обзавелась семью повозками на желѣзныхъ ходахъ, на которыхъ она торжественно въѣхала въ Ташкентъ. Тутъ она немедленно реализировала часть своего собственного обоза въ деньги, выручая отъ продажи каждаго желѣзнаго хода по 80-ти руб. Пришелъ радѣтель поздней осенью. Онъ живо познакомился съ кѣмъ слѣдуетъ и всю зиму занимался продажей рыбы, которую скупалъ у чиназскихъ уральцевъ.

Но прежде, чѣмъ удариться въ предпріятія, онъ озаботился приписаться къ устроившемуся въ это время Черняевскому поселку. Какъ человѣку грамотному и бывалому, это было ему не трудно сдѣлать. Документы были у него налицо, всѣ ходы къ начальству онъ обстоятельно разузналъ дорогою, и теперь, обезпечивъ себя надѣломъ, съ умилениемъ рассказывалъ, за парой чая, своимъ

новымъ мѣстнымъ знакомымъ, такимъ-же радѣтелямъ, какъ и онъ:

— Хорошая у васъ сторонашка! Пристроиться только трудно, а то ничаво: тепло и не дуется.

Прослышавъ, что крестьянамъ, приписаннымъ къ Черняевкѣ, выдаютъ сѣмена для посѣва, онъ также явился за полученіемъ своей порціи.

— Прикажите, ваше благородіе, получить сѣменковъ для посѣва.

— И не стыдно тебѣ просить сѣмянъ, вѣдь ты-же имѣешь деньги.

— Ничаво не стыдно—прикажите получить потому всѣмъ крестьянамъ полагаются.

— Полагается только бѣднымъ, а ты богатый.—уходи вонъ!

— Уйти недолго. Мы, уйдѣмъ, только по закону всѣмъ полагается—какъ бы бѣды не вышло!

— Ну ступай и жалуйся на меня, а сѣмянъ ты не получишь.

— Зачѣмъ жаловаться—прикажите получить. Маленькаго человѣка обидѣть не долго, только грѣхъ это большой—хрещеную душу обижать. За сѣмена все единственно деньги заплачены. Отдадите другому—видитъ Богъ—въ убыткѣ будете. Потому мы не рвань какая—нибудѣ, а, прямо можно сказать, хозяева обстоятельные и

скотинку имѣемъ и все прочее. Получимъ сѣмена—сейчасъ ихъ въ землю, а мужикъ чѣмъ сѣять будетъ? Онъ за мѣсто посѣва сѣмена слопаеъ и казну надуетъ. Прикажете получить!

Тутъ терпѣніе «переселеннаго чиновника» лопнуло и онъ прогналъ «хрещеную душу», которая ушла безъ сопротивленія, но затаила въ себѣ обиду и при каждомъ удобномъ случаѣ жалуется на то, что теперь правды на землѣ нѣтъ—ее Богъ къ себѣ на небо позовалъ, а назадъ отпустить позабылъ.

Выѣзжая изъ Черняевки, уносишь съ собою твердую увѣренность въ томъ, что село это скоро оправится, а «хрещеной души», если и удастся приспособиться къ міру, то во всякомъ случаѣ не надолго, а лишь до того времени, пока крестьяне не станутъ на ноги. Независимость въ земельномъ отношеніи и постоянство урожаевъ при ирригаціонномъ хозяйствѣ не позволяютъ радѣтелю создать здѣсь ту кабалу, которая обуславливала успѣхъ быстрого роста его „заведенія“ на родинѣ и создала ему тѣ средства, съ которыми онъ приступилъ къ опецкѣ „миленькихъ“.

Выѣхавъ изъ Черняевки по дорогѣ на Акъ-Джаръ, я сталъ встрѣчаться съ русскими бабами. Ярkokрасные сарафаны и сияя покромка вокругъ ворота рубахи выдава-

ли въ нихъ великороссокъ. Думая, что это передовые ходаки переселенческаго обоза, я ѣхалъ далѣе въ надеждѣ встрѣтить самихъ хозяевъ. Однако, телеграфныя столбы мелькали, мелькали и новыя группы бабъ, а обоза все не было. Наконецъ, я рѣшилъ остановить перваго мужика и спросить его, что значить это странствованіе. Какъ-бы нарочно, на горизонтѣ показалась рослая фигура малоросса. Широкіе выбойчатые штаны прятали въ себѣ бѣлую пеньковую рубаху съ прямымъ воротомъ и неизбѣжною „стежкой“ вмѣсто пуговицы и въ свою очередь прятались въ черныхъ холявахъ неуклюжихъ смазныхъ сапогъ. Съ нимъ шли три бабы.

— Здравствуйте, добрые люди,—обращаясь я къ нимъ, остановивъ ямщика.

— Здоровы булы,—отвѣчаютъ они хоромъ.

— Вы что за люди?

— Спасеньки *)

— Откуда-же вы идете?

— Изъ Чикментскаго уѣзду.

— А куда Богъ несетъ?

— А въ Ташкентъ говіты.

— Да вѣдь вамъ ближе идти въ Чикментъ, вѣдь тамъ есть церковь.

— Та воно правда—церква есть,—та це дуже близько и тридцати верстовъ не буде.

*) Говѣльщики.

Я окончательно недоумѣваю. У людей въ 25 верстахъ имѣется церковь, а они идутъ говѣть за 120!

— У Ташкенті, кажутъ, дзвинъ бильшій и попы старійши,—съ улыбкой заявляєть мой собѣсѣдникъ, угадавъ мою мысль. Бачите чого це мы идемо.—Всю зиму мы колотылись істы було ничого—тільки—тільки що перезимували. Ну, а весною, начитсья, посіяли хлибця, Богъ уродивъ, та й траву таку пославъ, що йі и косою не повернешъ! Оце якъ мы обкосились—та й кажемо: ну хлопці треба й Богу поусердствовати, на Снаса шкода у Чивменті говіти, треба у Ташкентъ идти. Що то за говиння що за двадцать верстовъ,—треба потрудитися Господові якъ слідъ—бачъ яке Вінъ намъ щастя пославъ. Дома було якъ схочешъ—потрудитися Господові, то въ Святі Гори підешъ, або у Кіевъ, ну а тутъ у Ташкентъ,—воно хочъ и не дуже далеко, та всежъ не 20 верстовъ. А позволте васъ спросити, будьте ласкови, чи въ Ташкенті свічки воскові єсть? А то намъ казали що тутъ бжолы не водються и усі свічки стералинові.

Успокоивъ ихъ на счетъ свѣчей, я поѣхаль далѣе и невольно вспомнилъ г. Иванова, не такъ давно сообщавшаго на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ *) о паденіи вѣ-

*) См. „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г. кн. 10.

ры среди водворяющихся въ Сыръ-дарьинской области переселенцевъ. Это ли не доказательство того легкомыслія, съ которымъ приступаютъ къ писанію самыхъ обидныхъ и возмутительныхъ навѣтовъ поверхностные наблюдатели, мнящіе себя великими знатоками народной души, разъ имъ удалось на почтовой тройкѣ, метеоромъ, пролетѣть по нашимъ русскимъ деревнямъ!...

На горизонтѣ показался съ правой стороны дороги рядъ воевъ, установленныхъ какъ-бы для привала, а съ лѣвой блестяли на солнцѣ чіевыя стѣнки бараковъ: это новое селеніе Константиновка, и Дербисекскій холерный обсервационный пунктъ.

ПИСЬМО II.

Отъ Гишъ-Купрюка, около котораго расположено селеніе Черняевское, дорога идетъ по холмистой мѣстности, пересѣкая нѣсколько балокъ, отчасти культивируемыхъ подъ хлопекъ и пшеницу, отчасти пустынныхъ вслѣдствіе недостатка поливной воды. Последняя балка, въ трехъ - четырехъ верстахъ отъ станціи Акъ-Джаръ, носитъ названіе Дербисека. Она обращена широкимъ раструбомъ къ рѣкѣ Келесу и въ долинѣ ея расположены два селенія: Константиновское на 97 дворовъ и Кауфманское дворовъ

на 50. Въ первомъ живутъ нѣмцы, выходцы изъ Самарской губерніи, а во второмъ — русскіе. Предсказать теперь, насколько могутъ развиться оба селенія, довольно трудно: это будетъ зависѣть отъ оросительной способности Ханымъ-арыка; но во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что с. Кауфманское имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы со временемъ увеличиться вдвое.

Со стороны г. Ташкента Дербисекская балка ограничена болѣе высокой складкой холмовъ, и сюда-то, у самой почтовой дороги, выходитъ Ханымъ-арыкъ. Выдѣлевъ рукавъ, идущій въ селеніе Константиновское, Ханымъ-арыкъ несетъ свои грязно-желтыя воды въ селеніе Кауфманское, а затѣмъ, удовлетворивъ нужды этого послѣдняго, впадаетъ въ р. Келесъ.

Ханымъ-арыкъ — первое, послѣ Искандеръ-арыка, серьезное ирригаціонное сооруженіе, предпринятое по инициативѣ и на средства русскихъ. Оно еще не совсѣмъ окончено, т. е. арыкъ еще не разработанъ настолько, насколько это требуется, но, тѣмъ не менѣе, онъ уже и теперь орошаетъ весьма почтенную площадь земли, годной для культуры хлопка, пшеницы и другихъ, кромѣ риса, растений, свойственныхъ климату и почвѣ области.

Судя по разбѣгающимся по всей этой мѣстности слѣдамъ старыхъ арыковъ, надо

полагать, что настоящая реставрація Ханымъ арыка есть лишь частичное возстановленіе древней ирригаціонной системы, кормившей нѣкогда цѣлыми тысячами людей, и это-же самое даетъ полное основаніе для вѣры въ свѣтлую будущность обоихъ описываемыхъ селеній.

Константиновское заселилось гораздо позднѣе Кауфманскаго. Распланированное въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года, оно поджидало своихъ будущихъ обывателей, зазимовавшихъ въ Казалинскѣ и съ большими трудностями добравшихся, наконецъ, до мѣста. Двинувшись изъ Самарской губерніи послѣ ряда неурожаевъ и прошлогодняго голода, переселенцы-нѣмцы съ грѣхомъ пополамъ достигли Казалинска, въ чаяніи немедленно-же прослѣдовать въ южные уѣзды; но зима задержала ихъ, и, вотъ, въ Казалинскѣ они снова переживаютъ ту нужду, страха ради которой они покинули родину: экономическія условія всего Казалинскаго уѣзда въ то время, какъ извѣстно, были крайне тяжелы, а маленькій городишко не могъ обезпечить работой 97 семействъ; между тѣмъ большинство ихъ единственнымъ жизненнымъ ресурсомъ имѣло руки...Началось проживаніе убогаго имущества и въ результатъ всего этого получилась совершенная невозможность для большинства изъ нихъ самостоятельно дви-

нутъся съ мѣста *). Администраціи пришлось придти на помощь переселенцамъ и облегчить имъ, насколько возможно, трудный переѣздъ по пустынной степи. Наконецъ, измученные физически и нравственно, въ началѣ іюля они добрались таки до „обѣтованной земли“; но тутъ ихъ ожидало новое горе: грозный холерный микробъ, носившійся въ это время надъ ташкентскимъ уѣздомъ, напелъ себѣ подходящую среду въ изнуренныхъ организмахъ переселенцевъ, и 28 могилъ были первымъ сооруженіемъ, которое воздвигли на чужбинѣ эти несчастные скитальцы. Тяжело смотрѣть на эти 28 крестовъ, связанныхъ изъ щепокъ и обломковъ дерева, найденныхъ на дорогѣ! Но еще тяжелѣе становится, когда замѣтишь на нихъ заботливо сдѣланные бумажные цвѣты. Чьи-то дрожащія руки вырѣзывали эти клочки бумаги, чтобы украсить дорогую могилу, быть можетъ, безжалостно скрывшую въ себѣ единственное близкое существо. Сколько любви и горя вложено въ это незатѣйливое украшеніе, сколько пролито надъ нимъ горячихъ слезъ—про то знаетъ молчаливая степь, да вольный дербисекскій вѣтеръ, да еще оставшіяся вдовы и сироты...

— Ну да, конечно, мы сами виноваты:

*) Правда, многіе изъ переселенцевъ имѣли фургоны, но проѣли лошадей.

было жарко, люди тосковали о хорошей водѣ. На Беклярбекѣ встрѣтили хорошій quelle и вотъ наказаны за unmässigkeit, спѣшитъ оправдаться нѣмецъ-староста, замѣтившій тяжелое впечатлѣніе, производимое унылымъ ландшафтомъ. Онъ, какъ и всѣ его соотечественники, немножко Бисмаркъ и прекрасно проводитъ свою политическую программу, въ сущность которой не легко проникнуть постороннему наблюдателю. Нѣмецъ-переселенецъ ни за что въ мірѣ не покажетъ чужому человѣку язвъ домашней неурядицы: онъ справится съ нею самъ, а потому онъ всегда всѣмъ доволенъ, ни на что не жалуется и на хорошемъ счету у начальства, котораго не беспокоитъ мелкими просьбами. Если ему нужно что-нибудь получить, на что онъ имѣетъ право, онъ всю операцію продѣлаетъ съ чисто-нѣмецкою аккуратностью: явится, къ кому слѣдуетъ, терпѣливо дожидется удобной минуты и начнетъ приблизительно такой разговоръ:

— Извините насъ, hochgeehrter Herr, за беспокойство, но мы чужіе здѣсь люди, порядковъ не знаемъ и пришли къ вамъ за совѣтомъ—nur einen Rath wollen wir bekommen, und mehr nichts! Люди болтаютъ, будто-бы переселенцамъ выдаютъ пособія,—точно-ли это такъ?

— Да, выдаютъ.

— Слышишь, Людвигъ, пособія выдають,—значить, слухи были вѣрные. И всѣмъ выдають, или только русскимъ?

— Всѣмъ русскимъ подданнымъ крестьянскаго званія.

— Такъ. Значить, и намъ выдадутъ. Надо только подождать. Или, быть можетъ, вы посовѣтуете обратиться съ просьбой?

И такъ ведя разговоръ въ изысканно-вѣжливой и почтительной формѣ, онъ повспросить все, что ему нужно, но, замѣтивъ на вашемъ лицѣ малѣйшіе слѣды усталости или нетерпѣнія, сейчасъ-же сократится и явится опять черезъ нѣсколько дней съ тою-же почтительной фізіономіей и съ такимъ-же вѣжливымъ разговоромъ. Говорить всегда одинъ, остальные слушаютъ и приходятъ только для обстановки.

Получивъ пособіе, нѣмцы распоряжаются имъ въ высшей степени цѣлесообразно. Такъ, константиновцы сейчасъ-же отдѣлили часть изъ выданныхъ имъ денегъ и купили 20 общественныхъ лошадей; остальную часть раздѣлили пополамъ и положили одну половину въ банкъ впредь до закупки сѣмянъ для осенняго посѣва, а другую разобрали по дворамъ для постройки избъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ не была забыта традиціонная кружка пива и не одинъ Людвигъ поссорился съ Генрихомъ, но все это происходило у себя, въ

тѣсномъ семейномъ кругу, и никогда не дойдетъ до уха начальства.

Ну какъ-же при такихъ условіяхъ не похвалить нѣмца? И его хвалятъ—не только мы, интеллигенція, но и сосѣдъ по селенію, кауфманецъ.

— Та й бидовый оцей бисивъ нимецъ! Все винъ артилью робе. Бельмоче щось не по нашему, може и лається, хто ёго розбере! До чуба дило никола не доходе!

И надо отдать намъ полную справедливость: въ похвалахъ нашихъ мы часто переходимъ всякія границы....

Проѣзжая какъ-то черезъ менонитскія селенія *), мнѣ пришлось выслушать горячій дифирамбъ уютности, чистотѣ и сравнительной красотѣ нѣмецкихъ избъ. Бѣлыя занавѣски на окнахъ и горшки зеленой герани приводили въ восторгъ моего спутника. Эти скромные аксесуары домашнего достатка вызвали цѣлое повѣствованіе изъ исторіи цивилизаціи вообще и нѣмецкой культуры въ частности. Но вотъ, верстъ черезъ 50, мы въѣхали въ русское селеніе. Замѣтивъ въ одномъ изъ оконъ бѣлую занавѣску и тотъ-же горшокъ герани, я приготовился вторично выслушать восторги товарища, но каково-же было мое удивленіе, когда онъ обрушился на голову хо-

*) Въ аугіеатинскомъ уѣздѣ.

зяина бѣлыхъ занавѣсокъ такой филиппикой, что со стороны можно было подумать, ужъ не личный-ли врагъ его этотъ несчастный мужикъ, осмѣлившійся выставить на своемъ окнѣ скромную герань?

— Нѣтъ, вы поглядите на этого прохвоста! Мужикъ, земледѣлецъ, — и на окнахъ цвѣты, занавѣски! И еще осмѣливаются говорить, что они крестьяне! Это чертъ знаетъ, что такое! Развѣ можно такъ распускать народъ? Эдакъ они у себя въ избахъ скоро бархатную мебель заведутъ?..

Извольте-ка найти логическую связь въ этихъ сужденіяхъ! Почему это въ одномъ случаѣ бѣлая занавѣска является эмблемою культурной высоты, а въ другомъ признакомъ растлѣнія нравовъ?.. Почему, признавая превосходство нѣмецкаго мужика надъ русскимъ, мы тычемъ въ носъ послѣднему высокія качества перваго и рядомъ съ этимъ кричимъ городского, чтобы онъ привелъ къ порядку заѣдающаго насъ нѣмца?

Причины тутъ двѣ: слабое развитіе въ насъ чувства національнаго самоуваженія и слишкомъ глубоко въѣвшіяся въ плоть нашу традиціи временъ полновластія Вральмана, отъ которыхъ мы не можемъ отдѣлаться и теперь, не взирая на то, что давнымъ давно уже сдали въ архивъ сатиры покойнаго фонъ-Визина.

Судьбу константиновцевъ можно считать вполне обеспеченною. Кромѣ того, что они получили казенное пособіе, на которое теперь и приготовляются къ сооруженію избъ, имъ еще оказало помощь ташкентское нѣмецкое общество. Благотворительная дѣятельность послѣдняго проявилась главнымъ образомъ въ пріисканіи занятій свободнымъ членамъ переселенческихъ семействъ и въ доставленіи предохраняющихъ отъ заразы средствъ во время эпидеміи,—это было особенно важно, такъ какъ среди прибывшихъ нѣмцевъ оказалось много истощенныхъ и больныхъ цынгою, и транспорты хорошей пищи, вина, уксуса и т. п., посылаемые имъ ташкентскими земляками, являлись въ высшей степени драгоцѣнной помощью. И все это продѣлывалось съ описанною выше скромностью и совершалось не какъ подвигъ, а какъ обыкновенная обязанность помочь своему ближнему во время нужды въ новой для него странѣ. Мужской персоналъ ташкентской нѣмецкой интеллигенціи не резонировалъ на тему о лѣности и испорченности прибывшихъ крестьянъ, несмотря на то, что среди сотни Карловъ, Генриховъ и Эдуардовъ, конечно, были лица съ недостатками, свойственными вообще человѣку. Женская половина того-же общества не возставала, съ пѣною у рта, противъ неповоротливости, грубости и незнанія всѣхъ

тонкостей въ обязанностяхъ кухарки или горничной со стороны какой-нибудь Лизхень, Амальхень и Гретхень: онѣ прекрасно понимали, что отъ людей, явившихся изъ деревни, ничего подобнаго требовать нельзя,—поэтому разумно протянутая рука помощи не оскудѣваетъ и теперь и, конечно, никогда не оскудѣетъ. Въ этомъ осмысленномъ пониманіи общечеловѣческихъ обязанностей и въ отсутствіи дикой страстности и поголовнаго осужденія лицъ, стоящихъ ниже насъ, и заключается та сила, которую нѣмцы пріобрѣтаютъ на чужбинѣ и отъ которой нашему брату-русскому съ плохо развитымъ чувствомъ солидарности нерѣдко приходится терпѣть много горя *).

Проѣхавъ по направленію къ Акъ-Джару еще съ полъ-версты, вы сворачиваете влѣво и не далѣе, какъ черезъ версту, въѣзжаете на широкую улицу селенія Кауфманскаго. Здѣсь уже замѣчаются устойчивые признаки осѣдлости. По обѣимъ сторонамъ улицы стоятъ готовые, полуоконченные или только что начатыя избы. Тутъ же виднѣются шалаши,—въ которыхъ лѣтовали крестьяне. Въ маленькихъ уличныхъ арывахъ полощутся утки и дѣтвора; по неогороженнымъ пока дворамъ бродятъ куры; за се-

*) См. корреспонденціи и статьи въ *Недѣль* о нѣмецкихъ колонистахъ въ Южной Россіи.

домъ пасутся лошади; на нѣкоторыхъ огородахъ успѣли вырасти подсолнухи и гордо поднимаютъ свои желтыя головы среди другихъ, болѣе мелкихъ растений, — словомъ, здѣсь уже путникъ получаетъ впечатлѣнія русской деревни. Не успѣли вы остановиться, какъ васъ въ одну минуту окружила толпа русоголовыхъ ребятишекъ; они, повидимому, нисколько не смущены горячимъ туркестанскимъ солннышкомъ и по обыкновенію бѣгаютъ безъ шапокъ. Непримѣтные костюмы, худенькія личики ясно свидѣтельствуютъ, что нужда здѣсь еще сильна, а тощіе рѣдкіе колосья на прилежающихъ къ селу нивахъ съ неменьшей убѣдительностью говорятъ, что эту назойливую гостью не прогнать и до будущаго года...

Дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе разныхъ неустрашимыхъ препятствій, крестьянамъ удалось поселиться здѣсь только позднею весною. Хотя они сдѣлали посѣвы и, на счастье ихъ, весна выдалась дождливая, хлѣбъ все-таки не удался, и теперь всѣ свои надежды кауфманцы возлагаютъ на просо, которое они сѣяли въ долѣ съ киргизами, — оно дѣйствительно вышло очень хорошее.

Кауфманцы, какъ и черняевцы, запаслись сѣномъ въ количествѣ, далеко превышающемъ ихъ собственныя нужды. Скота у нихъ пока очень мало. Лошадей, куплен-

ныхъ, какъ и плуги, на средства, которыя выдала администрація въ видѣ пособія, потихоньку да полегоньку вкрадутъ киргизы, а рогатымъ скотомъ жители Кауфманскаго еще не успѣли обзавестись, — если не считать нѣсколькихъ лядашихъ коровенокъ да телки, пожертвованной однимъ изъ ташкентскихъ обывателей.

Большинство новоселовъ Кауфманскаго — бѣдняки, и потому конокрадство со стороны киргизъ является здѣсь страшнымъ зломъ; но это — вопросъ слишкомъ серьезный и я остановлюсь на немъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, а пока обратимся къ кауфманцамъ. Это чисто русское село, со всѣми русскими характерными особенностями. Здѣсь ужъ нѣтъ никакой политики, здѣсь все на чистоту. Обыватели, какъ настоящіе славяне, свято хранятъ прадѣдовскія преданія и при первомъ затрудненіи готовы звать на помощь варяговъ, которыхъ видятъ въ лицѣ начальства. Это и немудрено. Ихъ старшіе братья, ташкентская интеллигенція, не похожа на нѣмецкое общество, и не только относится съ полнымъ равнодушіемъ къ ихъ судьбѣ, но при всякомъ удобномъ случаѣ отверщивается отъ нихъ, какъ отъ чего-то вполне чуждаго и даже ненавистнаго *).

*) Понятно, что и это общее правило, какъ и всякое другое, не безъ исключенія.

некуда идти за совѣтомъ, да онъ и не пробуетъ, такъ какъ напередъ твердо знаетъ, что въ чью бы дверь онъ не постучался, ему всюду придется выслушивать скучнѣйшія нотации, давно ему надоѣвшія. А между тѣмъ новыя сосѣди, новая обстановка, всё вообще особенности жизни въ чужой сторонѣ его ошеломляютъ.

Условія мѣстнаго рабочаго рынка ничего общаго не имѣютъ съ тѣми, къ которымъ онъ привыкъ на родинѣ и такъ какъ горькій опытъ прошлой жизни, погнавшій крестьянина въ чужую сторону, научилъ его, что *homo homini lupus est*, онъ не хочетъ вѣрить въ естественность охватившей его жизни и начинаетъ сомнѣваться: такъ-ли это, не хотятъ-ли его надуть? И въ памяти натерпѣвшагося всякихъ бѣдъ и видѣвшаго разные „виды“ переселенца живо воскресаетъ образъ деревенскаго кулака съ желѣзной лапой и тощая фигура жида—кабатчика, которые другъ передъ другомъ старались обойти и обмануть его. Что-же ему дѣлать? Если-бы съ нимъ вмѣстѣ пришло все его родное село, они-бы міромъ какъ-нибудь разобрались въ этомъ хаосѣ, жили-же они сотни лѣтъ, не уповавъ ни на чью помощь, и рѣшали сложнѣйшія экономическія задачи общими силами села, а тутъ это невозможно. Міра нѣтъ, да и долго еще его не будетъ: въ одномъ се-

леніи группируются люди не только изъ разныхъ уѣздовъ, но и разныхъ губерній. Болѣе скрытный по натурѣ хохоль косится на великоросса, а послѣдній съ нѣкотораго рода снисхожденіемъ посматриваетъ на хохла. Они сейчасъ-же разбиваются какъ-бы на отдѣльныя партіи и объ общемъ дѣлѣ хлопчутъ въ розницу, а потомъ свои промахи начинаютъ валить другъ на друга.

— Это все хохлы виноваты, — съ сожалѣніемъ заявляютъ, положимъ, тамбовцы, — одно слово, мазепы.

— Съ цими москалями ніякого сладу нема, — чертъ ихъ батька зна, що за народъ.

Нечего и удивляться, что при такихъ условіяхъ они осаждаютъ администрацію разными, повидимому, и пустыми, но для нихъ весьма важными просьбами.

— Мы къ вашему благородію, — люди болтають, будто отъ казны способіе вышло на счетъ хлѣбопашества. Будьте отцомъ, купите сами, что полагается, а то хохлы все на счетъ плуговъ хлопчутъ... заявляетъ великороссъ, и не успѣлъ онъ еще выйти изъ комнаты, какъ на смѣну ему является самъ хохоль. Онъ всю жизнь пахалъ землю своимъ неуклюжимъ тяжелымъ плугомъ; другихъ орудій онъ не признаетъ и боится, что его заставятъ измѣнить привычку.

— Здравствуйте! говорить новий посѣтителъ: почували—днювали собі якъ?

— Спасибо. А что скажешь?

— Прийшли доложиться—що сіли на землю. Де які уже и хаты почали робити.

Очевидно, дѣло не въ этомъ. Но хохоль не можетъ высказаться прямо,—ему надо схитрить.

— Ну, слава Богу!

— Тожъ-то. И мы кажемъ: слава Богу! Въ осени думае оратъ підъ пшеницу. Москалі привезли зъ собою сохи. Кажуть, сохами оратъ будуть...

— Ну такъ что-же, вамъ какое дѣло? Пусть себѣ пахуть, чѣмъ хотятъ!

— Та нехай! Намъ що, нехай сохами орютъ; тілки не буде ихъ діла. Хіба цю землю сохою возьмешь? Сюды треба добрый плугъ.

— Такъ вы и нашите плугами.

— Та мы плугами. Це москалі сохами. Вони кажуть, що якъ способіе вийде, такъ вони на всі гроши сохи куплють. Та мабуть брешуть! Такого и закони нема, щобъ на всі гроши сохи купувати.

И въ такомъ родѣ ведется разговоръ, пока, наконецъ, не добираемся до сути дѣла, изъ которой явствуетъ, что хохлы желаютъ того-же, чего и великороссы, т. е. чтобы „способіе“ не попало въ этотъ на живую нитку сшитый міръ, а чтобы имъ

распорядилось само начальство по своему усмотрѣнію. Начальство въ этомъ случаѣ представляетъ собою нейтральнаго посредника, на котораго нельзя сердиться и рѣшеніе котораго не будетъ торжествомъ ни той, ни другой заинтересованной стороны.

Въ нашихъ глазахъ подобная причина для раздора смѣшна, но лишь потому, что мы давно уже изъ книжекъ вычитали, что для перваго шага въ сельскомъ хозяйствѣ въ Туркестанскомъ краѣ необходимъ омачъ *), а не плугъ и не соха; казалось-бы, наша святая обязанность была-бы подѣлиться всѣми этими свѣдѣніями съ невѣжественнымъ крестьянскимъ людомъ, который своимъ появленіемъ здѣсь усиливаетъ наше значеніе и наше гражданское могущество; но мы предпочитаемъ злословить его всячески, а потомъ, въ доказательство нашей правоты, ссылаемся на нѣмцевъ, которые сразу устраиваются по приходѣ на отведенныя имъ мѣста. При этомъ забывается, что, во первыхъ, нѣмцы приходятъ вполне сторганизованными обществами, во вторыхъ,—съ гораздо большимъ достаткомъ **), чѣмъ русскіе крестьяне и, въ третьихъ,—здѣсь ихъ встрѣчаетъ горсть нѣ-

*) Туземное земледѣльческое орудіе.

**) Одни ихъ фургоны съ хорошими дубовыми колесами и толстыми шинами составляютъ уже солидную цѣнность.

мецкой интеллигенціи, такъ какъ встрѣчаютъ въ чужой сторонѣ дорогого земляка, а не брюзжаніемъ стараго барина.

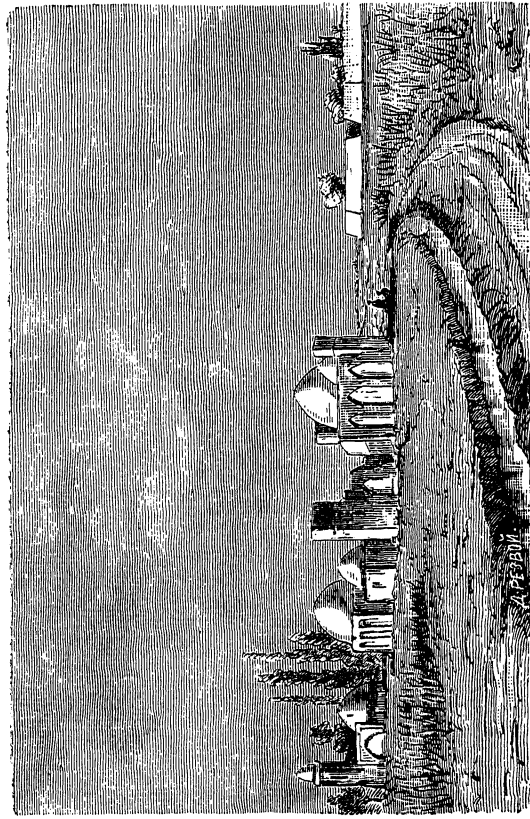
Въ силу такого положенія вещей, устройство (въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова) переселенцевъ всею своею тяжестью ложится на администрацію и только благодаря ея энергіи въ нашей Сыръ-дарьинской области насчитывается въ данное время 47 селеній съ 16 000 душъ русскихъ крестьянъ. Ознакомленію съ бытомъ послѣднихъ я и посвящу свои дальнѣйшія письма.

ПИСЬМО III.

Умудренное горькимъ опытомъ прошлыхъ лѣтъ и ознакомившееся за послѣднее время съ болѣе легкимъ способомъ заготовки сѣна косою, кочевое населеніе хорошо воспользовалось благопріятною весною текущаго года и, повидимому, обеспечило на зиму свой скотъ кормовыми средствами. По дорогѣ изъ Ташкента въ Чимкентъ буквально каждое зимовое стойбище киргизовъ завалено сѣномъ. Даже диву даешься, какъ не раздавить своею тяжестью эти громадные стоги убогихъ киргизскихъ хибарокъ, на врышахъ которыхъ они сложены. Однако, пессимисты говорятъ, что киргизъ попрежнему безпеченъ и подобные запасы сѣна

произведены лишь въ зимовьяхъ, расположенныхъ по оживленному почтовому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грузовому тракту и специально предназначены для продажи извозчикамъ, а киргизскій скотъ даже и не понохаетъ заготовленнаго сѣна. Однако, судя потому, что скирды его видны и въдалекѣ отъ дороги, подобное объясненіе нельзя не признать чрезчуръ мрачнымъ. Впрочемъ, если бы было и такъ, то во всякомъ случаѣ предстоящая зима не страшна кочевнику: въ степи такая масса сухой травы, что ее безъ сомнѣнія хватитъ на прокормленіе громаднаго количества скота. Необозримыя пространства степи, тянущейся по обѣимъ сторонамъ дороги, выжжены лѣтнимъ солнцемъ и сухіе стебли густой травы, при каждомъ дуновеніи вѣтра, разливаются золотистыми волнами. Кое-гдѣ на горизонтѣ мелькаетъ остроконечная шапка киргиза, стерегущаго стада овецъ или рогатаго скота, а по дорогѣ, непрерывною нитью, тянутся скрипучія повозки русскихъ крестьянъ, занимающихся извозомъ. Тысячи пудовъ кожи, кошметъ и хлѣба передвигаются ими изъ Семирѣчья въ Ташкентъ и къ Самаркандской ж. д. Въ обратный путь везется рисъ и сушеные фруиты, и такъ безъ конца суетится по дорогѣ русскій мужикъ, уже обжившійся на чужой сторонѣ, ставшей ему второю родиной. Мѣ-

стами у дороги встрѣчаются таборы тѣхъ же вошиковъ, остановившихся для отдыха. Крѣпкая, надежная снасть и хорошій, кормленый скоть, какъ нельзя лучше свидѣтельствуя о зажиточности хозяевъ и только изрѣдка картина довольства смѣняется полною нищетою: то идетъ переселенецъ, измотавшій свою душу въ безконечномъ путешествіи изъ Россіи въ Туркестанъ. Изнуренная лошаденка еле тащитъ подбитую телѣгу, на которой въ общую кучу свалены и разная рвань, именуемая одеждою, и хозяйственные предметы, Богъ вѣсть зачѣмъ захваченные изъ дому, и, наконецъ, дѣти. Но это еще идетъ переселенческая аристократія, составляющая предметъ зависти переселенческаго плебса. Послѣдній двигается пѣшкомъ. Рванный зипунишка едва покрываетъ грязную, заплатанную рубаху. На ногахъ у него нѣтъ сапогъ; объ этой части туалета у переселенца сохранились самыя лучшія воспоминанія, которыя болѣзненно бередаютъ его память каждый разъ, когда нога его или обжигается раскаленной дорожной пылью, или до крови рѣжется острымъ щебнемъ полотна дороги. Болѣе для успокоенія совѣсти, чѣмъ для защиты тѣла напялили онъ на ноги шерстяныя чулки, подшивъ подъ подошву кусокъ войлока, и не теряетъ надежды дойти, наконецъ, до того Эльдорадо, о кото-

Степные виды. — Киргизское кладбище близ зимовокъ.

ромъ писали ему земляки его, точно такимъ же образомъ переселившіеся на „теплы воды.“

— Откуда Богъ несетъ, старина?

— А изъ Воронежской губерніи,—отвѣчаетъ спрошенный, видимо обрадовавшійся случаю перевести духъ и разъяснить хоть кое-что въ тѣхъ вопросахъ, что непрерывно роятся въ его головѣ, то склоняя ее, усталую, къ придорожному камню вмѣсто подушки, то подталкивая на дальнѣйшее странствованіе въ погоню за счастьемъ.

— Три года подрядъ недороды были; совсѣмъ подвело животы. А тутъ еще тѣснота одолѣла: некуда податься. Вотъ и пошелъ искать вольной жизни. Мужики баяли,—въ Ташкентской губерніи безземельныхъ на землю сажаютъ, а правда ли, Богъ его знаетъ, можетъ и зря народъ болтаетъ..... Вышелъ я изъ дому еще весною на двухъ лошадахъ. Одну, пока дошли до Перовскаго города, проѣли, а другая издохла. Такое горе пришло, хотъ помирай. Бросилъ сына со снохой въ Перовскомъ, а самъ вотъ иду землю глядѣть. Скажи ты, соколигъ, по истинной правдѣ, даютъ ли въ Ташкентѣ землю, али нѣтъ?...

Во взглядѣ, сопровождающемъ этотъ вопросъ, свѣтится столько душевной муки и вмѣстѣ съ тѣмъ надежды, что у васъ буквально не поворачивается языкъ сказать

убійственную правду и вы отдѣливаетесь успокоительными фразами, хорошо зная, что ни въ Ташкентскомъ, ни въ Чимкентскомъ, ни въ Аулиеатинскомъ уѣздахъ готовыхъ къ поселенію земель нѣтъ ни аршина. Хлынувшая послѣ прошлагодняго неурожая волна переселенцевъ захватила все имѣвшееся въ запасѣ количество земель и, образовавъ 20 новыхъ селеній въ теченіе одной лишь осени 1891 г., плотно осѣла на отведенныхъ надѣлахъ. А между тѣмъ гонимые самыми разнообразными причинами переселенцы продолжаютъ двигаться въ Туркестанъ и нѣтъ возможности остановить этотъ потокъ, не признающій никакихъ препятствій и руководящійся только инстинктомъ самосохраненія, да стремленіемъ получить и свою долю матеріальнаго довольства на жизненномъ пирѣ человечества. Эти свободныя, жаждущія работы руки съ завистью поглядываютъ на необозримыя пространства рѣдконаселенныхъ туркестанскихъ степей и недоумѣваютъ, почему имъ не позволяютъ занять ихъ, не подозревая, что эта дѣйствительно могущая прокормить сотни тысячъ ртовъ земля, не имѣя воды, не имѣетъ жизни и для того, чтобы приютить на ней несчастныхъ скитальцевъ необходимо предварительно затратить десятки тысячъ рублей на орошеніе дѣвственной почвы. Въ настоящее время въ рукахъ

мѣстной администраціи такихъ средствъ не имѣется. Серьезнѣйшая государственная задача—колонизація края—пока совершалась какъ-бы между дѣломъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что переселенческое дѣло въ области—самый назрѣвшій вопросъ и, при наличности наиблагопріятнѣйшихъ условій земледѣльческой культуры, избыткѣ годныхъ къ обработкѣ земель и богатыхъ запасахъ ирригаціонной влаги, отпускъ средствъ на орошеніе предопредѣленъ самою сущностью современнаго положенія и только лишь является вопросомъ времени. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ такъ прочно и такъ справедливо не можетъ быть поставлено дѣло водворенія крестьянъ густонаселенныхъ русскихъ губерній, какъ въ Туркестанѣ. Въ настоящее время количество культурной, ерго орошенной, земли, имѣющейся въ пользованіи туземцевъ, вполне обеспечиваетъ ихъ экономическій бытъ, тѣмъ болѣе, что ежегодно, уже дѣйствующими каналами, тѣми же туземцами отвоёвываются у природы новыя участки почвы, годной къ обработкѣ. Всякое же новое, самостоятельное большое ирригаціонное сооруженіе оживитъ громадную площадь земли, на которой безъ малѣйшаго стѣсненія аборигеновъ края могутъ быть водворены русскіе люди. Утилизацией водъ одной Сырь-дарьи, въ разныхъ мѣстностяхъ воз-

можно призвать къ жизни до 500,000 десятинъ плодороднѣйшей почвы, годной для всѣхъ родовъ культуры, начиная съ цѣнныхъ растений вродѣ хлопка, сорго и т. п., и кончая пшеницей, ячменемъ и овсомъ. Правда, такой способъ колонизаціи вызываетъ значительную затрату средствъ государственнаго казначейства, но не надо забывать, что водворенные на такихъ земляхъ крестьяне явятся надежнѣйшей податной единицей, которая въ самомъ непродолжительномъ времени окупитъ произведенныя для нея затраты, такъ какъ при культурѣ съ искусственнымъ орошеніемъ земледѣлецъ выходитъ изъ-подъ зависимости слѣпотаго случая и не знаетъ тѣхъ колебаній урожая, которыя вызываютъ бѣдствія вродѣ прошлогодняго голода. Кромѣ того, всѣ эти пустующія земли, составляя громадное государственное имущество, являются въ настоящее время мертвымъ капиталомъ, сохраняющимъ въ нѣдрахъ своихъ безъ всякой пользы неисчерпаемый источникъ потенціальной силы, освобожденіе которой увеличить народное богатство цѣлой страны, съ одной стороны, возвышеніемъ цифры состоятельныхъ землепашцевъ, а съ другой, накопленіемъ на собственныхъ рынкахъ такихъ цѣнностей, какими въ настоящее время снабжаетъ насъ заграница.

Чѣмъ ближе приближаешься къ г. Чим-

кенту, тѣмъ больше проникаешься сознаніемъ, что путешествуешь по русской странѣ. Зипунъ и косоворотка рубаха энергично борются за право преобладанія въ народной толпѣ, и такъ какъ крестьянскій извозный промыселъ болѣе чѣмъ на половину сократилъ грузовое движеніе на туземныхъ арбахъ, то русское лицо попадаетъ на пути гораздо чаще бритой сартовской головы. Чимкентскій базаръ совсѣмъ утратилъ своеобразный, строго туземный характеръ и на немъ по всѣмъ направленіямъ шныряетъ смазной сапогъ русскаго крестьянина. На каждомъ шагу попадаютъ оригинальныя сцены изъ русско-туземной жизни. У лавки съ кожевеннымъ товаромъ курносый курянинъ, за неимѣніемъ словесныхъ средствъ объясненія, старательно выворачиваетъ пальцы, убѣждая сарта-хозяина взять за кожу именноту цѣну, которая емукажется наиболѣе сходною. Для большей убѣдительности и ласковости, мужикъ свою непонятную для сарта рѣчь пересыпаетъ заученными туземными словами.

— Отдай за пята́лтынный! вотъ, накажи меня Богъ, якши а́дамъ будешъ!...

— Юкъ, не можно! — флегматически отвѣчаетъ сартъ, прихлебывая чай изъ расписной „піалы.“

— Ты постой, ты не торопись, гляди сюда: вотъ одинъ пятакъ—бишь конеекъ

по вашему—при этомъ погибается первый палець,—а вотъ другой, а вотъ третій, понимаешь?

— Иокъ, не можна: бирь теньга *).

— За этотъ-то кусокъ двадцать копеекъ?! да на тебѣ хреста нѣтъ; да я надысь за 12 коп. бралъ, а тебѣ изъ чести 15 даю, потому ты тамыръ **)!

Къ общему удовольствію торгъ сходится на 18 коп., а какъ они попяли другъ друга, вычисляя эту цифру, извѣстно одному Богу.

Въ другомъ мѣстѣ стоитъ рядъ русскихъ повозокъ съ пшеницею и мукою. Здѣсь уже торгуется сартъ. Его быстрая стрекочущая рѣчь также мало понятна и убѣдительна для сидящаго на возу съ мукою хохла, который съ неменьшею флегматичностью, какъ и торговецъ кожею, категорически заявляетъ своему покупателю:

— Та ты не стрекочи, якъ сорока; кажу тобі шість рубливъ за батманъ! хочешь беря, а не хочешь—иди собі къ бісовому батькові: не затуляй мені світа, нехай люде дивляться на мою муку!

Подъ развѣсистыми вѣтками густаго карагача у самого уличнаго арыва расположилась цѣлая крестьянская семья и наслаждается ѣдою сочной сладкой дыни. Тутъ

*) 20 коп.

**) Другъ.

же, около, вертится мальчишка-сартъ съ полною корзинкою лепешекъ на головѣ, видимо надѣющийся сбыть частичку своего малоцѣннаго товара своимъ новымъ согражданамъ. А на всю эту суету мірскую съ высоты верблюжьяго горба меланхолически взираетъ киргизъ-степнякъ въ громадномъ курчавомъ малахаѣ на головѣ и желтомъ нагольномъ тулупѣ на плечахъ. Какой мысленный процессъ совершается въ его головѣ и что высматриваютъ его узкіе, косые глазки-трудно понять,—такъ, повидимому, ко всему равнодушна и вообще безстрастна его мощная фигура.

На единственной большой улицѣ русскаго Чимкента замѣчается та же смѣсь „одеждъ и лицъ.“ По ней ѣдутъ крестьяне изъ селеній на базаръ и обратно, а по аулиеатинскому почтовому тракту, все той же безпрерывной нитью, тянутся русскія телѣги съ кладью, направляемой на ташкентскій рынокъ. Здѣсь идутъ: и карбалтинскія яблоки, и алматинская пшеница, и семирѣченская шерсть, и аулиеатинская кожа, и кяхтинскій чай, и смѣшанные грузы частныхъ лицъ и транспортныхъ конторъ. Все это поснѣшво тащитъ круторогій астраханскій быкъ, важно выступая за своимъ хозяиномъ хохломъ, идущимъ впереди обоза съ длиннымъ чумацкимъ кнутомъ, ручка котораго покрыта особою хохладкою рѣз-

бою. Фигурныя ярма, длинныя притыки, измазанная дегтемъ „важница“ *), деревянныя шпильки, которыми заколоты пенные пологи, заключающіе въ себѣ пшеницу, характерный запахъ дегтя, и, наконецъ, вѣрный песъ „Бровко“, сопровождающій обозъ,—все это настолько будитъ родныя воспоминанія о широкомъ шляхѣ Малороссіи, что невольно забываешь о томъ, что все это совершается въ глубокой Азій, царствѣ кочующаго киргиза, за 4000 верстъ отъ европейской культуры, и проникаешься горделивой увѣренностью, что уже:

Здѣсь русскій духъ,

Здѣсь Русью пахнетъ!

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чимкента, по дорогѣ въ г. Аулиеата, влѣво отъ почтового тракта, стоитъ первое русское селеніе Каменная Балка. Оно рассчитано на 23 двора и заселено лишь лѣтомъ текущаго года. Крестьяне Каменной Балки, точно также, какъ и нѣмцы, Константиновцы, зимовали въ Казалинскѣ и пришли въ Чимкентъ въ разгаръ холерной эпидеміи. Однако, эта грозная болѣзнь почти не тронула ихъ; усиленная же заболѣваемость среди шедшихъ съ ними нѣмцевъ объясняется крестьянами высшею степенью

*) Родъ домерата, употребляемаго для смазки вожовъ—необходимая принадлежность каждаго чумацкаго воза.

расчетливости, граничащей со скупостью, свойственной германской расѣ:

— Зимѣ насилу прокормились; весною, почитай, натошакъ тронулись, а путь была трудная. Знаемое дѣло, идешь дорогою—надо себя жалѣть, потому придешь на мѣсто, работа тяжелая будетъ. Ну, значить, русскіе добра-то и не жалѣютъ. Чаво его жалѣть: живы будемъ, новое наживемъ; ну, и продаютъ, со слезами да продаютъ, чтобы харчей хорошихъ достать. А нѣмецъ все экономію загоняетъ; вмѣсто того, чтобы ѣсть, онъ все лижетъ. Того лизнетъ, другого. Съ такихъ харчей живъ не будешь. Сами себя извели ни за что; которые такъ и идти не могли: пластомъ на повозкахъ лежали. Добро-то сохранили, а себя схоронили; вотъ и подико-съ съ нѣмцемъ: и человѣкъ то онъ грамотный, а вышелъ хуже нашего брата, темнаго мужика!....

У 23 хозяевъ Каменной Балки при поселеніи весь живой инвентарь заключался въ двухъ верблюдахъ; остальное все было проѣдено во время зимняго „Казалинскаго сидѣнія“ и долгаго пути по голодной степи. Сдавъ паспорта въ уѣздное управленіе и получивъ небольшое денежное пособіе, крестьяне сейчасъ же приобрѣли скотъ и разошлись на заработки. Опоздавъ поспѣять хлѣбъ, они спѣшили обезпечить себя на зиму какою-нибудь пищей, такъ и кровомъ, а

потому не брезгали никакой работой. Косили у киргизовъ пшеницу, получая за работу натурою, ходили на поденщину въ Чимкентъ, нанимались въ работники къ крестьянамъ старыхъ селеній и, наконецъ, проникали на такіе отдаленныя рабочіе рынки, какъ г. Ташкентъ. Въмѣстѣ съ этимъ, крестьяне не забыли воспользоваться выдающимися, для сѣнокошенія, условіями текущаго года и каждый изъ нихъ запаса громаднымъ количествомъ сѣна. Непривыкшій думать о черномъ днѣ, туземецъ удивлялся той жадности, съ которою крестьяне набросились на косьбу сѣна и не безъ ироніи улыбался, указывая администраціи на бесполезную якобы работу „уруса,“ но тѣмъ не менѣе мужики „вели свою линію“ и накопили столько травы, что нѣкоторые изъ нихъ, до постройки заборовъ, обгородили дворы свои высокими стогами сѣна. Съ середины августа деревня стала обстраиваться. Крестьяне спѣшили съ заработковъ, чтобы успѣть при хорошей погодѣ выстроить избы. Въ настоящее время большая часть хатъ уже готова и только нѣкоторые избы еще не закончены кладкой, а другія стоятъ пока безъ крышъ. Однако, крестьяне все-таки надѣются зимовать въ собственныхъ домахъ, рассчитывая къ зимѣ окончить постройки.

Усиленная постройка избъ во всѣхъ по-

выхъ селеніяхъ породила небывалый еще въ области кустарный промыселъ. Расторопный столяръ-пермякъ, видя мужицкую нужду, живо обмыслилъ дѣло и, сложивъ на повозку незатѣйливый инструментъ свой, да прихвативъ ящикъ, другой стекла, отправился по новымъ селеніямъ дѣлать оконныя рамы. Пермяку выгодно сбывать за 1 рубль небольшую крестьянскую раму, а мужику удобно пріобрѣтать ее у себя въ деревнѣ, и они оба довольны другъ другомъ. Всѣ изготовленныя такимъ образомъ рамы сдѣланы по одному типу и это даетъ возможность составить приблизительное понятіе о значительныхъ размѣрахъ заработка путешествующаго столяра.

Разговоры съ крестьянами с. Каменной Балки даютъ основаніе къ весьма утѣшительному заключенію, что приходящій изъ Россіи въ послѣднее время мужикъ является къ намъ уже съ сильно укоренившеюся привычкою къ сельской школѣ. Не смотря на свое бивуачное положеніе и убогую, пока, домашнюю обстановку крестьяне настойчиво ходатайствуютъ о помѣщеніи дѣтей въ Чимкентское городское училище изъ боязни, чтобы дѣти за зиму не забыли грамоты, которой обучались на родинѣ. Менѣе состоятельныя, а, значить, не располагающіе средствами содержать дѣтей въ городѣ, договаривають своего

односельца, довольно грамотного крестьянина, чтобы тотъ позанялся съ дѣтворою въ теченіе предстоящей зимы. вмѣстѣ съ этимъ, всѣ они очень озабочены вопросомъ, будетъ ли у нихъ казенная школа, и боятся, чтобы малочисленность дворовъ не повліяла бы отрицательно на учрежденіе у нихъ сельскаго училища.

Въ заключеніе необходимо прибавить, что Каменная Балка, особенно вечеромъ, когда по ея улицѣ возвращается съ пастбы, скромное пока по численности, стадо коровъ и лошадей, выглядитъ, не смотря на свою молодость, настоящей русской деревушкой. Сопоставляя цѣнность созданнаго уже благосостоянія съ мизернымъ размѣромъ полученнаго отъ казны пособія, надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, сколько должны были крестьяне затратить труда, продавая его въ чужія руки, чтобы такъ скоро оправиться и стать на ноги послѣ ряда невзгодъ прошлой зимы и весенняго странствованія.

ПИСЬМО IV.

Косые лучи заходящаго солнца уже догорали въ квадратныхъ стеклахъ крестьянскихъ избъ, когда мы въѣзжали въ широкую улицу селенія Красныя Воды. На встрѣчу намъ шло значительное по числен-

ности стадо овецъ російской породы, а съ противоположной стороны, поднимая густую, ѣдкую пыль, двигались коровы и волы, частью также приведенные изъ Россіи, частью пріобрѣтенные у киргизъ.

Какая разни́ца въ формахъ и рослости между этими двумя категоріями домашняго скота! Перы́е, выхоленные рачительнымъ уходомъ мужика, рѣзко выдѣляются однородностью и силою на сѣренькомъ фонѣ низкорослыхъ, кудлатыхъ киргизскихъ коровенокъ, скорѣе напоминающихъ двухгодовалыхъ телятъ, чѣмъ взрослыхъ животныхъ. Не дож́дая зимою и въ то же время согрѣвая тѣло свое исключительно собственною теплотою, киргизскій скотъ не въ силахъ развить свои формы и уподобляется той корявой корельской березѣ, которая всячески борется съ суровыми климатическими условіями, наращивая въ теченіе короткаго лѣта лишній неуклюжій узелъ, вмѣсто стройной, правильной вѣтви. Однако и эти лилипуты отѣ́даются на русскомъ сѣнѣ, и, если несовершенствуютъ формъ, то пухнуть въ ширь, нагуливая сало и нѣ́жа въ зимніе морозы свое несовершенное тѣло подъ крышами крестьянскихъ загоновъ.

Приближеніе стада оживило улицу деревни: въ воротахъ каждаго двора появились хозяева или хозяйки, кто съ палкой,

кто съ кускомъ хлѣба въ рукахъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ заманить во дворъ еще непривыкшую къ мѣсту скотину. Изъ трубъ валилъ густой дымъ, и красное пламя камыша или колючки, время отъ времени ярко вспыхивая въ печахъ, освѣщало внутренность избъ, окна которыхъ были обращены на востокъ.

Уже прислушиваясь къ говору уличной толпы, можно было заключить, что преобладающее населеніе Красныхъ Водъ — великороссы; то-же сказывалось и въ костюмахъ женскаго персонала деревни: высокіе лифа сарафановъ и отороченныя яркой тесьмою помочи красиво выдѣлялись на тонкихъ бѣлыхъ рубахахъ, надѣтыхъ по случаю праздника. Вообще внѣшній видъ крестьянъ такъ-же, какъ и выстроенныхъ ими избъ, говорилъ за полный достатокъ красноводцевъ. Успѣвъ сдѣлать посѣвы еще осенью прошлаго года, они получили весьма хорошій урожай, и многіе изъ обывателей селенія начали строить амбары. Кромѣ хлѣба собраннаго съ собственныхъ посѣвовъ, крестьяне воспользовались падалицей, оставшейся на поляхъ киргизъ послѣ урожая прошлаго года.

Надо именно пережить ту нужду въ хлѣбѣ, которая погнала мужика къ намъ и которая научила его высоко цѣнить каждое пшеничное зерно, чтобы понять, какъ рѣ-

шается крестьянинъ на египетскій, по кропотливости, трудъ сбора падалицы. Падалицей называется тотъ хлѣбъ, который вырастаетъ на пашнѣ послѣ уборки пшеницы изъ случайно упавшихъ зеренъ. Онъ очень рѣдокъ—„колосъ отъ колоса не слышать бабьяго голоса“—и надо затратить массу труда и времени, чтобы вырвать сиротливо стоящіе колосы, составить изъ нихъ снопы, а изъ такихъ сноповъ копну. Тѣмъ не менѣе красноводцы не побрезгали и этимъ даромъ Господнимъ, и многіе изъ собранной падалицы намолотили до 50 пудовъ зерна. Правда мука изъ падалишнаго хлѣба выходитъ черноватою, такъ какъ озимая пшеница въ такихъ случаяхъ приобретаетъ свойство перерождаться въ рожь, но она также питательна и послужить немалымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ новоселовъ.

Хорошій урожай красноводцевъ былъ бы отличнѣмъ, если бы поля ихъ не обижалъ „воробей“, отъ котораго здѣсь вообще очень трудно защищаться, въ особенности же это было тяжело красноводцамъ, которые, явившись изъ Россіи, гдѣ ограниченность и дороговизна земельныхъ угодій заставляла крестьянъ скучиваться съ разнообразными посѣвами на большихъ участкахъ, вызывая нескончаемые споры изъ-за потравъ и захвата во время покоса нѣ-

сколькихъ десятковъ колосьевъ вдругъ попали въ условія полной свободы сѣять хлѣбъ, гдѣ угодно, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни сосѣдомъ... И разбросали обрадованные такой благодатью крестьяне свои пашни подобно мелкихъ озерамъ, остающимся послѣ весенняго разлива рѣки, когда она, вырвавшись изъ зимнихъ ледяныхъ оковъ, разливаетъ свои бурныя воды по раздолью низменнаго берега. Пришло время налива зерна, и красноводцы сознали свою ошибку, да было поздно: разобщенные посѣвы требовали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особаго сторожа, — пришлось дробить силы семьи по участкамъ посѣва. А ненасытный „воръ-воробей“ какъ бы только и ждалъ этого: вспугнуть его на одномъ концѣ нивы, а онъ перелетитъ нѣсколько сажень и опять опускается на колосья, жадно выпивая сладкое молочко наливающегося зерна. Обѣжить мужикъ полосу, начнетъ бить палочкой по косѣ, подниметъ шумъ, — воробей вспорхнетъ, да опять на старое мѣсто — словно издѣвается надъ пахаремъ, нѣтъ съ нимъ никакого сладу! И птичка маленькая, да наготовѣ востеръ! Приходилось всѣмъ членамъ семьи съ утра до ночи пугать назойливую птицу. Особенно досталось посѣвамъ проса. Стаи пернатыхъ хищниковъ, забираясь въ лопушистую зелень проса, удобно располагаются подъ длинными ши-

рокимп листьями растенія и, нагибая тонкіе стебельки метелки, не только объѣдаютъ зерна, но и ломаютъ нѣжныя вѣточки. Привыкшій къ мѣстнымъ условіямъ киргизъ, изучивъ характеръ воробья, нашелъ способъ борьбы съ нимъ, утилизируя съ этою цѣлью заклятаго врага воробьиной націи — коршуна. Когда снимутся первые хлѣба, киргизъ не торопится посѣвомъ проса и производитъ его съ такимъ расчетомъ, чтобы время созрѣванія зерна совпало со временемъ вывода коршунами дѣтей. Кормленіе подрастающихъ птенцовъ заставляетъ родителей энергично охотиться за воробьями и коршунъ, зная привычки своей жертвы, постоянно кружится надъ посѣвами проса, до котораго такъ лакомъ воробьи. Тогда эти послѣдніе забираются въ листву тала, въ изобиліи растущаго по курганчамъ, а если, побуждаемые голодомъ, и рискуютъ полакомиться просомъ, то не иначе какъ въ одиночку и съ большой опаской за свою жизнь. Постоянное опасеніе когтей коршуна дѣлаетъ ихъ трусливыми и достаточно самого небольшого шума со стороны сторожа, чтобы прогнать съ поля этихъ пернатыхъ обжоръ.

Арбузы у красноводцевъ удались хорошіе, и такъ какъ селеніе расположено по большой дорогѣ, то этотъ продуктъ бахчеводства составляетъ довольно прибыльную

статью дохода. На заборахъ нѣкоторыхъ дворовъ лежатъ арбузы, являясь живою вывѣскою по формѣ и рекламою по объему. Проходящіе черезъ селенія извозчики на расхватъ берутъ арбузы, уплачивая за нихъ отъ 2 до 4 коп. за штуку. Торгъ идетъ безпрерывно, начиная съ августа, и только 29 числа этого мѣсяца арбузы не продаются, такъ какъ, по народному обычаю, въ этотъ день нельзя употреблять въ пищу ничего, имѣющаго круглую форму,—въ память печальнаго событія усѣкновенія главы Іоанна Крестителя.

Извозчики, идущіе съ сѣвера, прельстились выгодами своего промысла и нашихъ крестьянъ—новоселовъ, которые, въ поискахъ за деньгами на возможно лучшее устройство хозяйства, увлеклись этой формой заработка. Однако для нѣкоторыхъ извозъ, вмѣсто барыша, принесъ истинный убытокъ. Взявъ грузъ до Ташкента, новоселы повезли его на своихъ волахъ, только что пригнанныхъ изъ Россіи, а потому не успѣвшихъ еще привыкнуть къ здѣшней водѣ и корму, а, главное, къ лѣтней жарѣ. Дойдя благополучно до Ташкента, крестьяне рискнули законтрактовать себя до Самарканда, и потеряли воловъ въ негостепріимной Голодной степи, съ ея утомительно длинными переходами и плохими водопоями. Крестьяне этой категоріи, какъ владѣльцы нѣсколь-

кихъ паръ воловъ, были исключены изъ списковъ лицъ, имѣющихъ право на казенное вспомошествованіе, и потеря воловъ отразилась на нихъ самымъ плачевнымъ образомъ. Не получивъ пособія, они старались заработать деньги на постройку избъ, а потерявъ воловъ, превратились въ нищихъ, и, утративъ ранѣе еще право на казенную помощь, сѣли между двумя стульями.

Этотъ фактъ очень поучителенъ для тѣхъ, кто, порхая съ легкостью сильфиды по экономическимъ вопросамъ, является неумолимымъ судьей нашего переселенца въ томъ случаѣ, когда послѣдній почему либо воздерживается отъ продажи своего труда. Какъ часто мы въ сужденіяхъ этого рода несправедливы и какъ легко приходимъ къ заключеніямъ о нерадивости и лѣности приходящихъ къ намъ переселенцевъ, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Прошлой осенью ташкентскій рабочій рынокъ въ избыткѣ предлагалъ рабочихъ, которыми являлись переселенцы, прибывшіе изъ голодающихъ губерній. Время наибольшей нужды пришельцевъ совпадало съ порою сбора хлопка, и главнымъ работодателемъ являлся хлопководъ. На базарѣ однажды была нанята партія рабочихъ съ платою по 20 к. за пудъ собраннаго волокна. Пошли рабочіе на плантацію, поработали дня два и

бросили хозяина. Досужій обыватель обрушился на ихъ головы цѣлымъ потокомъ брани, находя въ этомъ фактѣ яко бы неопровержимое доказательство той худой славы, которая давно уже ходитъ въ обществѣ о переселенцахъ.

Хохоль слушалъ обывателя, вряхтѣлъ, чесалъ въ затылкѣ и не безъ грусти говорилъ:

—Извѣстно панъ за пана руку тягне, а хибы мы винувати. Нанявъ насъ хозяинъ вату собирать—каже 20 коп. дамъ съ пуда. Ось мы и пишли на плантацію. На другой день съ самого рынку стали вату собирать. Мы собираемъ и киргизы собирають. Увечери пишли сдавать вату; свѣситъ хозяинъ нашу вату и дае намъ за пудъ 15 коп., а киргизу 20 коп.

—Чомъ-же такъ, пытаемъ,*)—що киргизу 20 коп., а намъ 15,—хиба нашъ пудъ не тавій, якъ киргизвій? Аже-жъ и въ нашемъ пудові сорокъ хунтивъ!

—Одинаковый да не одинаковый: вы не уміете ваты збирать, а киргизъ уміе, сказавъ намъ хозяинъ. Ось встали мы на другой день, тай дивимось, якъ киргизъ вату собира. Придивились, ажъ винъ точнисьенько такъ собира, якъ и мы: возьме іи, вытягне съ

*) Спрашиваемъ.

коробочки, тай владе въ кошелку, иншіи пучекъ, якіи одирвется, съ коробочкою у кашелку пхае. Дождали вечера, опяты пишли вату сдавать: опяты нашъ пудъ не такий, яеъ киргизскій! Отъ тутъ мы уже розмиркували, шо хозяинъ насъ обманюе. Мы взяли тай бросли его и пишли на базаръ другой работы шувать“.

Этотъ безхитростный разсказъ какъ нельзя лучше раскрываетъ загадку: работодатель хотѣлъ воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ рабочаго, а послѣдній не желалъ дешевить своего труда. Первый, изъ скромности умалчивая о подробностяхъ инцидента, въ разговорѣ съ пріятелемъ, яркими красками набросалъ картину растлѣнія нравовъ, а второй молча перенесъ матеріальную обиду, не подозрѣвая, что молчаливый протестъ противъ несправедливости будетъ впослѣдствіи поставленъ ему въ вину. Это нѣсколько напоминаетъ ту курицу, которая вызвала гнѣвъ повара, убѣгая отъ его остраго ножа...

Характерная особенность красноводскихъ построекъ—это отсутствіе плоскихъ глиняныхъ крышъ. Тутъ всѣ избы крыты высокою двухскатною крышею изъ сѣна. Толстый слой его гладко расчесанъ и по карнизу обрѣзанъ подъ линейку. Хотя такія крыши и не огнеупорны, но однообразіе глинобитной кровли такъ примелькалось, что

съ удовольствіемъ отдыхаешь взоромъ на избѣ красноводца, пробуждающей родныя воспоминанія о Россіи. Стѣны избѣ глинобитныя, а у нѣкоторыхъ, болѣе зажиточныхъ, крестьянъ кирпичныя. Въ большинствѣ случаевъ избы выстроены просторныя, и внутренняя распланировка жилыхъ помѣщеній соотвѣтствуетъ отцовскимъ преданіямъ великоросса. Красный уголь силошь заставленъ образами, озаряемыми мерцающимъ свѣтомъ лампы въ разбитомъ и замазкой склеенномъ стеклянномъ стаканчикѣ. Убогія фольговыя ризы горятъ огнемъ и отбѣняютъ заключенныя въ томъ-же кіотѣ свадебныя свѣчи хозяйки, привезшей на далекую чужбину эту фамильную святыню, которою благословляли ее отецъ съ матерью, выдавая замужъ.

Въ томъ же углу стоитъ деревянный столъ, покрытый бѣлой скатертью, на которой, по обычаю, лежитъ хлѣбъ. Воскресный день, какъ сказано выше, былъ на исходѣ, и чистота избы доживала, такъ сказать, свои послѣднія минуты. Завтрашній трудовой день внесетъ съ собою тотъ обычный беспорядокъ и грязь, которыми вообще отличаются избы великороссовъ.

Селеніе Красноводское состоитъ изъ 36 семействъ. Это полный комплектъ: размѣры земельного надѣла не позволяютъ принять больше ни одной семьи. А между

тѣмъ позже пришедшіе хотѣли бы пристроиться въ одномъ селѣ съ своими земляками. Отказъ начальства не обезкураживаетъ ихъ, они приторговываютъ курганчи у сосѣднихъ киргизъ, которые въ такихъ случаяхъ съ удовольствіемъ продаютъ свои хутора.

Покупка крестьянами у киргизъ облісенныхъ курганчей дѣло не рѣдкое, но весьма занозистое. По закону, земля находится лишь во временномъ пользованіи киргиза и крестьянинъ, покупая ее, пріобрѣтаетъ право владѣть ею лишь до того времени, пока не срубить лѣсъ; затѣмъ, земля поступаетъ въ пользованіе всего села, и частная собственность какъ-бы экспроприруется обществомъ. Если принять во вниманіе, что киргизскіе хутора являются хорошо обработанными, а потому и, сравнительно, дорого стоящими, а, съ другой стороны, что сельское общество получаетъ надѣлъ отъ правительства бесплатно и, включая въ черту его частное пріобрѣтеніе односельца, не возвращаетъ послѣднему денегъ, потраченныхъ на покупку, то положеніе подобныхъ покупателей является крайне ненормальнымъ и требуетъ особаго законодательства для устраненія явной несправедливости. Могутъ сказать, что подобнымъ взносомъ крестьянинъ, непринятый въ селеніе официально, какъ бы покупаетъ у общества

право стать его членомъ. Но зачѣмъ ему приобретать это право, когда оно не даетъ ему никакихъ преимуществъ, а, наоборотъ, увеличиваетъ его обязанности, и, главное, требуетъ отъ него отреченія отъ хорошаго куска земли, который при передѣлѣ попадетъ въ чужія руки и станетъ временною собственностью того, кто, какъ переселенецъ, воспользовался всѣми прерогативами, присущими его званію,—между тѣмъ какъ покупатель, не получивъ пособія, затратилъ собственные деньги на покупку передѣляемаго хутора. Нѣтъ необходимости измѣнять коренной законъ и оставлять за покупающимъ курганчу у киргиза право вѣчнаго владѣнія ею, такъ какъ, пожалуй, подобная регламентація могла бы въ будущемъ создать крупныхъ собственниковъ, а вмѣстѣ съ этимъ и кулачество; однако, съ другой стороны было-бы вполне справедливымъ установить болѣе или менѣе продолжительные сроки пользованія купленными участками, выработавъ среднюю норму времени погашенія капитала при ежегодномъ пользованіи землею въ формѣ трехпольнаго хозяйства. Такъ, на примѣръ, предположимъ, что крестьянинъ покупаетъ 6 десятинъ по 20 руб. за 120 руб. При трехпольной системѣ хозяйства, посѣвомъ ежегодно можетъ быть занято 4 десятины—2 подъ пшеницу и 2 подъ ячмень,

со вторымъ посѣвомъ бахчей и проса. Тогда доходность земли, при среднихъ урожаяхъ, выразится слѣдующими цифрами: 2 десятины пшеницы дадутъ въ среднемъ 150 пуд. зерна, 2 десятины ячменя дадутъ до 200 пуд. зерна. Обращая въ деньги доходность пшеничнаго поля, получаемъ 75 руб.; доходность ячменнаго поля опредѣлится въ 30 руб.; бахчи и просо дадутъ 20 руб., а всего 125 руб. Отчисляя 60% на обработку земли, 10% на затраченный капиталъ и 20% за хлопоты предпринимателя и на непредвидѣнные расходы, чистая прибыль, могущая идти на погашеніе, выразится въ 12 руб. 50 коп., т. е., другими словами, прежде чѣмъ отчуждать участокъ въ общинное владѣніе, нужно покупщику дать право пользоваться имъ въ теченіе 8—9 лѣтъ.

Поздно вечеромъ мы попали на станцію Бѣлыя Воды, проѣхавъ предварительно еще одно селеніе Черную Рѣчку. Осмотръ пришлось отложить до слѣдующаго дня. Такимъ образомъ на протяженіи 20 верстъ между Чимкентомъ и первою станціей къ гор. Аулиеата устроено въ настоящее время три русскихъ селенія.

ПИСЬМО V.

Вершины Алатавскаго хребта, тянущагося съ лѣвой стороны дороги, къ вечеру стали изрѣдка подергиваться туманомъ, а темныя массы облаковъ. казалось, старались тамъ, въ вышинѣ, скрыть отъ посторонняго взора нѣчто, таинственно замышлявшееся природой.

Раннимъ утромъ, когда свѣжій сѣверовосточный вѣтеръ разгонялъ тучи, горныя вершины выступали во всей красѣ дѣвственнаго снѣжнаго покроя и блестяли ослѣпительнымъ цвѣтомъ серебра, отражая милліоны брызгъ лучей осенняго солнца. Проходящее лѣто какъ бы боролось съ наступающею зимою. Холодноедыханіе горъ сгущало влажность высшихъ слоевъ воздуха въ снѣгъ и стремилось спустить его покровъ къ подножью хребта, а тепловатый, нѣжный вѣтеръ долинъ ревниво оберегалъ демаркаціонную линію снѣга, и если послѣднему удавалось за ночь спуститься ниже предѣла, то въ теченіе нѣсколькихъ часовъ утра онъ превращался въ воду, которая быстро скатывалась съ крупныхъ горныхъ мысовъ, направляя бѣгъ свой въ ложа небольшихъ рѣчекъ, размы-

вая бока великановъ и унося съ собою мелкую гальку.

Эту борьбу воздушныхъ теченій приходилось наблюдать уже нѣсколько дней, и для восстановленія барометрическаго равновѣсія природа неминуемо должна была чѣмъ нибудь разразиться.

И дѣйствительно, въ слѣдующее за осмотромъ Красныхъ Водъ утро мы были пробуждены непріятнымъ ощущеніемъ холода и сырости. Юрта, въ которой мы ночевали, издавала характерный запахъ промокшаго войлока. Черезъ щели неплотно прилегавшей дверной кошмы сѣрѣлась тоскливая мгла мелкаго, частаго дождя, словно сквозь сито падавшего изъ обложившихъ весь горизонтъ непрерывною пеленою безформенныхъ массъ густыхъ облаковъ. Въ сосѣдней юртѣ слышалась стрѣкочущая рѣчь киргизъ. Ихъ лошади, понутивъ головы, стояли у коновязей и жались отъ холода. Временами за стѣнками юрты раздавалось шлепанье по грязи чьихъ то ногъ и вслѣдъ за этимъ въ дверной щели показывался человѣческій глазъ и клочокъ рѣденькой черной бороды: то хозяинъ юрты справлялся, не проснулись ли его гости и не нужно ли развести огонь и согрѣть воды для чая—этого благодѣтельнаго напитка, одинаково согрѣвающего тѣло и ве-

селящаго душу въ такія холодныя и скучныя минуты степнаго кочеванія.

Окликнутый нами киргизъ вошелъ въ юрту и, послѣ обычнаго привѣтствія, сталъ распоряжаться чаемъ. Это былъ почтенный человѣкъ, одинъ изъ членовъ высшей туземной администраціи. Всѣ его движенія были преисполнены сознаніемъ собственнаго достоинства. Его мощная фигура однимъ какимъ нибудь жестомъ приводила въ движеніе нѣсколько человѣкъ джигитовъ, и не болѣе какъ черезъ десять минутъ передъ нами уже стояли расписныя туземныя „піалы“ съ горячимъ чаемъ.

Частый мелкій дождь не переставалъ моросить, и намъ предстояла невеселая перспектива просидѣть безъ дѣла цѣлый день. Пригласивъ хозяина раздѣлить съ нами скромный завтракъ, мы старались чѣмъ нибудь разогнать свою скуку и вступили съ нимъ въ бесѣду. Онъ ничего не имѣлъ противъ дождя. Дождь—это милость Аллаха, и особенно теперь, когда весь народъ его спустился съ горъ въ долины и нуждается въ хорошихъ подножныхъ кормахъ для своихъ стадъ. Вчера онъ былъ на праздникѣ. Его родственникъ, киргизъ рода Дулатъ (большая орда), колѣна Сейкимъ, устраивалъ поминки (ятъ) въ день годовщины смерти отца своего Сингербая. О, это большое торжество и много стоитъ

родовитому киргизу! Завѣты старины надо исполнять твердо, цифрою расхода сгѣсняться нечего—въ такихъ случаяхъ устроителя празднества поддерживаетъ весь родъ. Такъ было и теперь. Вблизи мазара, гдѣ похороненъ Сингербай, въ урочищѣ Тышъ-Тюбе, въ верховьяхъ рѣки Акъ-су, собралось на поминки до 12,000 человѣкъ. Правда, не всѣхъ ихъ привлекло одно доброе имя Сингербая,—многіе пришли поѣсть и повеселиться, а, главное, принять участіе въ устраиваемыхъ въ такихъ случаяхъ скачкахъ, но все таки Сингербай былъ хорошій человѣкъ и сынъ его достойно почтилъ память отца. Онъ самъ только лишь на одну ѣду вытащилъ изъ отцовской кубышки 400 руб. денегъ, да зарѣзалъ двухъ кобылъ и для плова привезъ 4 батмана риса. Хорошо было: пищи много и пища жирная. Вліятельные близкіе родственники выставили 100 юртъ и отъ каждой юрты по барану, а родовичи разставили 200 кибитокъ. Четыре дня поминали Сингербая, проводя время то въ молитвѣ на могилѣ его, то за ѣдою. Въ промежуткахъ выѣзжали на соколиную охоту и дѣлали пробныя скачки.

Наконецъ, настали и самыя скачки. Много тутъ было заманчиваго для молодежи: побѣдителя ожидали и слава, и богатый призъ. Всѣхъ призовъ было десять. Пер-

вый состоялъ изъ 500 рублей деньгами и 5-ти верблюдовъ, а послѣдній изъ 4-хъ рублей деньгами. Выбрали судей, отдали на руки почтеннымъ людямъ призовыя суммы,—и началась потѣха! Состязавшіеся пустили лошадей, а за ними пестрою толпою двинулись родовичи состязателей, стараясь всячески ободрить ихъ жестами и криками. Киргизъ не можетъ равнодушно смотрѣть на состязаніе, которое, помимо захватывающаго восторга, увлекаетъ его ставкою чести и славы всего рода. Поэтому въ критическую минуту, когда лошадь наѣздника, выбиваясь изъ силъ, начинаетъ отставать, къ ней бросается толпа родовичей скачущаго, подхватываетъ ее подъ уздцы и тащитъ впередъ, стараясь разгорячить животное и понудить его пройти дистанцію. А дистанція нерѣдко достигаетъ 40 верстъ.

Напрасно старались дулатцы, напрасно выбивались изъ силъ сергелинцы,—кунградцы и на этотъ разъ поддерживали славу своего рода: ихъ наѣздникъ, Мусабекъ, первый пришелъ на мѣсто и взялъ лучший призъ.

Велика честь побѣдителя! Громкія овціи ожидаютъ его со стороны родовичей, не меньше вселяетъ онъ зависти въ сердца побѣжденныхъ, и долго помнятъ они свое посрамленіе и, при случаѣ, вымѣ-

стоять имъ на раздѣлѣ земельныхъ угодій.

Подобныя распри, какъ слѣдствіе скачекъ, повторяются изъ года въ годъ и нерѣдко тянутся десятки лѣтъ.

Разказчикъ умолкъ, а дождь продолжалъ свое дѣло, хотя на западѣ облака начали подниматься и сквозь сѣрую мглу стала просвѣчивать узкая полоска свѣтлой лазури. Къ вечеру погода общала разгуляться. Къ нашей юртѣ потянулись черворѣченскіе крестьяне,—кто за дѣломъ, а кто просто изъ любопытства. Все это старые знакомые. Осенью 91 года и зимою 92-го они проживали въ Ташкентѣ на попеченіи переселенческаго комитета, а теперь, устроившись на новомъ мѣстѣ, стали на собственные ноги. Между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ одинъ мужикъ. Невысокій ростомъ, лысый, плотнаго тѣлосложенія, онъ напоминаетъ своею фигурою шаръ, и, надо думать, подобію этой фигуры онъ обязанъ быстрымъ и легкимъ передвиженіемъ съ мѣста на мѣсто. Въ 1856 году онъ три раза „открывалъ кровь“ подѣ Севастополемъ и, благополучно отсидѣвши 11-ти мѣсячную осаду города, вернулся домой. Уменьшенный, вслѣдствіе войны, срокъ службы*) не далъ ему времени отвыкнуть ни отъ сохи, ни отъ деревен-

*) Бывшимъ подѣ Севастополемъ каждый мѣсяцъ службы считался за годъ.

ской жизни, и вотъ онъ, водворившись на отцовской усадьбѣ, горячо принялся за хозяйство. Ихъ было нѣсколько братьевъ. Разныя домашнія неурядицы вызывали неудовольствіе существовавшими на родинѣ условіями жизни, и братья его постоянно ныли, горько печалуясь на свою жизнь, для лучшаго устройства которой у нихъ не хватало ни умѣнья, ни энергіи. Не такъ отнесся къ этому повидавшій свѣтъ солдатъ. Претерпѣвъ три неурожайныхъ года на выпаханномъ надѣлѣ и выдержавъ нѣсколько стычекъ изъ-за погравъ съ мѣстнымъ деревенскимъ кулакомъ, онъ сразу принялъ твердое рѣшеніе оставить отцовское гнѣздо. Слухи о привольяхъ земли Войска Донскаго, гостепріимно принимавшей арендаторовъ-крестьянъ на 30-ти десятинные казачьи надѣлы, давно его смущали, и подоспѣвшія крутыя обстоятельства какъ нельзя лучше разрѣшили ту дилему, которой не разъ были заняты его мысли во время уборки рѣдкой, худосочной отъ бездождья пшеницы. Не говоря никому ни слова, онъ въ одинъ прекрасный день запрегъ лошадь и скрылся изъ дому на пѣлыя двѣ подѣлы. Какъ ни подстрекало любопытство односельчанъ такое экстраординарное событіе, они не могли узнать, куда уѣхалъ Никита,—крѣпкій онъ былъ мужикъ, съ ба-

бами много не разговаривалъ, а потому и секрету его не черезъ кого было выйти наружу. Поговорили мужики, посудачили между собою бабы и рѣшили, что, должно быть, Никита уѣхалъ въ Ростовъ за рыбой, а ужъ если не за рыбой, то навѣрное за горшками. Торговля этими послѣдними—выгоднѣйшій исходъ для того, кого Богъ обидѣлъ урожаемъ. Пустая вещь—горшокъ, а всякому нуженъ, да если еще къ этому онъ облить синей поливой, то какая же баба устоитъ противъ соблазна,—даже и та, которой совсѣмъ не нуженъ новый горшокъ, непременно его купить, не взирая на самыя крутыя мѣры, какія ожидаютъ ее со стороны супруга въ возмездіе за легкомысленную трату. Торговля горшками ведется исключительно мѣновая, и горшокъ можетъ купить всякій, кому не жаль отдать за него столько пшеницы или ржи, сколько влѣзетъ въ понравившійся сосудъ. Правда, поливанный горшокъ стоитъ только половину объема хлѣба, но вѣдь они такіе красивые, въ особенности миски, что, право, это совсѣмъ не дорого, да къ тому нельзя же, когда пріѣдутъ родичи, угощать ихъ изъ простой глиняной миски!...

Прошла недѣля, прошла и другая. Возвратился Никита, но, ко всеобщему недоумѣнію, и безъ рыбы, и безъ горшковъ.

„Оце заковыка!“ думалъ старый Опанасъ,

отецъ Никиты, встрѣчая сына, но тотъ не далъ ему даже и опомниться, немедленно заявивши, что не далѣе, какъ послѣ—завтра онъ съ женою и дѣтьми уѣзжаетъ въ „Донщину“ и просить „пана—отца“ выдѣлить его, „якъ то будетъ на то его ласка“.

— Стривай *), хлопче, може тобі шось подіялось, може тебе хтось дорогою налякавъ**), такъ чимъ оці теревени теревенить***), лучше покличемъ бабу Химку, нехай вона тобі сподѣхъ вылье!

Никита оставался непреклоннымъ и увѣрялъ отца, что никакого дьявольскаго навожденія съ нимъ не приключилось, и что о приглашеніи несомнѣнно свѣдущей ворожеи бабы Химки не можетъ быть и рѣчи. Онъ весьма логически доказалъ всѣ выгоды переѣзда въ Донщину, и даже въ концѣ своей рѣчи выразилъ удивленіе, какъ онъ самъ, умнѣйшій старый Опанась, до сихъ поръ не перебрался къ казакамъ.

Но какъ ни доказательны были доводы Никиты, все же они не убѣдили стараго Опанаса, и онъ, вмѣсто всякаго отвѣта, посовѣтовалъ сыну, ложась спать, устроить свою постель такъ, чтобы головою

*) чодожди.

**) Напуталъ.

***) Непереводимое выраженіе, значить: переливать изъ пустого въ порожнее.

лечь къ порогу, увѣряя, что это вѣрнѣйшее средство избавить свою голову отъ дури, которая при такихъ условіяхъ свободно выйдетъ въ двери и не будетъ больше смущать умнаго мужика бабьими бреднями.

Всталъ на другой день Никита, всталъ и Опанасъ. Первый сейчасъ же принялся облаживать повозку въ то время, какъ жена его возилась около „скрыни“^(*), а второй, похаживая по двору, бросалъ недоумѣвающіе взоры на сына, не вѣря, чтобы данный вчера совѣтъ не произвелъ должнаго дѣйствія. Они перекидывались фразами, тщательно избѣгая разговора о вчерашнемъ происшествіи.

Вечеромъ, когда, въ ожиданіи ужина, мужики сѣли вокругъ стола, а бабы хлопотали около печи, Опанасъ весьма политично сказалъ Никитѣ:

— А хорошо, сынку, что ты перемѣнилъ переднюю ось у повозки; я давно хотѣлъ тебѣ сказать, что она совсѣмъ ненадежная. Вотъ теперь завтра можно будетъ отвезти на мельницу пшеницу: у насъ мука совсѣмъ на исходѣ.

— Завтра будетъ некогда, — не менѣе политично отвѣчалъ Никита, — завтра я повезу повозку въ кузницу, надо подтянуть ши-

*) Сундукъ.

ны, онѣ совсѣмъ ослабѣли, а путь предстоитъ далекій».

— Какой же это такой путь? Развѣ въ поле за сѣномъ думаешь ѣхать?

— Не за сѣномъ, а въ Донщину! — рѣшительно заявилъ Никита.

Какъ по мановенію волшебнаго жезла, хлопотавшія у печи женщины застыли въ своихъ позахъ, а жена Никиты, скорчивъ кислую мину, поднесла уже къ глазамъ рукавъ рубахи, да въ-время поймавъ сердитый взглядъ мужа, проглотила слезы, твердо рѣшивъ въ первую же благоприятную минуту разразиться самымъ невѣроятнымъ ревомъ. Однако ожиданія бабъ были совершенно напрасны. Опанасъ не оправдалъ ихъ предположеній и повелъ разговоръ въ самомъ мирномъ тонѣ. Онъ доказывалъ сыну всю нелѣпость его предпріятія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не отрицалъ и того, что ему лично извѣстны многіе, которые устроились въ Донщинѣ прекрасно, но тѣ другіе ему не примѣръ. ихъ сбили „жинки“, а у нихъ, слава Богу, невѣстки живутъ мирно, а что трудно приходится справляться съ хозяйствомъ, что оно замѣтно падаетъ, такъ на это Господня воля. Вотъ если бы онъ, Опанасъ, былъ помоложе, да на деревенскомъ кладбищѣ не лежала жена его Горпына, да покойный отецъ, Грыцько, — тогда, пожалуй, онъ и самъ бы пе-

реѣхалъ въ Донщину; теперь же объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

— Закрой менѣ очі, а тамъ и иды съ Богомъ, куда знаешь, — закончилъ онъ свою рѣчь.

Но Никита стоялъ на своемъ. Его убѣдительные расчеты подѣйствовали на старшаго брата, и онъ сталъ въ свою очередь поддерживать Никиту. При всей своей недалекости онъ сообразилъ, что съ уходомъ Никиты ему сдѣлается просторнѣе и хотя работниковъ въ семьѣ станетъ меньше, но за то сократится и число ртовъ, а въ семействѣ брата ихъ шесть.

На слѣдующее утро всѣ крестьяне узнали, что Никита рѣшилъ покинуть родного отца. Достаточно было этой новости коснуться бабьяго уха, чтобы съ быстротою молніи облетѣть всѣ хаты. Односельцы раздѣлились на два лагеря: одни сочувствовали Никитѣ и считали его умнымъ мужикомъ; другіе же, менѣе энергичные, смотрѣли на его затѣю, какъ на глупость. Это былъ въ ихъ селѣ первый рѣшительный шагъ и потому онъ не могъ не волновать скудной бурными событіями деревенской жизни.

Утромъ мимо хаты Опанаса стали шнырять бабы; выискивая подходящій предлогъ, онѣ проникали во дворъ, но увы! тамъ не было ничего особеннаго: трудовая жизнь шла своимъ чередомъ, какъ

колесо сложнаго механизма, ритмически поворачивающаго зубцы свои подъ вліяніемъ шестерни, которою въ данномъ случаѣ являлась прозаическая борьба за существованіе. Мужики, какъ люди болѣе сдержанные, побуждаемые тѣмъ же любопытствомъ, слѣдили за избой Опанаса издали.

Никита уѣхалъ въ кузницу, а жена его, пользуясь отсутствіемъ мужа, потихоньку хныкала надъ своимъ сундукомъ и, покорная велѣніямъ „чоловіка“, поспѣшно укладывала свои вещи. Къ обѣду явился Никита. У него твердо запечатлѣлись въ памяти всѣ мельчайшія событія этого дня, и онъ теперь, повѣствуя исторію своего переселенія, не можетъ говорить хладнокровно и ежеминутно чмыхаетъ носомъ подъ вліяніемъ подступающихъ слезъ.

Все шло хорошо, пока не согласился на переселеніе старый Опанасъ. Его первоначальная оппозиція разжигала стремленіе Никиты поставить на своемъ, и, пока существовала борьба, она его поддерживала: интересъ одержать побѣду закрывалъ отъ его взора тяжесть разлуки съ роднымъ селомъ и съ дѣдовскою хатою. Но теперь въ его памяти живо воскресло разставаніе съ родными, когда онъ шелъ новобранцемъ подъ Севастополь, откуда, возвратившись, не засталъ въ живыхъ свою мать.

— Ну, что же—уступилъ, наконецъ, Опанасъ,—хочешь идти, такъ иди, насильно тебя не удержишь! Кидай стараго батька! Кидайте его уси,—обратился онъ съ дрожью въ голосъ къ остальнымъ сыновьямъ—нехай старый злыдень здыха, якъ та собака, никому ненужный. Нехай на старости лігъ надіне торбу, та піде по підъ вікнами просыть у чужихъ людей хліба!...

Старческіе нервы не выдержали: на сѣдыхъ рѣсницахъ Опанаса блеснули слезы, и этотъ кременный человѣкъ, плакавшій только мальчикомъ, зарыдалъ на всю хату... Бабы, у которыхъ, по увѣренію рассказчика, „подъ каждымъ глазомъ по колодцу“, немедленно подхватили реплику и разразились причитаніями навсѣголоса. Дѣти, видя общее разстройство и слезы и не понимая, въ чемъ дѣло, поддерживали хоръ своимъ ревомъ, и въ хатѣ поднялся такой вой, какой бываетъ только на похоронахъ.

Тутъ насталъ моментъ, когда и горло Никиты начала сдавливать судорога, и онъ готовъ былъ отказаться отъ своего рѣшенія, но надо же было въ эту самую минуту на порогъ избы явиться сыну мѣстнаго кулака, который, прослышавъ объ отъѣздѣ Никиты, послалъ къ нему своего сына съ требованіемъ 15-и копеечнаго долга, оставшагося за Никитой по приговору о потравѣ.

Въ памяти Никиты живо воскресли его бѣдованія послѣдняго времени и съ такою яркостью красокъ, что онъ даже испугался своей минутной слабости и, швырнувъ мальчику пятиалтынный, быстро выскочилъ изъ избы и сталъ поспѣшно тащить къ повозкѣ всѣ тѣ вещи, которыя казались ему необходимыми въ его будущей жизни. Въ кузовѣ телѣги быстро исчезали топоръ, коса, маленькая наковальня, молотокъ и прочій „инструментъ“. Нервы своей супруги, незамедлившей явиться съ тѣмъ же плачемъ на дворъ, Никита успокоилъ выразительнымъ жестомъ мощной длани надъ ея „очипкомъ“, послѣ чего она тоже стала помогать мужу снаряжать подводу. Результатомъ столь торопливыхъ и порывистыхъ дѣйствій вышло то, что многія изъ необходимыхъ вещей остались дома, за то въ телѣгѣ оказались никому ненужные предметы. Такъ, по приѣздѣ на мѣсто, Никита обрѣлъ въ кузовѣ телѣги веселку для размѣшиванія тѣста, разбитаго глинянаго пѣтуха, связку деревянныхъ зубьевъ для бороны, изломанный рвантъ отъ колеса и т. п. мелочь, которую совсѣмъ не стоило тащить съ собою за сотню верстъ.

Послѣдній вечеръ въ отцовской избѣ прошелъ, вопреки ожиданіямъ Никиты, тихо и безъ всякихъ ссоръ. Старый Опанасъ тяжело вздыхалъ и былъ сосредоточенъ. Раз-

говоръ не клеился, и только подъ конецъ ужина упрямый старикъ сдался, бросивъ Никитѣ фразу:

— Ну, ѣзжай съ Богомъ! То, что тебѣ слѣдуетъ отъ меня, ты получишь, но не раньше, какъ окончательно устроишься на новомъ мѣстѣ. Донщина отъ насъ недалеко, всегда успѣешь переѣхать туда окончательно. А иконой благословлю завтра.

Какъ провела ночь семья Опанаса и что снилось главнымъ дѣйствующимъ лицамъ этой крестьянской драмы—извѣстно одному Богу. Скорѣе всего имъ ничего не снилось, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, Никита не могъ сомкнуть глазъ ни на волосъ.

Едва утро слѣдующаго дня озарило блѣдно-розовымъ свѣтомъ спавшіе на востокѣ бѣлыя пушистыя облака, какъ во дворѣ Опанаса все проснулось. Бабы суетливо пробѣгали изъ скотнаго загона въ избу и обратно, а мужчины помогали Никитѣ увязывать повозку. Около воротъ стали собираться любопытные обыватели, а близкіе родственники Опанаса, чувствуя за собою право присутствовать при семейномъ событіи, входили во дворъ и выражали свое соболѣзнованіе упрямому отцу и неподачливому сыну.

Наконецъ, послѣдній узелъ былъ затянутъ, лошадей привели съ водопоя и стали запрягать. Опанасъ осмотрѣлъ повозку

и повелъ Никиту въ избѣ. Здѣсь онъ помолился на образа, снялъ съ божницы икону Николая чудотворца и благословилъ повалившагося въ ноги сына. Моментъ, не смотря на всю свою простоту, былъ слишкомъ торжественъ, въ избѣ царило гробовое молчаніе, и только, когда старый Опанасъ началъ нетвердымъ голосомъ дѣлать послѣднія наставленія Никитѣ, въ хатѣ слышались глубокіе вздохи, перешедшіе вскорѣ во всхлипыванія, а затѣмъ и въ плачь. Плакали всѣ: и Опанасъ, и Никита, и бывшія въ хатѣ, и стоявшія на улицѣ бабы. Однако, въ трудовой крестьянской жизни на сантименты полагается немного времени, и Никита, еще разъ поклонившись отцу въ землю и перекрестовавшись со всѣми присутствовавшими въ избѣ, вышелъ во дворъ, усадилъ въ повозку дѣтей и, перекрестившись на кладбище, выѣхалъ изъ дому сопровождаемый всѣми родичами и знакомыми. Онъ бодро шелъ около лошади, а жена его, окруженная бабами, каждую минуту готова была расплакаться. Далеко за околицей произошло вторичное прощанье, и Никита, наконецъ, остался одинъ съ своей семьей. Долго оглядывался онъ на деревню и долго еще видѣлъ несходившаго съ мѣста батьку, который, прикрывъ глаза рукою, смотрѣлъ вслѣдъ уѣзжающему сыну. . .

Прошелъ годъ Никита пріѣхалъ на побывку къ отцу, и въ той же хатѣ стараго Опанаса шли снова разговоры, но . . . разговоры веселые. На столѣ красовалась бутылка водки и лежали, по случаю рождественскихъ праздниковъ, большіе ломти свѣжаго розоватаго сала. Опанасъ былъ въ восторгѣ. Дѣла Никиты шли прекрасно. Казаки, владѣльцы 30-ти десятиннаго надѣла, отдавали землю переселяющимся къ нимъ крестьянамъ на весьма льготныхъ для послѣднихъ условіяхъ: земля, сѣмена и скотъ казака—землевладѣльца переходили въ полное распоряженіе исполщика, который только обязывался обезпечить кормомъ рабочую скотину и возвратитъ хозяину сѣмена; остальное же раздѣлялось пополамъ. При этомъ исполщикъ могъ заводить свой собственный скотъ въ такомъ количествѣ, какое въ силахъ былъ содержать трудами своей семьи *). Годъ вышелъ удачный, и Никита собралъ столько хлѣба, сколько у нихъ не было даже и въ то время, когда они съ отцомъ цѣлою семьею работали на заарендованной у помѣщика землѣ въ родномъ селеніи Всѣ присутствовавшіе въ избѣ жадно вслушивались въ рѣчи Никиты. Контрастъ усло-

*) Эти условія имѣли мѣсто въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ. Въ 1889 г. Никита уже уѣхалъ въ Сибирь.

вій труда былъ слишкомъ рѣзокъ, а двѣ— три рюмки водки дѣлали всѣхъ храбрыми, и гости другъ передъ другомъ на перерывѣ выказывали полную рѣшимость ѣхать къ казакамъ, гдѣ такъ вольно и сладко живетъ ся прилежному „хлѣборобу“.

— Еще бы тамъ не жить! И посѣешь вовремя, и скосишь, когда нужно, и обмо- лотишь засуху, и вспашешь рано. А у насъ? Пришла весна—иди сѣять за землю. Чужой хлѣбъ высѣешь въ сырую землю, а свой въ сухую. Придетъ косовица—иди коси чужой ячмень, а тамъ овесъ, а свой высыпается. Поспѣетъ пшеница опять же свою послѣдней коси. А пересѣлый хлѣбъ ломается, —сколько колоса остается на нивѣ! И на счетъ молотбы тоже. Въ „спасивку“ *) самое сухое время стоять, и хлѣбъ молотить надо, и рожь сѣять. А тутъ опять отработки: перевези чужой хлѣбъ, да обмолоти его, а ужъ потомъ за свой берись. Пахать начнешь въ глубокую осень, мука одна: земля замерзла,—не пашешь ее, а ковыряешь; не доспѣетъ она какъ слѣдуетъ, и корень не вымерзнетъ. Какого урожая съ такой пашни ждать?

— Це правда! Ни хлѣба, ни сіна! Хоть стій, хоть падай. Хиба не доживу до весны,—накажи мене Богъ, піду въ Донцину.

*) Успенскій постъ.

— Спасибо Микиті, що дорогу знайшовъ!

— То жъ то й е, Микита у мене—голова!—вмѣшался въ разговоръ Опанасъ, лицо котораго сияло отъ счастья. Онъ чувствовалъ, что сынъ его—герой дня, и слава предприимчивости Никиты являлась для старика источникомъ фамильной гордости. Чтобы окончательно поразить своихъ гостей, Опанасъ вытащилъ подарки, привезенные сыномъ. Первымъ номеромъ по красотѣ всѣ единодушно признали тавлинку*): она такъ громко кричала инкрустированной въ средину ея крышки мѣдною бляхою, что любая дѣвчина не отказалась бы поглядѣться въ вычищенный металлъ, если бы эта бляха была чуточку побольше. Хороша была и матерія для штановъ, и что тамъ ни говори, а Никита, какъ видно, денегъ не жалѣлъ и такъ много купилъ черкесину, что штаны обѣщали быть шириною „въ Черное море“. Да и можно было, получая подарокъ отъ сына, помириться на меньшемъ!

Снохи, прежде ругавшіяся между собою и ругавшія жену Никиты, теперь рассыпались передъ нею въ любезностяхъ и гостеприимнѣйшимъ образомъ угощали ее

*) Табакерка.

„плачиндами“ *), что, однако, не мѣшало злоязычнымъ сосѣдкамъ объяснять радушіе Опанасовыхъ невѣстокъ большими красными платками, „полушалками“, которыя привезла имъ въ подарокъ жена Никиты.

Словомъ, всѣ были счастливы, и праздникъ вышелъ на славу.

Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Никита прѣзжалъ на праздники къ отцу, съ подарками, а остальное время жилъ въ Донщинѣ.

Благосостояніе его упрочивалось съ каждымъ днемъ. Когда падежъ скота вывалилъ всѣхъ воловъ въ хозяйствѣ Опанаса, а это случилось на третій годъ послѣ переселенія Никиты, послѣдній подарилъ братьямъ на разживу пару воловъ и три коровы. А когда въ слѣдующемъ за тѣмъ году конокрады свели у Опанаса лошадь, Никита далъ взаймы братьямъ 40 рублей, причемъ въ отдачу долга вѣрилъ лишь одинъ Опанасъ, а односельцы, да и самъ Никита, смотрѣли на это дѣло иначе.

Несмотря на такой успѣхъ, Никиту никогда не покидала одна мысль: разжившись, возвратиться домой и прикупить хоть небольшой участокъ земли. Нѣкоторые изъ односельцевъ, увлеченные примѣромъ Никиты, тоже ѣздили въ Донщину, и,

*) Особый малороссійскій деликатесъ изъ слоенаго тѣста.

оправившись матеріально, возвращались назадъ. Но такъ какъ всю эту операцію они продѣлывали очень быстро, нерѣдко въ теченіе одного только года, то они зачастую превращались въ кочевниковъ своего рода,—одинъ годъ проживали въ Донщинѣ, а два дома. Не того добивался Никита. Ему хотѣлось возвратиться домой, но возвратиться состоятельнымъ хозяиномъ, чтобы окончить дни свои уже безвыѣздно въ родномъ селеніи. Онъ приторговалъ у «міра» мѣсто подъ усадьбу, наконецъ, купилъ его, огородилъ стѣною, но окончательный переѣздъ свой пока откладывалъ.

Въ 1888 году, убравъ хлѣбъ, Никита оканчивалъ осеннюю пахоту, предвкушая удовольствіе предстоящаго свиданія съ родными. Сѣрая мгла висѣла надъ безбрежною степью, угрожая ежеминутно разразиться тѣмъ мелкимъ, пронизывающимъ осеннимъ дождемъ, который извѣстенъ подъ названіемъ „мжички“. Старшій сынъ Никиты надсаживалъ горло, погоняя воловъ съ хохлацкою флегматичностью двигавшихся подъ тяжестью неуклюжаго мало-россійскаго плуга. Окончивъ борозду, Никита велѣлъ остановиться, чтобы дать отдохнуть воламъ, и только что расположился сдѣлать «цыгарку», какъ увидѣлъ своего младшаго сына, скакавшаго на лошади, какъ видно изъ дому. Никитѣ сразу

какъ-то сдѣлалось „нудно“—онъ почувствовалъ, что этотъ вѣстникъ несетъ недобрыя вѣсти; и дѣйствительно, подскакавши къ отцу, мальчикъ сразу выпалилъ:

— Идѣть швыдче до дому! прііхавъ дядько Иванъ и каже, шо дідъ Опанасъ дуже хвори лежать и мабудь, скоро умруть!

Бросилъ Никита все и полетѣлъ въ родное село. Здѣсь онъ дѣйствительно засталъ своего отца умирающимъ.

Нѣтъ ничего проще и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнѣе крестьянской смерти. Кто хоть разъ присутствовалъ при этомъ великомъ актѣ человѣческой жизни, тотъ никогда не изгладитъ изъ своей памяти производимаго имъ глубокаго впечатлѣнія. Въ избѣ умирающаго не ощущается специфическаго запаха аптеки, на улицѣ передъ окнами нѣтъ соломы, даже болѣе того—въ избѣ этой ни на минуту не прекращается обычное хлопотливое движеніе повседневной жизни. Заведенная машина труда не можетъ остановиться ни на одну минуту безъ ущерба для семьи. Здѣсь нѣтъ слугъ, которые бы взяли на себя главную часть работы и предоставили бы хозяевамъ на досугъ предаваться естественной въ такихъ случаяхъ печали. Наоборотъ, тяжкая болѣзнь одного изъ членовъ семьи усугубляетъ обыкновенный трудъ, и, быть можетъ, такое положеніе вещей спасаетъ отъ отча-

янiя въ тѣхъ случаяхъ, когда семья, со смертью единственнаго кормильца, остается безпомощной въ цѣпкихъ лапахъ безысходной нужды. Но если здѣсь нѣтъ внѣшнихъ признаковъ горя, то оно живо написано на лицахъ всѣхъ присутствующихъ. Ихъ сосредоточенно глядящiе глаза полны затаеннаго страданiя. Всѣ молчатъ и стараются двигаться по возможности тише, и хотя больной, лежащiй въ постели, повидимому, предоставленъ самому себѣ, но невольно чувствуется, что все вниманiе семьи сосредоточено на немъ. Достаточно ему пошевелиться, чтобы вся изба вдругъ замерла и нѣсколько паръ глазъ обратились бы въ его сторону съ выраженiемъ вопроса и самой нѣжной готовности исполнить немедленно всякое его желанiе.

Но больной крестьянинъ не требователенъ. Онъ, какъ человѣкъ постоянно находящiйся въ тѣсномъ общенiи съ природой, немножко философъ и настолько примирился со смертью, какъ съ фактомъ неизбѣжнымъ, что нисколько ее не боится. Давно, уже очень давно, еще съ тѣхъ поръ какъ деревенская молодежь стала называть Опанаса „дiдомъ“, онъ началъ готовиться къ отходу изъ этой юдоли слезъ и печали. На одной сельской ярмаркѣ онъ купилъ доски для гроба, на другой чернаго коленору и подарочныхъ платковъ для причта,

а на третьей восковыхъ свѣчей и „серпанокъ“ *). Какъ расчетливый хозяинъ, понимающій цѣну каждой копѣйки, добытой горбомъ, и какъ философъ, постигшій законъ природы, Опанасъ и не могъ дѣйствовать иначе. Шутка-ли сказать, сколько бы пришлось переплатить семьѣ, если бы смерть застигла его внезапно, да еще, сохрани Боже, въ рабочее время! Одна ѣзда въ городъ могла-бы такъ запутать годичную роспись, что ее потомъ не наладили бы и въ два года. Опанасъ даже помышлялъ сдѣлать себѣ, еще заживо, гробъ, но его удерживало то обстоятельство, что подобнаго обычая онъ нигдѣ не встрѣчалъ, кромѣ монастырей, да и тамъ одни лишь схимники имѣютъ гробъ, служащій имъ при жизни вмѣсто кровати. Теперь, чуя близкую кончину, Опанасъ убѣждалъ сыновей не дожидаться его послѣдняго вздоха, а заранѣе приготовить то, что требуется для похоронъ. Но сыновья угрюмо молчали, а бабы принимались плакать.

Между тѣмъ Опанасу становилось все хуже да хуже. Онъ съ тоскою поглядывалъ на дверь, поджидая любимаго сына, Никиту, и когда послѣдній, наконецъ, пріѣхалъ, старый батко немедленно же собралъ вок-

*) Родъ грубой кисен, которой покрываютъ покойника въ гробу.

ругъ себя всю семью и объявилъ имъ свою волю.

Ничто здѣсь не было забыто, ни одна мельчайшая подробность. Опанасъ распредѣлялъ нажитое имъ имущество, отдавалъ приказанія насчетъ двухъ своихъ еще незамужнихъ дочерей, указывалъ, какихъ именно воловъ необходимо продать на ближайшей ярмаркѣ и, взявъ ихъ, купить другихъ, но не ранѣе будущей весны, чтобы сохранить запасы корма, котораго не хватитъ на зиму; напомнилъ о своихъ долгахъ сосѣдямъ съ строгимъ наказомъ уплатить ихъ при первой возможности, и, наконецъ, благословивъ дѣтей, просилъ у нихъ прощенія.

Къ утру Опанаса не стало. Смерть отца особенно сильно опечалила Никиту. Ему невыносимо тоскливо стало въ родномъ селѣ и онъ торопился ѣхать домой, надѣясь работою успокоить свое страдающее сердце, но это было не такъ-то легко. Окончивъ осеннія работы, онъ почувствовалъ, что его совѣсть не тянетъ домой, и хотя онъ съѣздилъ по привычкѣ въ село на Рождественскіе праздники, однако оставался тамъ недолго и предложилъ старшему брату занять купленную имъ усадьбу.

Послѣднее рѣшеніе давно уже подготовлялось въ головѣ Никиты. Главнымъ образомъ побуждали его къ этому неудачныя

попытки приобрести земельный участок. Крестьяне, уступившие ему усадьбу, уступали и упавший на его долю пай пахотной земли, но протяженность участка едва достигала $\frac{3}{4}$ десятины. Помещикъ-же дробить имѣніе не согласился, и какъ ни упрасивалъ его Никита уступить 25 десятинъ, тотъ рѣшительно отказалъ. Между тѣмъ возраставшее благосостояніе Никиты уже не мирило его съ полузависимымъ положеніемъ арендатора казачьей земли. Ему непремѣнно хотѣлось стать земледѣльцемъ-собственникомъ. Обладаніе сравнительно порядочнымъ имуществомъ давало ему возможность, реализировавъ послѣднее, получить небольшой денежный капиталъ, съ которымъ можно было бы заняться мелкой коммерціей, но подобная дѣятельность претила Никитѣ, и онъ, чувствуя на себѣ „власть земли“, рвался куда-то, гдѣ представилась бы возможность осуществить мужицкій идеалъ постоянного общенія съ землею при условіи быть ея собственникомъ. Любовь къ отцу и къ роднымъ мѣстамъ удерживала Никиту отъ рѣшительнаго шага, а теперь, со смертью стараго Опанаса, нравственная связь съ прадѣдовскимъ пещищемъ ослабла. Къ тому же ссоры и дразги между братьями изъ-за раздѣла расхолаживали чувства Никиты и онъ, уступивъ усадьбу брату, этимъ самымъ отрѣзалъ себя отъ

роднаго села. Теперь онъ сталъ чутко прислушиваться къ циркулирующимъ постоянно среди кретьянъ слухамъ о свободныхъ земляхъ гдѣ-то тамъ, далеко, гдѣ много земли и мало людей, гдѣ каждому желающему даютъ такой участокъ, какой онъ пожелаетъ. Никита не разъ видѣлъ цѣлые обозы переселенцевъ, идущихъ „на линію“, или въ другую обѣтованную страну, лежащую „коло Низаціи“—такъ перевралъ и истолковалъ по-своему крестьянинъ непонятное ему слово „колонизація“!

Прежде Никита интересовался этими скитальцами, какъ текущую деревенскую новостью, теперь-же онъ старательно распрашивалъ о «линіи» и «Низаціи» каждую повозку, встрѣчавшуюся ему на пути. На базарѣ, въ городѣ и на ярмаркахъ въ селеніяхъ—вездѣ онъ добивался свѣдѣній о свободныхъ для переселенія земляхъ, и когда, наконецъ, основательно изучилъ маршрутъ *), то рѣшилъ переселиться, подбадриваемый успѣхомъ своего перваго шага въ этомъ направленіи.

По своему обыкновенію Никита дѣйствовалъ быстро. Продавъ весь рогатый скотъ, онъ купилъ четверку хорошихъ лошадей и двѣ крѣпкія кованныя желѣзомъ телѣги,

*) Географіи этихъ разнообразныхъ Эльдорадо онъ изучить не могъ, такъ какъ ни одинъ изъ рассказчиковъ и самъ не зналъ ее въ подробностяхъ.

усадилъ въ нихъ жену и дѣтей и выѣхалъ въ дорогу. Предварительно онъ побывалъ въ родномъ селѣ, поклонился могиламъ родственниковъ и взялъ съ собою въ ладанку могильной земли съ роднаго кладбища. Теперь уже некому было уговаривать Никиту остаться. Братья не удерживали его изъ разсчета, а жена не могла противиться рѣшеніямъ главы семейства по традиціи, да и къ тому же Никита пользовался въ глазахъ ея громаднымъ авторитетомъ съ тѣхъ поръ, какъ переѣхавъ въ Донщину, доказалъ превосходство своей дальновидности.

Никита прекрасно зналъ всѣ города и даже нѣкоторыя села, черезъ которыя лежалъ его путь. Онъ зналъ, что ему необходимо перевалить черезъ Уральскія горы, проѣхать г. Оренбургъ и еще цѣлый рядъ городовъ, но гдѣ именно лежала та страна, къ которой онъ надѣялся прикрѣпиться на всю жизнь, онъ представлялъ себѣ очень смутно. Теперь, пустившись въ путь, онъ дорогою старался пополнить пробѣлы своихъ свѣдѣній и подробно разспрашивалъ на каждомъ привалѣ о „теплыхъ водахъ и высокихъ горахъ“. Почти подъ самымъ Оренбургомъ онъ нагналъ длинный обозъ такихъ же переселенцевъ, какъ и онъ самъ. Они двигались изъ Воронежской губерніи, гонимыя неурожаемъ и другими экономическими причинами, и вызванные письмами

ранѣе переселившихся родственниковъ хорошо знали, куда шли. Отъ нихъ Никита узналъ о существованіи Туркестана, въ которомъ, кромѣ пшеницы и ячменя, растетъ та самая вата, которую продаютъ въ Россіи на зимніе поддевки и изъ которой ткутъ ситцы. При этомъ рассказчики путались: одни увѣряли, что вата прямо лѣзетъ изъ земли, а другіе говорили, что она вырастаетъ на травѣ. Открытіе новой страны нѣсколько смущало Никиту, подготовившаго себя къ поселенію совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, и когда, миновавъ Оренбургъ, переселенцы раздѣлились на двѣ партіи, Никита присталъ къ той, которая шла на Томскъ. Съ этого времени его стали преслѣдовать несчастія. Первымъ дѣломъ у него пала лошадь, а когда онъ, вытащивъ изъ заветной ладонки деньги, которыя приберегалъ для перваго обзаведенія, купилъ новую, ее украли киргизы. Обезкураженный этою потерей, Никита принужденъ былъ продать одну повозку и оставшуюся лошадь, чтобы, сокративъ имущество, облегчить себѣ за нимъ надзоръ. Въ Томскъ онъ прибылъ уже позднею зимою. Утомленные дорогою дѣти стали хворать, требовалось много денегъ, работу же находить было трудно, такъ какъ большое скопленіе переселенцевъ обезцѣнивало трудъ и затрудняло пріисканіе заработка. Ко всему

этому присоединились сѣтованія жены. Утромъ онъ выходилъ изъ дому на базаръ, гдѣ его донималъ непривычный для малороса морозъ, а вечеромъ, по возвращеніи на квартиру, его донимали слезы и жалобы семьи. Чтобы сократить расходы на кормъ, онъ продалъ обѣихъ лошадей и съ нетерпѣніемъ ждалъ весны, но прошелъ февраль, за нимъ наступилъ мартъ, а морозы все не сдавали. Съ тоскою онъ вспоминалъ родину, гдѣ по его расчетамъ давно уже обсѣялись, и раскаивался, что не примкнулъ къ тѣмъ товарищамъ, которые пошли въ благословенный Туркестанъ, производящій вату и арбузы. Наконецъ, въ началѣ апрѣля, стало теплѣе и онъ опять пустился въ путь, на этотъ разъ выбравъ уже опредѣленное мѣсто для поселенія: онъ направлялся въ одно изъ селеній Томской губерніи, которое, по рассказамъ, ему болѣе понравилось. На третьемъ переходѣ отъ Томска у Никиты заболѣлъ старшій сынъ. Еще въ городѣ онъ жаловался на боль въ груди и сильно кашлялъ. Теперь ему становилось хуже. Онъ лежалъ въ повозкѣ и изнемогалъ отъ жара, а семья, безсильная помочь ему, сѣвшила изъ всѣхъ силъ добраться до жилья, чтобы дать покой больному. Но телѣга была слишкомъ тяжела, а тощія лошаденки выбились изъ силъ, и пришлось по-неволѣ остановиться въ степи.

Въ первый разъ Никитѣ сдѣлалось жутко. Онъ чувствовалъ, что сынъ долженъ умереть и его придется похоронить въ безлюдной чужой степи безъ напутствія, безъ похороннаго обряда и безъ малѣйшей надежды когда бы то ни было навѣстить могилу сына.

Къ вечеру слѣдующаго дня Никита уже рубилъ мерзлую землю, роя могилу для сына. Мать рыдала надъ дорогимъ трупомъ, а вольный ябтеръ разносилъ материнскую скорбь по широкому раздолью киргизской степи...

Только въ концѣ іюня Никита прибылъ наконецъ на мѣсто. Опоздавъ къ весеннему посѣву, онъ дѣятельно принялся за постройку избы и къ осени помѣстился въ собственной хатѣ. Дальнѣйшее устройство усадьбы пришлось отложить. Надо было пахать и сѣять озимь. Никита работалъ, не жалѣя себя. Почти полуторогодиный отдыхъ надобѣлъ ему невыразимо и онъ съ жадностью набросился на работу. Онъ пахалъ и сѣялъ безъ усталости и ему все казалось мало. Уже въ завѣтной ладонѣ оставалось немного денегъ, скопленныхъ въ Донщинѣ, а онъ все продолжалъ покупать сѣмена и сѣять. Только наступившіе морозы загнали его въ избу, гдѣ онъ занялся окончательнымъ устройствомъ домашней обстановки.

Наступила весна. Эта была весна долго-памятнаго 1891 года. Снѣгъ давно уже сошелъ съ полей; солнышко стало изрядно пригрѣвать почву, всходы стали требовать влаги, а небо оставалось безоблачнымъ. Напрасно крестьяне молили о дождѣ, напрасно поднимали иконы: прошелъ іюнь, а за нимъ и іюль, а дождя все не было. И увидѣлъ Никита, что ему придется опять двигаться дальше. Онъ убилъ на посѣвъ и избѣ почти всѣ свои средства; земля невозвратила ему ни зерна. Прокормиться работою въ этомъ селеніи нечего было и думать, а рассчитывать на чужую помощь ему не приходило и въ голову. Насталъ августъ мѣсяцъ; надо было рѣшать, что дѣлать. О повсемѣстномъ неурожаѣ слухи до Никиты еще не дошли и онъ объяснялъ свою неудачу свойствами климата и почвы новой родины. Вѣрять обоимъ этимъ факторамъ природы послѣднія свои сбереженія онъ не рѣшался, а потому озимой пашни не готовилъ. Когда былъ съѣденъ послѣдній фунтъ изъ собранныхъ съ 8 десятинъ посѣва 10 пудовъ пшеницы, Никита рѣшилъ ѣхать; къ тому же рѣшенію пришли и другіе новоселы, вмѣстѣ съ нимъ прибывшіе сюда, не взирая на увѣренія староселовъ, убѣждавшихъ ихъ, что неудача 1891 г. случайность. Староселы были уроженцы сѣверныхъ губерній Россіи,

а товарищи Никиты были хохлы, которыхъ, помимо неурожая, напугали сибирскіе морозы. И вотъ въ срединѣ августа по направленію къ г. Вѣрному потянулся длинный обозъ переселенцевъ—хохловъ, которые, уже вполне сознательно, направляли путь свой въ Сыръ-дарьинскую область.

По мѣрѣ движенія впередъ обозъ постепенно таялъ. Менѣе состоятельные, одинъ за другимъ отставали, приписывались къ селеніямъ Семирѣченской области, и только 11 семействъ вмѣстѣ съ Никитой дошли до Ташкента. То, что они увидѣли въ Аулиеатинскомъ уѣздѣ, превзошло всѣ ихъ ожиданія. Ирригаціонная система хозяйства, независимость результатовъ труда отъ метеорологическихъ явленій, обиліе и дешевизна хлѣба въ селеніяхъ Чалдаварѣ, Меркѣ, и Николаевскомъ, зажиточность крестьянъ,—все это вмѣстѣ поднимало ихъ энергію и они стремились къ югу, увѣренные уже въ томъ, что чѣмъ южнѣе, тѣмъ лучше.

Прибывъ въ Ташкентъ, Никита сейчасъ же бросился оглядывать отводимые для поселеній участки. Онъ неутомимо шагаль по болотамъ Майдантальской волости, не разъ мѣрять шоссе до Черняевки и Кауфманскаго, лазаль по горамъ окрестностей Ходжакента, побываль въ селеніи Срѣтенскомъ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ мѣстъ ни одно ему не понравилось, исключая

Майдантальской волости, гдѣ, однако, селились исключительно молokane. Тогда онъ отправился въ Чимкентскій уѣздъ и причислился къ селенію Черная Рѣчка.

Исполнивъ формальности, весною 1892 г. Никита приступилъ къ посѣву. Въ его ладанкѣ оставалось всего лишь нѣсколько рублей. Сдѣлать большаго посѣва онъ не могъ, но и тѣ три десятины, которыя онъ вспахалъ, вознаградили его труды сторицею. Онъ собралъ съ нихъ до 300 пудовъ пшеницы и въ настоящее время, переживъ всѣ невзгоды и превратности судьбы, производить впечатлѣніе человѣка, пашедшаго на-конѣцъ тихую пристань.

Передъ окнами его избы виднѣются остатки грядъ, на которыхъ онъ производилъ разные эксперименты. Тамъ между кочнями капуста виднѣются и плети арбузовъ и даже кустъ хлопчатника. Въ головѣ его роится много плановъ, изъ которыхъ первымъ на очереди стоитъ женитьба старшаго сына.

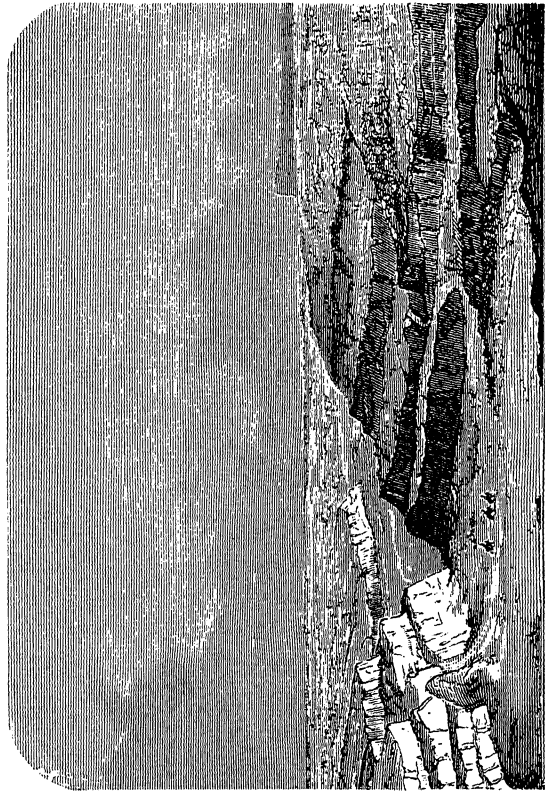
ПИСЬМО VI.

Селеніе Черная Рѣчка отдѣляется отъ своего сосѣда, селенія Бѣлая Вода, небольшою, но весьма шаловливою рѣкою Акъ-су. Какъ всѣ горныя рѣчки, она капризна и непостоянна подобно „вѣтерку полей“, и эти два ея качества приносятъ огромный вредъ окрестнымъ жителямъ. Пригрѣтъ-ли жаркое туркестанское солнышко снѣжные гребни горъ, пронесется-ли по ущельямъ сѣдыхъ великановъ ливень, Акъ-су вадуетъ, широко разольется по всѣмъ своимъ многочисленнымъ рукавамъ, потащитъ крупную гальку и разомъ измѣнитъ фарватеръ, прекративъ при этомъ всякое сообщеніе между берегами. Гдѣ вчера еще можно было ѣхать вбродъ, сегодня вырыта глубокая яма, и все дно рѣки устлалось крупными, круглыми, подвижными камнями, скользящими подъ ногами лошади, которая, безпрестанно спотыкаясь, нагоняетъ страхъ на всадника, такъ какъ угрожаетъ ежеминутно вмѣстѣ съ нимъ окунуться въ воду и завертѣться въ стремительномъ потокѣ неудержимо рвущейся вдаль рѣки. Движеніе по тракту замедляется. Ночью староста почтовой станціи задерживаетъ проѣзжающихъ, а на утро каждый переправляемый черезъ Акъ-су эки-

пашъ сопровождается джигитами-проводниками, тщательно изучающими путь и указывающими его почтовой тройкѣ. Крестьяне, извозчики и арбакеши совершаютъ переправу на собственный страхъ и рискъ и нерѣдко купаются въ быстроструйномъ Акъ-су, а весною часто бываютъ случаи съ трагическимъ финаломъ.

Подобныя затрудненія на оживленномъ почтовомъ трактѣ вызвали понятное стремленіе администраціи соединить берега Акъ-су каменнымъ мостомъ. Осенью 1892 г. уже были сдѣланы соотвѣтствующія изысканія, и въ настоящее время всѣ заинтересованные въ этомъ сооруженіи съ нетерпѣніемъ ждутъ воплощенія идеи на бумагѣ въ каменную твердыню, которая наложитъ, наконецъ, узду на своеволие капризной рѣки.

Климатическія и почвенныя условія селенія Бѣлыя Воды весьма благоприятны. Крестьянскія усадьбы расположены на хрящеватомъ грунтѣ и черезъ нихъ проходитъ арыкъ, выведенный изъ Акъ-су и несущій вмѣстѣ съ водою плодоносный илъ. Подобное самоудобреніе почвы нѣсколько схоже съ условіями культуры въ Ходжентскомъ уѣздѣ. Сады бѣловодцевъ по этой причинѣ растутъ весьма успѣшно и побуждаютъ крестьянъ сажать все, начиная съ винограда, который они берутъ въ сосѣднемъ кишлакѣ Манкентѣ, и кончая персиками, которые разводятъ

Степные виды. — Старое русло степной рѣки.

отъ косточекъ, привозимыхъ изъ Ташкента. Полевые надѣлы отличаются тѣми-же качествами, и бѣловодцы не знаютъ урожая ниже самъ 15. До настоящаго года они ощущали недостатокъ въ пахатной землѣ, но съ восстановленіемъ Бозъ-арыка земледѣльческихъ угодій у крестьянъ болѣе, чѣмъ достаточно.

Судьба восстановленнаго арыка довольно интересна. Когда русское оружіе умирило степь и киргизъ не могъ уже безнаказанно тревожить сарта, послѣдній, преодолевъ страхъ, вышелъ изъ городовъ и сталъ самовольно колонизировать степь, занимая въ ней лучшія мѣста. Безъ сомнѣнія, вторгавшійся во владѣнія киргиза не имѣлъ опредѣленнаго плана, но само вторженіе велось весьма тактично. Въ одинъ прекрасный день гдѣ-нибудь на бойкой торговой дорогѣ, у маленькаго ключа, выросталъ караванъ-сарай. Появленіе столь полезнаго учрежденія насколько не пугало киргиза, — онъ даже былъ радъ этой торгашеской предприимчивости, которая въ непогоду защищала его, вольнаго сына степей, отъ опасностей бурана и давала кормъ его верблюдамъ и лошадямъ. На слѣдующій годъ сартъ обсаживалъ свою саклюшку деревьями, а позади сарая воздвигалъ дуваль, приготавлиалъ поле подъ клеверъ или подъ ячмень и, сбѣлавъ посѣвъ, начиналъ пользоваться водою ключа сов-

мѣстно съ киргизами данной мѣстности. Киргизъ считалъ это вполне естественнымъ: для караванъ-сарая нуженъ клеверъ, а чтобъ его посѣять, необходима земля и вода. На слѣдующій годъ хозяинъ караванъ-сарая расширялъ свои владѣнія далѣе. Къ прежнимъ посѣвамъ онъ прибавлялъ пшеницу и тапакъ бахчи. „Хорошо въ лѣтнюю пору на перепутьи освѣжить себя сочною, сладкою дыней послѣ утомительнаго пути на горбѣ верблюда, а еще лучше съѣсть дыню съ мягкой, свѣжеиспеченною лепешкою“, — думаетъ киргизъ и благодаритъ сарта за то, что тотъ неутомимо работаетъ для его, киргиза, пользы.

Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ. Около прежде одинокаго караванъ-сарая прилѣпилось еще нѣсколько другихъ караванъ-сараяевъ, а за ними, какъ грибы послѣ дождя, полѣзли сакли, и вотъ появился цѣлый кишлакъ. Въ одно прекрасное утро ближайшій аулъ, проснувшись, былъ не мало удивленъ, не найдя въ арыкѣ своемъ ни капли воды, и обитатели обиженнаго аула, возмущенные самоуправствомъ сартовъ, отправились въ кишлакъ съ законнымъ требованіемъ отдать имъ ихъ воду. Но здѣсь, какъ дважды два четыре, сарты доказали имъ, что земля занятая кишлакомъ, принадлежитъ имъ по давности владѣнія, а, значитъ, и вода, ибо гдѣ-же видано, чтобы право на землю от-

дѣлялось отъ права на воду... Послѣ этого киргизамъ оставалось только откочевать въ глубь степи, что они и дѣлали, а сарты спокойно и уже окончательно устраивались на новомъ мѣстѣ.

Такъ выросла цѣлая масса кишлаковъ въ той самой киргизской степи, которой еще не такъ давно сартъ боялся пуще огня. Все это произошло такъ быстро, что къ тому времени, когда началась русская колонизація, многія хорошія мѣста уже были заняты сартовскими осѣдлостями. Вслѣдъ за караванъ-сараями перебрались въ степь лавки съ ситцами и базары, и киргизская матрона, вмѣстѣ съ своимъ простодушнымъ супругомъ, не успѣла опомниться, какъ очутилась въ цѣпкихъ лапахъ торгаша-сарта. А этотъ послѣдній, угождая вкусу степняка, твердо держитъ въ памяти бывшее преобладаніе киргиза и старается наверстать все то, что дѣды и прадѣды его отдали въ уплату за удалъ и храбрость киргизскихъ батырей.

Такова исторія и кишлака Манкентъ, съ маленькой варіаціей, а именно: самосѣды-манкентцы завладѣли не ключемъ — даромъ Божиимъ, а арыкомъ, сооруженнымъ кровавымъ потомъ киргизовъ. Послѣдніе, уступая натиску сартовъ, отдали имъ одинъ арыкъ, сохранивъ за собою право на другой — Бозъ-арыкъ. Но сартамъ показалось этого

мало; они старались овладѣть и Базомъ. Началась тяжба. Много было написано „арзовъ“¹⁾, много было испорчено крови, много перебрано „біевъ“²⁾, а толку не выходило никакого. Пока шло сутяжничество, арыкъ не чистился, и въ бассейнѣ его ни одна изъ сторонъ не позволяла другой дѣлать посѣвы, пока, наконецъ, арыкъ пришелъ въ негодность и обѣ стороны отъ него отказались. Тогда уѣздная администрація рѣшила его возстановить для русскихъ переселенцевъ, исхлопотавъ имъ пособіе въ триста рублей на прокормленіе рабочихъ, пока они будутъ копать арыкъ. Весною текущаго года въ бассейнѣ Боза уже посѣяна крестьянская пшеница.

Ровные, хорошіе всходы радовали сердца „хліборобовъ“, какъ вдругъ на посѣвахъ появился какой-то червь и сталъ немилосердно истреблять ихъ. Не зная какъ помочь горю, крестьяне наугадъ залили поля водою, благо реставрированный Бозъ давалъ возможность устроить потопъ. Средство оказалось удачнымъ: червь исчезъ, а всходы погнали уже стрѣлку и общають обильную жатву.

По срединѣ селенія возвышается прекрасное зданіе сельской школы, которая вмѣстѣ

1) Променій.

2) Судей.

съ тѣмъ служить молитвеннымъ домомъ, гдѣ въ предпраздничные и праздничные дни грамотнымъ крестьяниномъ читаются часы и имъ-же обученнымъ хоромъ исполняется церковное пѣніе. Красный уголь школы заставленъ иконами и разукрашенъ мѣстнымъ любителемъ свободнаго искусства съ возможною роскошью. Нѣсколько спускающихся лампадъ снабжены шелковыми юбочками, кругомъ вѣнки и кресты изъ полевыхъ иммортелей, а въ самомъ углу стоитъ аналой въ парчевомъ одѣяніи, сшитомъ изъ старыхъ эпитрахилей, собранныхъ заботами и настойчивостью Н. И. Гродекова по монастырямъ внутреннихъ губерній Россіи. Подобнаго рода пожертвованіями пополнены ризницы всѣхъ уже выстроенныхъ сельскихъ церквей и снабжены молитвенные дома во всѣхъ селеніяхъ Чимкентскаго и частью Аулиеатинскаго уѣздовъ. Учительницею въ школѣ состоитъ жена крестьянина изъ тѣхъ-же Бѣлыхъ Водъ, имѣющая соотвѣтственный дипломъ.

Сплошная аллея улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неожиданно прерывается пустырями: то усадьбы нѣсколькихъ мордовскихъ семействъ, являющихся болынымъ мѣстомъ селенія. Они прибыли еще при самомъ основаніи Бѣлыхъ Водъ, но до сихъ поръ еще не устроились, несмотря на болѣе чѣмъ трехлѣтній срокъ пребыванія въ предѣлахъ

области. Съ самаго начала своего водворенія они внесли раздоры въ крестьянскую общину Бѣлыхъ Водъ, заводили ссоры съ киргизами и манкентскими сартами изъ-за потравъ и, наконецъ, дошли до геркулесовыхъ столбовъ кляузничества, подавъ просьбу о воспрещеніи туземцамъ прогонять скотъ черезъ селеніе, такъ какъ онъ, проходя по улицѣ, поднимаетъ пыль и вредитъ древеснымъ насажденіямъ. Обладая, что называется „луженымъ горломъ“, они вначалѣ брали перевѣсъ на сходкахъ, а затѣмъ, когда общество сжилось и хохлы, осмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ, выползли изъ своей скорлупы и положили конецъ легкой наживѣ на уловленіи чужого скота, лучшіе изъ мордвиновъ смирились и занялись дѣломъ, и остальные бросили надѣлы и отправились въ Ташкентъ, не построивъ избъ и не обработавъ надѣловъ. Осенью и весною во время земельныхъ передѣловъ они появляются въ селеніи въ надеждѣ сдать свои участки въ аренду неприписаннымъ еще новоселамъ, а затѣмъ опять исчезаютъ. Такому чисто-цыганскому шатанію рѣшено положить предѣлъ предложеніемъ либо окончательно водвориться въ селеніи, либо „для такихъ прогулокъ подальше выбрать закоулокъ“. Помимо того, что въ настоящее время слишкомъ цѣнно каждое свободное мѣсто въ селеніи и что, бессмысленное

шатаніе въ теченіе трехъ лѣтъ изъ угла въ уголь далеко непохвально, отсутствіе зачисленныхъ крестьянъ вредно отражается на экономической жизни постоянно живущихъ въ селеніи. Уличные арыки, идущіе мимо незастроенныхъ усадебъ, должны содержаться въ порядкѣ сосѣдями, а иногда этимъ послѣднимъ приходится и канализировать пустопорожнюю усадьбу отсутствующаго сосѣда, такъ какъ иначе поливная вода не можетъ попасть къ нимъ на огороды. То же самое приходится сказать и о полевыхъ надѣлахъ съ тою лишь разницею, что забота о полевыхъ арыкахъ гораздо сложнее и труднѣе, такъ какъ протяженность полевыхъ надѣловъ гораздо больше, нежели протяженность усадебныхъ мѣстъ.

Получивъ надѣлъ, эти шатуны сейчасъ же послѣ передѣла скрываются изъ села подъ предлогомъ закупки сѣмянъ. Постоянные жители начинаютъ пахать и сѣять, а шатуновъ все нѣтъ. Наконецъ приближается время полива, когда необходимо приниматься за чистку арыковъ. Крестьяне выходятъ въ поле, и начинается работа. Главный арыкъ ведется артелью, а побочные хозяевами, которые въ немъ заинтересованы. И вотъ тутъ появляется на сцену излишняя работа. Незасѣянные и необработанные надѣлы отсутствующихъ лежатъ между запаханнами землями и черезъ нихъ приходится

вести каналъ, удлиняя его непроизводительно и увеличивая совершенно напрасно площадь испаренія поливной влаги.

Изъ 97 дворовъ селенія Бѣлыхъ Водъ такихъ шатуновъ имѣется четыре семейства, и это единственное селеніе Чимкентскаго уѣзда, гдѣ наблюдается подобное явленіе. Очевидно, что эти вѣчно отсутствующіе домохозяева никакихъ сельскихъ повинностей не несутъ и не участвуютъ въ расходахъ, — напримѣръ, на содержаніе писаря, между тѣмъ какъ своею неисправностью они-то именно и даютъ больше всего работы этому послѣднему.

Заговоривъ о писарѣ, нельзя не остановиться на личности бѣловодскаго Николая. Вообще надо замѣтить, что нашъ сельскій писарь Сыръ-дарьинской русской деревни ничего общаго не имѣетъ съ своимъ російскимъ собратомъ, вершителемъ волостныхъ дѣлъ, зачастую пособникомъ, а подчасъ и руководителемъ продувного старшины. Это — скромный труженикъ, исполняющій волю „міра“ и начальства; никакой самостоятельности и силы онъ не имѣетъ. Въ большинствѣ случаевъ здѣсь писаремъ бываетъ грамотей изъ тѣхъ-же крестьянъ, прерывающій свои полевые работы для написанія рапорта или справки. Николай въ этомъ случаѣ является исключеніемъ: писарство — его профессія. Появился онъ въ

степи лѣтъ 18 тому назадъ въ качествѣ почтальона. Подъ ударами судьбы мачихи онъ прошелъ много мытарствъ и, наконецъ, водворился, какъ самъ говоритъ, на постоянное жительство въ Бѣлыхъ Водахъ.

— Николай у насъ первый человѣкъ— говорятъ крестьяне—ужъ чего-то онъ не знаетъ! Одно слово мудрецъ на всѣ руки!

Какъ доказательство, сейчасъ-же представляются его издѣлія. На крашенной корбкѣ сдѣланъ „туалетъ“: двѣ длинныя красныя лапы кулика замѣняютъ ножки, а между ними вертится зеркальце. При общихъ похвалахъ самъ мастеръ оживляется и, спотыкаясь на каждомъ словѣ, начинаетъ рассказывать скороговоркою пьяницъ:

— Тоже по художеству понятіе имѣю... на счетъ скатерти значить... Хозяйка свою истрекала, всю испачкала,—хоть сейчасъ брось, а я ее подъ кисть! Грунтъ наложилъ, ландшафтъ вывелъ,—какъ есть клеенчатая вышла! Иконы вотъ еще мужичкамъ пишу, ничего, одобряютъ. Насчетъ вознагражденія не то, чтобы очень .. да гдѣ имъ, сами еще бѣдняки... Такъ-ли Господь одарилъ, или потому, что въ жилѣ у меня кровь чистая, а только дѣйствительно могу. Всѣ рукодела чистыя въ моихъ рукахъ—живопись, вывѣски тоже, обойное дѣло... и почеркъ твердый имѣю...

— Ну, це якъ Богъ дастъ, ияколы рука

трусится,—перебилъ одинъ изъ слушателей.

— Чтожъ, я не скрываю! Кто Богу не грѣшнѣ, Царю не виноватъ: въ день ангела своего на вешняго Николу испиваю, это точно, потому никакихъ сродственниковъ не имѣю нигдѣ, ни въ какихъ то есть странахъ—одинъ, какъ перстъ!.. Печали и грусти бываю подверженъ, но этимъ никому ущерба не причиняю и завсегда на своемъ мѣстѣ...

— Нечего Бога то гнѣвить, Николай—душа добрая, никому обиды не дѣлаетъ, чего зря языкомъ болтать!—подняли ропотъ крестьяне, возмущенные непрощенымъ вмѣшательствомъ хохла, и тутъ-же полились рассказы о добротѣ и самоотверженіи Николая, исполняющаго за частую обязанности сидѣлки около больныхъ и помогающаго своимъ грошовымъ жалованьемъ бѣднѣйшимъ изъ крестьянъ.

Честъ и хвала тебѣ, простая, добрая русская душа, что, истрепанная судьбою, осиротѣвшая въ далекомъ краю и выброшенная изъ жизненнаго пира счастливыхъ, ты не упала духомъ, не пошла заливать свое горе въ портерную большого города, а понесла свои скромныя силы на службу сѣрой сермягѣ, которая, одѣвивъ тебя, пригрѣла и приютила у себя, успокоила твои печали и обезпечить твое существованіе до гробовой доски!

ПИСЬМО VII.

Антоновка и Корниловка — это два старѣйшихъ селенія Чимкентскаго уѣзда. Оба они основаны въ 1887 году и получили свои названія по именамъ крестьянъ, поселившихся тамъ первыми.

Антоновка была устроена изъ 17 дворовъ, но въ настоящее время она разрослась до 25. Населеніе ея состоитъ изъ выходцевъ земли Войска Донскаго, причемъ почти всѣ крестьяне — бывшіе крѣпостные дворовые. Живутъ зажиточно, сѣютъ много хлѣба и ведутъ хозяйство на русскій ладъ. Вначалѣ увлеченные легкостью сартовскаго способа вспашки полей антоновцы вооружались омачами, но черезъ годъ настало полное разочарованіе, и они принялись за свои плужки, сдѣланные на манеръ саковскихъ. Съ тѣхъ поръ, по ихъ словамъ, урожаи не спускаются ниже самъ 10. Хороши также у антоновцевъ сѣнокосныя угодья, а потому сѣна они накашиваютъ много и бойко торгуютъ имъ во время зимняго движенія извозчиковъ съ вѣрненскими и ташкентскими товарами.

Самое селеніе пріютилось въ живописномъ уголкѣ. Чтобы попасть въ него изъ Чимкента, надо проѣхать длинный и крутой спускъ. Здѣсь дорога разработана въ конгломератъ, громадныя глыбы котораго, точ-

но часовые, стоять по сторонамъ. Въ концѣ спуска къ горѣ прилѣпилось, въ живописномъ безпорядкѣ, нѣсколько сартовскихъ саклюшекъ, вытянувшихся до самой рѣчки Машать въ узкую, кривую улицу. Въ обыкновенное время года рѣчка эта мало чѣмъ отличается отъ ручья; въ половодье-же сильно вздувается и капризничаетъ, какъ всѣ горныя рѣки.

За Машатомъ, вправо отъ дороги, стоятъ развалины старой почтовой станціи и ожидаютъ аукціона, подобно всѣмъ казеннымъ зданіямъ, пришедшимъ въ ветхость. Рядомъ со станціей угрюмо смотритъ своими рѣшетчатыми окнами этапный домъ, кругомъ обсаженный молодою порослью тополя и тута. Затѣмъ еще одинъ рукавъ р. Машать, маленький подъемъ на гору, и экипажъ въѣзжаетъ въ широкую аллею тополей и таловъ, сквозь чащу которыхъ еле замѣтны выбѣленные стѣны хохлацкихъ избъ. Надъ всѣмъ ландшафтомъ господствуетъ довольно высокая гора съ голой скалистой вершиной.

Послѣ утомительнаго однообразія степнаго пути тѣнистые уголки убогихъ машатскихъ заводовъ, зеленый коверъ, точно шахматныхъ клѣточекъ, клеверныхъ полей и вдали нависшій утесъ горной вершины производятъ выгодное впечатлѣніе, и видъ селенія Антоновки надолго остается въ памяти путника. Даже отъ печальнаго по сво-

ему назначенію этапнаго зданія не вѣсть холодомъ „мертваго дома“, въ особенности для того, кто знаетъ, какую роль играли въ нашей колонизаціи эти обители печали и слезъ. Пользуясь тѣмъ, что каждое подобное зданіе должно имѣть сторожа, у котораго, по роду службы, должно быть много свободнаго времени, крестьянскій печальникъ, незабвенный Н. И. Гродековъ, обязалъ сторожей этапныхъ домовъ, гдѣ только позволяли условія, заложить питомники тополей или какого-нибудь другого строевого лѣса. Благодатный климатъ и почва облегчили задачу, и вскорѣ многіе этапные дома имѣли вокругъ себя тысячи корней различныхъ деревьевъ, которыя раздавались бесплатно всѣмъ крестьянамъ вновь устраивающихся селеній.

Съ упраздненіемъ движенія арестантовъ въ Сибирь черезъ г. Вѣрный, многіе этапные дома закрываются, а вмѣстѣ съ ними закроются и питомники. Нѣкоторыя зданія, очутившіяся въ настоящее время въ чертѣ селеній, предположено передѣлать въ сельскія школы и общественные хлѣбные магазины, чему какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ ихъ прочная конструкція и обширные размѣры. Всѣ они сдѣланы изъ жженого кирпича, имѣютъ большія окна и желѣзныя крыши. Чтобы стереть изъ памяти ихъ бывшее назначеніе, они будутъ пере-

дѣланы слѣдующимъ образомъ: зданіе предполагается разрѣзать на двѣ неравныя половины; въ большей помѣстится школа, а въ меньшей, отдѣленной отъ первой небольшимъ проулкомъ,—общественный хлѣбный магазинъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, проектировалъ губернаторъ во время послѣдняго объѣзда области осенью 1892 г

Чаща древесныхъ насажденій на улицѣ невольно рождаетъ вопросъ: къ чему антоновцы такъ старательно прячутся съ своими избами отъ проѣзжающихъ, и такъ какъ хозладкая хата выбѣленными стѣнами, незатѣйливою живописью вокругъ оконныхъ косяковъ и соломенною стрѣхою всегда радуетъ русское сердце, то даже досадной становится излишняя скромность обитателей этого селенія. Однако при ближайшемъ знакомствѣ съ мѣстною жизнью оказывается, что и для самихъ крестьянъ густыя уличныя насажденія нежелательны и дѣлаютъ они ихъ поневолѣ—съ исключительною цѣлью защитить крыши избъ и надворныхъ построекъ отъ сильныхъ порывовъ вѣтра, бушующаго здѣсь осенью и зимою.

— Пока не обсадили хатъ—говорятъ крестьяне—каждый годъ приходилось раза по два перекрывать избы. Теперь только избавились отъ лишней работы. А вотъ побѣдете въ селеніе Высокое—тамъ крестьяне до сихъ

поръ маюцца съ крышами и будуть маяцца, покуда не поднимутся тополя.

Бабамъ особенно непріятны эти густыя насажденія: они мѣшаютъ ихъ праздничнымъ сборищамъ на заваленкахъ у сосѣдокъ, и онѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отмѣчаютъ это тяжелое для нихъ лишеніе.

— Що-жъ, што тутъ хлѣбъ роде гарно, а жить тутъ скушно: нима ні церкви, ні призьбы¹⁾ Дома було у неділю підешь до сусідівъ на призьби посидить або въ голові пошукать²⁾, а тутъ и підти нікуда! Ходишь по улиці—и присісты нїде!

Такое легкомысліе „прекрасныхъ половинъ“ шокируетъ серьезныхъ мужиковъ, и они пытаются укротить словоохотливость бабъ, но тѣ, расхрабрившись и чувствуя, что ихъ слушаютъ съ интересомъ, выбалтываютъ, между прочимъ, и тайныя думы своихъ супруговъ.

— А що-жъ, хіба не правда? Мы тільки, бабы, дурніші одъ васъ, мужиківъ, говоримо у се, що думаемъ, а вы панівъ боійтесь, тай мовчіте, а якъ панівъ нема, то и самі жалуетесь, що нема призобъ.

Въ селеніи пока нѣтъ правительственной школы, но крестьяне учать дѣтей, нанимая

¹⁾ Заваленка.

²⁾ „Искать въ головѣ“ (вшей, конечно)—это услуга, которую охотно оказываютъ хохлушки другъ другу въ часы досуговъ.

въ учителя какого-нибудь отставного солдата. Дѣтшки очень бойкія и любознательныя. Предложивъ намъ свои услуги, они все время несутъ части фотографическаго аппарата и безъ умолку болтаютъ, выхваляя достоинства каждой избы, чтобы заставить насъ сдѣлать побольше снимковъ. Идущіе сзади высказываютъ надежду получить картинки, а другія, болѣе серьезныя, стараются объяснить самый процессъ фотографирования.

— У тій скрынці³⁾ все до чиста видно, — якъ у райку, що батько розказували, якъ на ярмаркахъ въ Россіи показують.

Одинъ изъ малышей, самый бойкій, съ апломбомъ объясняетъ:

— Тамъ, у середині, малесеньке колектатко⁴⁾, воно швидко⁵⁾ крутиться тай на водѣ.

— Що-жъ воно наводѣ? — спрашиваетъ другой, неудовлетворенный такимъ загадочнымъ объясненіемъ.

Это вызываетъ понятный гнѣвъ у сконфуженнаго оратора, онъ не уступаетъ, и недостатокъ знанія спѣшить пополнить избыткомъ физической силы.

— Мовчі, — говоритъ онъ черезчуръ любознательному собесѣднику, — а то заразъ

³⁾ Въ этомъ сундучкѣ

⁴⁾ Маленькое колесо.

⁵⁾ Быстро.

такого ляца дамъ!.. Тобі лже ділс, што воно наводе?

— Не слухайте его, хлопці, вінъ бреше, отъ лучше я вамъ расскажу. Покі вінъ не накрывається, нічого не відно. Якъ накривсь такъ і пішло все перекидається до горы ногамі: и дядька Опанаса кобыла, и Мерпіивске поросля, и наша хата. Отъ нікажи мене Богъ! Я самъ бачивъ,—вінъ мені показувавъ, якъ васъ не було.

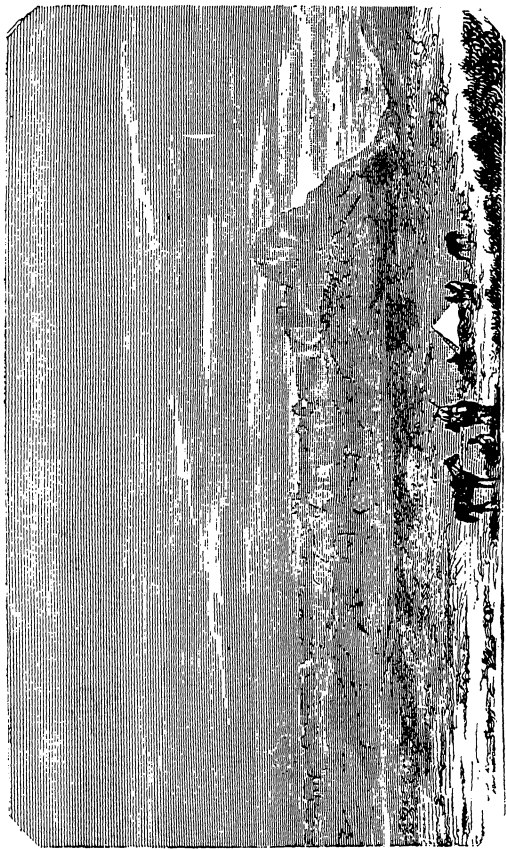
Въ такихъ бесѣдахъ мы подходимъ къ концу селенія и садимся въ ожидающій экипажъ. У дороги ходить крестьянское стадо. Скота много и скотъ рослый. Коровы пасутся отдѣльно отъ воловъ и каждый вечеръ пригоняются въ селеніе; волы же все лѣто, и днемъ и ночью, находятся на пастбищѣ. Это уже чисто русскій способъ ухаживать за скотомъ. И тамъ, на далекой родинѣ, производилось подобное дѣленіе стада—волы, послѣ окончанія весеннихъ работъ, угонялись куда-нибудь на „попасъ“, гдѣ непрерывно нагуливали силы для тяжелой осенней работы въ плугѣ, возвращаясь въ селеніе только въ августѣ мѣсяцѣ, когда начинается перевозка хлѣба съ полей на гумна.

Нѣсколько подальше бродить табунъ крестьянскихъ лошадей. Хотя всѣ онѣ куплены у киргизовъ, но далеко крупнѣе и сильнѣе киргизскихъ лошадеенокъ. Да оно и немудрено: мужикъ не обижаетъ жере-

бять, какъ киргизъ, отнимающій кобылье молоко для кумыса, отчего молодые животные развиваются при ненормальныхъ условіяхъ, что сказывается въ послѣдствіе на ихъ ростѣ и силѣ; кромѣ того, крестьянскія лошади въ теченіе остальной своей жизни всегда имѣютъ достаточно сѣна и не бываютъ вынуждены въ студеную зиму добывать себѣ копытами чахлую сухую траву изъ подъ толстаго слоя снѣга.

Но вотъ кончились крестьянскіе надѣлы и передъ глазами опять развернулась необъятная ширь степи. Только съ лѣвой стороны ландшафтъ разнообразится цѣпью высокихъ горъ, тянущихся по направленію къ Ауліеата. Почти у самого подножія ихъ узкой лентой вьется слѣдъ стараго арыка, нѣкогда орошавшаго эту степь водами Кельты-Машата. Въ настоящее время арыкъ заброшенъ, и, должно быть, не скоро напоить машатская вода эту плодородную землю, обратившуюся въ безлюдную степь. По словамъ свѣдущихъ туземцевъ, реставраціей арыка возможно было-бы призвать къ жизни свыше 3000 десятинъ.

Нѣсколько выше арыка, по склонамъ горъ, разбросаны киргизскія зимовки. Почти каждая изъ нихъ имѣетъ свой небольшой, чистый какъ кристалль, ключъ воды, изъ котораго утоляетъ жажду возвращающійся съ лѣтнихъ киргизъ. Тогда безлюдная степь сразу

Степные виды.—Вечерний пейзажъ въ степи.

перемѣняетъ свой непривѣтливый скучный видъ. Все ея необъятное пространство оживляется безчисленнымъ множествомъ стадъ. Тамъ пучеглазый верблюдь наслаждается колючкой, здѣсь косякъ лошадей отъѣдается «башкарой» ¹⁾, а попережку съ ними пасутся бараны, потряхивая своими жирными курдюками, этимъ естественнымъ ресурсомъ питанія, которымъ снабдила ихъ природа про черный день въ защиту отъ дѣни и безпечности хозяина-киргиза. Его стрекочущая рѣчь оглашаетъ безмолвіе предгорій, и изъ прокопченной юрты взовется къ небу легкой, колеблющейся столбъ дыма. Такъ смѣлыми и твердыми штрихами природа-художникъ оживляетъ монотонную картину сухой травы и безоблачнаго неба, именуемую киргизской степью. И дорога ова номаду, какъ родина, какъ вѣрная стражница дѣдовскихъ могилъ и традицій, дорога и старому русскому туркестанцу по воспоминаніямъ о трудной боевой жизни и радушномъ гостепріимствѣ во дни юности.

Версты за 1½ до селенія Корниловки приходится переѣзжать р. Арысь. Какой жалкій видъ имѣетъ здѣсь эта гроза чимкентско-казалинскаго почтового тракта! Гля-

¹⁾ По наблюденіямъ киргизовъ эта мелкая травка съ черной верхушкой составляетъ лучшій кормъ для лошадей.

дя на этотъ мелководный ручеекъ, на днѣ котораго можно пересчитать всѣ гальки — такъ онъ мелокъ, чистъ и прозраченъ, — трудно вообразить себѣ его бурнымъ бѣшенымъ потокомъ, опрокидывающимъ каждую весну десятки арбъ у станціи Арысь на 28-й верстѣ отъ Чимкента къ Перовску. А между тѣмъ воды его питаютъ поля пяти русскихъ селеній, не считая киргизскихъ пашень, также лежащихъ въ бассейнѣ Арыси.

Такъ геній человѣка борется съ дикой силой и порабощаетъ ее, утилизируя избытокъ для цѣлей культуры. Кромѣ того, что въ этомъ мѣстѣ верховья рѣки, воды ея уже и здѣсь разведены по арыкамъ, и потому она теряетъ славу той страшной Арыси, которая такъ памятна старымъ туркестанскимъ путешественникамъ, ѣздившимъ, до проведенія Закаспійской желѣзной дороги, въ Россію черезъ Оренбургъ. Если колонизація бассейна Арыси не остановится въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, то нѣтъ сомнѣнія, что эта бурная рѣка уменьшитъ свободную воду еще на половину.

На правомъ возвышенномъ берегу Арыси стоитъ первая изба корниловскаго крестьянина. Онъ купилъ участокъ земли у туземцевъ и устроилъ свой собственный хуторъ. Обвалъ корниловской почтовой станціи принесъ ему существенную пользу: ад-

министраціи пришлось нанять у него его строеніе подъ станцію впредь до сооруженія новаго казеннаго зданія; 300 рублей аренды являются для него превосходнымъ доходомъ, и, безъ сомнѣнія, этотъ счастливый хуторянинъ скоро разбогатѣтъ. Трудно предсказать, гдѣ впоследствии будетъ онъ „куражиться“ со своимъ капиталомъ, но корниловцевъ ему не стричь: тутъ все народъ зажиточный и въ лапы къ кулаку не пойдетъ.

Богатъ корниловецъ, но и прижимистъ. — совсѣмъ скупой народъ. Нѣсколько лѣтъ уже они собираются выстроить часовню и весьма краснорѣчиво объ этомъ повѣствуютъ, а какъ стали приглашать ихъ ваяновцы ¹⁾ помочь храмъ строить, то ихъ отзывчивость на богоугодное дѣло исчерпалась пожертвованіемъ 30 рублей деньгами и 250 сноповъ камыша.

Селеніе состоитъ изъ 26 дворовъ, изъ которыхъ чуть-ли не половина принадлежитъ къ многочисленному потомству Величекъ. Первымъ здѣсь поселился Корниловъ. Его не испугала безлюдная степь и сосѣдство киргизовъ. Онъ прекрасно уживался съ „ордою“, подчасъ воюя съ нею, а подчасъ и тамырничая, оставаясь съ семьею един-

1) Селеніе Ваяновское отстоитъ отъ Корниловки въ 14-ти верстахъ.

ственнымъ представителемъ русской народности во всей Яскичинской ¹⁾ округѣ.

Въ 1887 г., изъ селенія Красный Куть Славяносербскаго уѣзда Екатеринославской губерніи, сюда переселился старый Величко съ нѣсколькими взрослыми сыновьями. Въ 1892 г. старикъ умеръ отъ холеры, а многочисленное потомство его твердо основалось въ Корпиловкѣ и захватило въ свои руки всѣ мірскія дѣла. Куда ни обратишься, вездѣ встрѣчаешься съ этой фамиліей. Одинъ изъ Величекъ состоитъ сельскимъ учителемъ и въ то же время ветеринарнымъ фельдшеромъ, другой весьма искуснымъ регентомъ мѣстнаго хора, третій скрипачъ, четвертый инструментальныхъ дѣлъ мастеръ, экспонировавшій скрипки своего издѣлія на Туркестанской выставкѣ 1890 г., и, наконецъ, всѣ вмѣстѣ они составляютъ очень недурной квартетъ, играющій на деревенскихъ свадьбахъ. Достаточно послушать хоръ корниловскихъ ребятъ, чтобы сказать, что у Величко недюжинное музыкальное ухо. Правда, хоръ его исполняетъ по своему нотные русскіе мотивы, но въ то-же время въ исполненіи слышна стройность голосовъ и тонкая отдѣлка по своему передѣланныхъ варіацій. Зато въ пѣвнѣ малороссійскихъ пѣсенъ онъ неподражаемъ и

¹⁾ Прежде селеніе Корниловка называлась, по имени уроженца Яскачу.

мало чѣмъ уступаетъ хору крестьянъ селенія Каменки Аулиеатинскаго уѣзда, гдѣ регентомъ состоитъ бывшій пѣвчій Императорской капеллы. Но если вамъ, любезный читатель, придется когда нибудь слушать корниловскій хоръ и вы захотите насладиться пѣніемъ и вынести приличное случаю впечатлѣніе,—не смотрите на самого регента, такъ какъ его способъ управленія хоромъ вызываетъ неудержимый хохоть. Представьте себѣ мощную фигуру коренастаго мужика со всклокоченной рыжей бородой, въ рваномъ картузѣ и овчинномъ тулупѣ, наброшенномъ на плечи. Онъ ни одного мгновенія не остается покойнымъ,—онъ весь какъ на пружинахъ. Двумя пальцами правой руки онъ отбиваетъ тактъ и въ то-же время лѣвая его рука проворно перебираетъ уши тѣхъ пѣвчихъ, на которыхъ онъ мало надѣется. Эта предварительная цензура звуковъ производится съ неимоверной быстротой, и во все время своихъ гимнастическихъ упражненій Величко старается скрыть походы лѣвой руки, съ вполне невиннымъ видомъ поглядывая на слушателей. Вы только видите, какъ часть его корпуса безпрестанно движется и сперва находите въ совершенномъ недоумѣніи, что сей сонъ значить. Но вотъ одинъ изъ „дишкантовъ“ совралъ, и въ тотъ-же моментъ регентъ, бросивъ на

виноватаго свирѣпый взглядъ, опускаетъ лѣвое плечо, ухо сфальшивившаго „дишканта“ складывается въ трубочку и онъ втихомолку глотаеъ слезы. По отношенію къ басамъ пріемъ нѣсколько мѣняется. Уши ихъ въ радіуса движенія карающей руки регента, и цензура басоваго ключа производится черезъ ощупываніе реберъ дебылымъ кулакомъ все того-же Велички...

Школу свою корниловцы выстроили сами. Помѣщается она въ большой, свѣтлой избѣ, крытой высокой двускатной камышевой крышей. Парты устроены по всѣмъ правиламъ педагогическихъ требованій и даже выкрашены въ обычный черный цвѣтъ. По стѣнамъ развѣшаны картины, а въ красномъ углу помѣщается цѣлый иконостасъ, такъ какъ въ праздничные дни школа обращается въ молитвенный домъ. Около школы помѣщается садикъ, или, вѣрнѣе сказать, посажено нѣсколько деревьевъ. Школою начинается лѣвая сторона ряда избъ въ селеніи. Избы не такъ высоки какъ школа, но всѣ, наружнымъ видомъ своимъ, заявляютъ о состоятельности хозяевъ. На огородахъ засажены сады, правда, еще молодые, но зато въ нихъ можно найти почти всѣ, имѣющіяся въ краѣ породы фруктовыхъ деревьевъ, включая сюда виноградъ и персики.

Рогатый скотъ по преимуществу астра-

ханской породы. Особых промысловъ въ селеніи нѣтъ. Крестьяне живутъ почти исключительно земледѣліемъ, если не считать случайныхъ заработковъ, перепадающихъ въ зимнее время отъ извозчиковъ, останавливающихся у крестьянъ на ночлегъ.

ПИСЬМО VIII.

Отъ с. Бѣлыя Воды дорога начинается идти въ гору, и каждое слѣдующее селеніе лежитъ все выше и выше надъ уровнемъ моря. По мѣрѣ возвышенія мѣстности, мѣняется климатъ, такъ что послѣднее селеніе Чимкентскаго уѣзда, Высокое, во многомъ напоминаетъ русскую деревню съ болѣе или менѣе прохладнымъ лѣтомъ, суровою, свѣжною зимою и мятелями. Селеніе Ванновское, лежащее между Корниловкой и Высокимъ, въ климатическомъ отношеніи составляетъ какъ бы переходъ отъ зноя средне-азиатской долины къ умѣренному теплу предгорій. Селеніе это не только между вновь устроенными ¹⁾, но даже и между старыми селами Чимкентскаго уѣзда, безспорно, лучшее. Главнымъ образомъ зависитъ это отъ случайнаго, но въ высшей степени благоприятнаго подбора крестьянъ. Оно выросло какъ-то неожиданно, всѣ построились вдругъ и, несмотря на четырех-

¹⁾ Оно основано осенью 1891 года.

верстную длину улицы, въ первую же осень почти всѣ дома были готовы и поражали своею внѣшностью путника, привыкшаго видѣть въ новыхъ селеніяхъ какія-то лачуги на курьихъ лапкахъ, разбросанныя на далекое разстояніе друга отъ друга. Большія, высокія двускатныя крыши, хорошій скотъ и русскія овцы—все это сразу обращало на себя вниманіе и невольно внушало вѣру въ быстрое развитіе села. Внутренняя жизнь вновь организовавшагося крестьянскаго общества также заинтересовывала и вызывала сочувствіе. Миръ, состоявшій изъ 103 домохозяевъ, ревниво оберегалъ свои внутренніе распорядки, и ни одна жалоба на киргизовъ или своихъ односельчанъ не обезпокоила уха начальства. А между тѣмъ претензіи на первыхъ составляютъ заурядное явленіе нашихъ русскихъ селеній. Свободный сынъ степи, киргизъ, не въ силахъ усвоить священное значеніе межи. Его мозгъ отказывается понять, какъ неглубокая ямка можетъ стать препятствіемъ для вольной пастбы скота, и вотъ онъ, игнорируя межевые знаки, вторгается въ черту крестьянскихъ владѣній и безъ зазрѣнія совѣсти выбиваетъ скотомъ если не посѣвы, болѣе строго оберегаемые, то сѣнокосы и толоки. Въ данномъ случаѣ у него есть много общаго съ хохломъ Екатеринославской губерніи, обобщающимъ

всѣхъ нѣмцевъ-колонистовъ и не признающимъ между ними никакой разницы. Если его обидѣлъ какой-нибудь Фридрихъ и успѣлъ послѣ этого благополучно скрыться, обиженный хохолъ бьетъ въ отместку подзернувшася ему подъ руку Вильгельма и потомъ, отвѣчая передъ мировымъ судьей за самовольную расправу, искренно удивляется обвинительному приговору, убѣжденный, что за каждую нанесенную ему колонистомъ обиду онъ вправѣ требовать удовлетворенія отъ любого нѣмца, такъ какъ всѣ они одному Богу молятся, однимъ языкомъ говорятъ, а главное—всѣ одинаково его враги. Никакіе доводы и доказательства въ данномъ случаѣ не покажутся ему достаточно убѣдительными, и наказаніе онъ принимаетъ какъ умышленную и лицепріятную несправедливость. Однажды на берегу р. Самари (Екатерин. губ.), въ ожиданіи парома, стоялъ съ своимъ возомъ хохолъ, а за нимъ, съ фургономъ на прочныхъ желѣзныхъ осяхъ, два нѣмца. Пока шелъ паромъ, хохолъ глядѣлъ по сторонамъ, а когда пришло время вѣзжать на паромъ, онъ вспомнилъ, что надо что-то поправить около колеса. Паромъ поднималъ сразу только одну подводку. Нѣмецъ, воспользовавшись ротозѣйствомъ хохла, ударилъ по лошадамъ, быстро двинулся къ парому и, зацѣпивъ возъ желѣзною осью фур-

гона, сломалъ деревянную ось незатѣйливой мужицкой снасти. Обиженный малоросъ бросился къ нѣмцу съ кулаками, но паромъ отвалилъ отъ берега и увезъ обидчика. Находчивый хохоль избилъ оставшагося на берегу другого нѣмца, и на судѣ, считая себя правымъ, убѣждалъ судью, что это рѣшительно все равно, такъ какъ:

— И то нѣмецъ, и то нѣмецъ... Одинъ утікъ, другій остався, я ёго и побивъ. Це усе равно!

Такъ засядеть въ сознаніи человѣка какая-нибудь мысль, и много нужно времени, чтобы возстановилось правильное мышленіе и выплыла бы, наконецъ, истина, которая, несомнѣнно, лежитъ на днѣ его души и только благодаря слишкомъ быстрому наплыву новыхъ, разнообразныхъ и чуждыхъ ему фактовъ заволакивается туманомъ, дѣлающимъ неразвитаго человѣка близорукимъ.

Киргизъ привыкъ, что трава, вырастающая въ степи, предназначена для корма скота. До настоящаго времени корова Ахметъ-бая паслась безпрепятственно рядомъ съ верблюдомъ Рустема, а теперь пришелъ „мюжикъ“ и требуетъ, чтобы его волъ пасся отдѣльно и отъ Ахметъ-баевой коровы и отъ Рустемова верблюда. Совсѣмъ новый и непонятный порядокъ! Примириться съ нимъ не могутъ столѣтнія киргизскія традиции,

и вопросы о потравахъ рождаются ежедневно. Пока подобныя обвиненія являются на почвѣ дѣйствительнаго вреда, нанесеннаго киргизскимъ скотомъ русскому хозяйству, т. е. пока фактами для обвиненія служатъ случаи потравы пшеничныхъ полей, сѣно-косовъ, огородовъ, — крестьянскія жалобы заслуживаютъ полнаго вниманія, и, несомнѣнно, необходимы мѣры, которыя бы внушили киргизу уваженіе къ чужой собственности. Но, къ сожалѣнію, крестьянскія претензій не всегда справедливы, и косоворотая рубаха непрочъ прижать ватный халатъ съ тѣмъ, чтобы сорвать съ него нѣсколько копѣекъ съ свою пользу. Подобные случаи всего чаще наблюдаются осенью. Крестьянскіе постѣвы къ этому времени всѣ сняты, сѣно перевезено во дворы и, за исключеніемъ озимыхъ полей, всѣ надѣлы обращаются въ пастбища. Частые дожди и теплая осень быстро возобновляютъ зеленый коверъ степи, сожженный лѣтнимъ зноемъ, и, казалось бы, этого широкаго раздолья степи болѣе чѣмъ достаточно, чтобы прокормить въ десять разъ большее количество скота чѣмъ то, которое тамъ пасется, и ни киргизъ, ни русскій не могли бы жаловаться на тѣсноту. Но не такъ выходитъ на дѣлѣ. Приближеніе зимы гонять киргиза изъ горъ, и онъ начинаетъ спускаться въ долину. Его на волѣ взрослыхъ животныхъ

привыкли ходить всюду, гдѣ растеть трава, и самъ пастухъ, не усматривая въ этомъ ничего незаконнаго, старается только не пускать ихъ въ озими. Крестьянинъ же ревниво оберегаетъ межу и не желаетъ поступиться ни одной былинкой въ пользу киргиза, предпочитая бесполезную гибель ея утилизаціи чужимъ челоѣкомъ того добра, которое законъ превратилъ въ его частную собственность. Всего обиднѣе въ данномъ случаѣ быстрая забывчивость крестьяниномъ точно такой же экономической несообразности, тяготѣвшей надъ нимъ на его родинѣ, а между тѣмъ, отвѣчая на распросы о причинахъ переселенія, онъ во главѣ ихъ ставитъ тяжесть штрафовъ за поправу.

— Ушелъ изъ дому изъ-за притѣсненія, говоритъ онъ, — кругомъ обрѣзаны, нельзя выпустить изъ дому ни лошади, ни курицы, сейчасъ штрафъ!

— Ну, и сладко было платить эти штрафы?

— Такъ сладко, что и не вспоминалъ бы!

— А какъ же здѣсь вы дѣлаете то же самое съ киргизами? Вѣдь тутъ ужъ выгонъ не мѣрянный, паси, гдѣ знаешь, только въ хлѣбъ не пускай, да сѣнокосовъ не бей.

— Это точно, выгона тутъ въ волю, даже такъ много, что скотъ не сбиваетъ земли подъ пашню, — начинается какъ будто-бы

и разумно рассуждать мужикъ. Если-бы у насъ скота было побольше, урожая были бы еще лучше. За лѣто да за осень скотъ такъ сбилъ бы землю, что ее и назмить не надо, родила бы, какъ удобренная. Это что и говорить!

Вы радуетесь: вотъ, кажется, подошли къ вопросу съ настоящей стороны—сейчасъ все рѣшится къ общему благополучію—и указываете на легкій способъ пополнить собственную недостатку скота для удобренія пашни. Чего бы, кажется, проще: стоитъ только разрѣшить киргизу пастись скотъ на выгонѣ совмѣстно, тѣмъ болѣе, что эта пастьба носитъ временной характеръ, а перекочевывающій киргизъ не можетъ потравить всего корма во время краткосрочной остановки. Но достаточно упомянуть объ этомъ, чтобы на крестьянина сразу нашелъ какой-то столбнякъ,—что ему ни говори, онъ все свое твердить, какъ говорится, „хоть колъ ему на головѣ теши“.

— Да намъ что,—пусть ихъ пасутъ, да только чтобы за попасъ деньги платили. А не хочешь платить—черезъ межу не пускай!

— Но вѣдь вамъ отъ этого никакого убытка нѣтъ, есть даже польза: вѣдь киргизскій скотъ походить по вашей землѣ—вотъ вамъ и удобреніе; сами-же вы говорите, что ка-

бы у васъ скота было больше, то и земля лучше-бы родила, и назмить ее не надо!

— Убытка, точно, нѣтъ, и удобреніе... ужъ это само собой! а только это непорядокъ: знай каждый свое! Надо такъ, чтобы по закону... Между-то, вѣдь, не зря ставили!

— Однако, когда вы идете въ извозъ, вѣдь вы пасете-же свой скотъ на киргизской степи и киргизы съ васъ за это ничего не берутъ?

— Это точно, киргизъ—душа добрая, за попасъ денегъ не беретъ, за это мы ему завсегда благодарны. Ничего, народъ хороший, попасомъ не прижимаетъ.

— Вотъ и выходитъ, что „орда некрещеная“ добрѣе и лучше васъ.

— Имъ можно, а намъ нельзя,—потому у насъ законъ: чужого не тронь, своего не давай.

И вотъ, основываясь на „законѣ“, особенно ревностные охранители правъ собственности, осенью и весною, нерѣдко устраиваютъ ночныя засады съ цѣлью захватить киргизскій скотъ на своемъ выгонѣ и взыскать штрафъ за пограву.

Прижимки со стороны крестьянъ раздражаютъ киргиза, и онъ, уплативъ вѣсколько штрафовъ, старается вернуть расходы кражею крестьянскихъ лошадей или коровъ, и такимъ образомъ создаются весьма тя-

желыя условія между сосѣдами. Къ счастью, охотниковъ до взысканія штрафовъ за пустяшныя потравы не много и они дѣйствуютъ не отъ имени общества, а на собственный рискъ, пока не окрѣпнетъ „міръ“ и не сознаетъ истины, заключающейся въ пословицѣ: „не купи имѣніе, а купи сосѣда“.

Въ Ванновскомъ сразу установились хорошія отношенія съ киргизами, и первый сельскій староста одинаково строго относился къ нарушителямъ правды безъ различія національности нарушителя. Дружный „міръ“, благодаря удачному выбору старосты, еще болѣе сплотился подъ его разумнымъ управленіемъ, и въ настоящее время эта крѣпкая крестьянская община можетъ быть поставлена въ примѣръ любому селенію области. Весною на сельскомъ сходѣ основательно изучается положеніе ирригаціонной системы и строго опредѣляется число рабочихъ дней, необходимыхъ для исправленія водопріемниковъ и чистки русла арыковъ, и сообщается сосѣднимъ аульнымъ обществамъ, сколько они должны съ своей стороны поставить рабочихъ, чтобы всю работу исполнить „по-Божьему“. При такихъ условіяхъ сосѣди довольны другъ другомъ, и вода—главный источникъ ссоръ—доходитъ до всѣхъ полей, такъ что поливка полей производится въ мирѣ и согласіи.

Ванновцы первые воспользовались близкимъ сосѣдствомъ стараго селенія Высокаго и, купивъ тамъ сѣмянъ, засѣяли свои пашни „кубанкой“—лучшимъ сортомъ пшеницы. Въ теченіе весны 1893 года селеніе Высокое отпустило свыше 3.000 пудовъ кубанки на обсѣменение полей новоселамъ Чимкентскаго уѣзда и, считая по 1 р. за пудъ, на одной пшеницѣ заработало до 4000 р.

Помимо высокихъ урожаевъ, кубанка представляетъ еще ту выгоду, что является лучшимъ матеріаломъ для изготовленія тончайшей бѣлой муки. И вотъ, когда районъ воздѣлыванія этого злака измѣряется уже и теперь сотнями десятинъ, для энергичнаго предпринимателя устройство крупной мельницы въ Чимкентскомъ уѣздѣ было-бы вѣрнымъ и выгоднымъ помѣщеніемъ капитала. Но, къ сожалѣнію, легкій и быстрый способъ наживы въ Ташкентѣ привлекаетъ туда капиталы, и только когда конкуренція заставитъ капиталистовъ искать новыхъ предпріятій съ менѣе высокими дивидендами можно рассчитывать на развитіе прочныхъ дѣлъ съ хлѣбомъ въ томъ районѣ, который какъ-бы самою природою предназначенъ для производства главного предмета питанія—хлѣба. До настоящаго же времени жители Сыръ-дарьинской области довольствуются дорогой несоотвѣтствен-

но качеству мукой ауліеатинскихъ менонитовъ, а прекрасный даръ Божій, кубанка, идетъ по обыкновенной цѣнѣ на обыкновенную муку средняго качества, несмотря на всѣ свои высокія достоинства.

Въ двухъ верстахъ отъ с. Ванновскаго имѣются мѣсторожденія прекраснаго жернового камня, и крестьяне пользуются имъ не только для своихъ мельницъ,—въ селеніи ихъ уже три,—но и снабжаютъ имъ другія селенія, до которыхъ успѣла дойти слава о хорошихъ качествахъ мѣстнаго камня. А ташкентскіе мельники изъ русскихъ, по всей вѣроятности, и до сихъ поръ имъ не пользуются, а, быть можетъ, выписываютъ жернова изъ Россіи.

Обходя поля ванновцевъ, первый разъ наталкиваешься на посѣвы чечевицы и угластаго гороха—любимыхъ бобовыхъ растеній маюросса. Судя по всходамъ, оба растенія пойдутъ хорошо, равно какъ и огородныя овощи обѣщаютъ хорошіе урожаи. Бабы старательно работаютъ на огородахъ, и проповѣдникамъ о крестьянской косности было-бы весьма поучительно посмотреть на способъ обработки земли на этихъ огородахъ. Почти на каждомъ изъ нихъ вы видите кучи черной земли и песку. На преобладающемъ желтомъ грунтѣ онѣ очень рельефно обрисовываются и невольно рождаютъ вопросъ: откуда появился здѣсь

черноземъ? Оказывается, что онъ привезенъ сюда изъ развалившихся киргизскихъ зимовокъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ степи и отстоящихъ за нѣсколько верстъ отъ селенія. Этотъ перегной старательно смѣшивается съ пескомъ и прибавляется, въ зависимости отъ культивируемаго растенія, въ той или другой пропорціи къ основному грунту. При такомъ рачительномъ уходѣ даже весьма плохого качества сѣмена капусты, которыми снабдили крестьянъ ташкентскіе сѣмяноторговцы, развили роскошную листву и обѣщаютъ дать большіе вилки.

Кстати о сѣмяноторговцахъ. Желая завести хорошіе огороды, крестьяне, не смущаясь дальнимъ разстояніемъ, ѣздили для покупки сѣмянъ въ Ташкентъ, и здѣсь какой-то благодѣтель продалъ имъ залежалый товаръ. Посѣянная разсада дала едва 10% всхожести, а въ селеніяхъ Дорофеевкѣ, Чубаровкѣ и Егорьевскомъ въ разсадникахъ, гдѣ были засѣяны сѣмена капусты, взошла сурѣпа.

Проходя черезъ огороды, можно опредѣлить національность владѣльца, такъ что, пародируя извѣстную пословицу, можно здѣсь сказать: покажи мнѣ твой огородъ, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ.

Крестьянинъ среднерусскихъ губерній заботится главнымъ образомъ о количествѣ овощей. У него немного сортовъ, зато

каждаго высѣяно достаточно. У малоросса же наоборотъ: рядомъ съ капустой сидитъ лукъ, чеснокъ, красный перецъ, два—три стебля кукурузы, тутъ же вьеть свои плети огурецъ, тыква и, кромѣ того, небольшой уголокъ отведенъ подъ цвѣтникъ. Здѣсь махровая гвоздика *) прячетъ свою желтую шапку среди темныхъ цвѣтовъ василька, тамъ широко растопырилъ вѣтки крокусъ, а у корня его столпились въ кучу ноготки, обративъ къ солнцу свои оранжевые и желтые головки. Скромный любистокъ и кануперъ льютъ вокругъ себя сильный специфическій запахъ, замѣняющій чернобровымъ деревенскимъ красавицамъ тонкіе духи Аткинсона, а надъ всѣмъ этимъ, какъ бдительный часовой, высится рослый, широколистый подсолнечникъ, поворачивая за дневнымъ свѣтиломъ свой яркій косматый дискъ.

Завѣтная мечта всѣхъ новыхъ селеній — имѣть у себя со временемъ церковь. Каждое изъ нихъ лелѣетъ эту мысль, и Ванновское въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія. Но не каждое изъявляетъ такую готовность реализовать подобныя мечтанія, какъ то же Ванновское. Еще въ годъ осно-

*) Собственно не гвоздика, а tagetes. Названія цвѣтовъ мы приводить не ботаническія, а тѣ, которые приняты у малоросслъ.

ванія селенія крестьяне собрали между собой 25 рублей и купили большой образъ въ фольговой ризѣ и деревянномъ кѣтѣ. Для помѣщенія мірской святыни была выбрана лучшая изба, а для временнаго богослуженія сформированъ хоръ подъ управленіемъ мальчика, кончившаго еще на родинѣ курсъ въ сельской школѣ. Когда же администрація рѣшила выстроить ванновцамъ школу и отпустила на этотъ предметъ 600 рублей, они тотчасъ же сами пришли на помощь и приняли участіе въ постройкѣ личнымъ трудомъ. Такое содѣйствіе со стороны крестьянъ дало возможность на скудные средства выстроить очень хорошую школу съ большимъ свѣтлымъ классомъ и двумя комнатами для учителя. Въ школу сейчасъ-же были перенесены общественные образа, и въ праздничные дни она обращалась въ молитвенный домъ. На средства частнаго лица для ванновцевъ былъ отлитъ колоколъ, и надо было быть въ селеніи, чтобы видѣть и понять восторгъ толпы, когда дѣвственный воздухъ Тюлькидамскаго урочища въ первый разъ огласился звуками благовѣста. Въ тотъ же день сходъ постановилъ уже на собственные средства приобрести еще два колокола, которые въ данное время отлиты въ Ташкентскомъ арсеналѣ и скоро будутъ доставлены на мѣсто. Всѣ эти обществен-

ныя затраты понимаются міромъ, какъ необходимые расходы на требованія текущей жизни, а къ сооружеіію церкви общество стало готовиться настоящею весною. Прежде всего сельскій сходъ постановилъ взять на себя постройку дома для священника, для чего рѣшилъ выставить отъ cadaго „вѣнца“ *) по 200 штукъ кирпича, а на вкладъ въ церковную сумму произведена общественная запашка и посѣяна кубанка.

Раньше было сказано, что хоромъ ванныхъ пѣвчихъ управляетъ мальчикъ. Ему всего лишь 15 лѣтъ и живетъ онъ въ селеніи со своимъ отцомъ, — другой родни у него здѣсь нѣтъ. Не смотря на молодые годы, онъ уже стоитъ на собственныхъ ногахъ, всю недѣлю работая въ полѣ, а въ праздничные дни, мѣняя соху или косу на камертонъ или перо, служитъ міру и регентомъ, и сельскимъ писаремъ. Міръ службы его не забываетъ, и, кромѣ 3 рублей мѣсячнаго жалованья, въ большіе праздники снабжаетъ его пирогами и яйцами. При посѣщеніяхъ селенія начальствомъ, мальчика писаря выдвигаютъ на первый планъ, и тогда можно видѣть, съ какою гордостью и любовью покоятся на его лицахъ взоры всѣхъ этихъ высокогрудыхъ загорѣлыхъ труженниковъ.

*) Мужъ и жена.

Кустарная промышленность и побочные сельскохозяйственные промыслы въ Ванновскомъ пока находятся въ зачаточномъ состояніи: одинъ овчинникъ, одинъ кузнецъ, 20 ткацкихъ станковъ, два-три шерстобита. Изъ трехъ мельницъ, по устройству, только одна заслуживаетъ вниманія. Пчель пока еще совѣмъ нѣтъ, хотя условія для ихъ разведенія превосходныя. Не надо, однако, забывать, что с. Ванновское переживаетъ еще только вторую весну,—срокъ слишкомъ недостаточный даже и для того, что оно успѣло сдѣлать. Что касается до скотоводства, то хотя оно еще и не обширно, но порода скота здѣсь вся почти россійская (астраханская). Во всемъ стадѣ едва насчитывается десятковъ киргизскихъ коровенокъ. Овецъ разводятъ тоже русскихъ. Это какая то особенная порода пятирогихъ, называемая крестьянами „волошскою“. Овцы прекрасно выдержали длинный и трудный путь черезъ казалинскія и перовскія степи и, какъ видно, вполне акклиматизировались на новой родинѣ.

За Ванновскимъ, по пути въ г. Аулиеата, расположено последнее селеніе Чимкентскаго уѣзда—Высокое. Межи его надѣловъ соприкасаются съ границами Аулиеатинскаго уѣзда. Высокое основано въ 1889 г. и хотя населеніе его довольно зажиточно, но не сплоченное, что неблагоприятно отража-

ется на весь ходъ жизни селенія. Оно состоитъ изъ 130 дворовъ, растянувшихся почти на 4 версты. Часть ихъ, за неудобствомъ мѣстности, выстроилась нѣсколько отдѣльно, и этотъ выселокъ крестьяне окрестили „Оторвановкой“. Въ настоящее время въ селеніи строится церковь, а пока молитвенный домъ помѣщается въ школѣ, выстроенной на средства крестьянъ. Зданіе школы со временемъ будетъ обращено въ помѣщеніе для священника, а школу выстроить на правительственный счетъ.

Чтобы составить приблизительное понятіе о развитіи экономическаго достатка крестьянъ, достаточно будетъ указать на цифры отпуска послѣдняго года. Въ теченіе этого времени изъ селенія вывезено одной пшеницы-кубанки свыше 4000 пудовъ, на сумму 3,800 рублей, и доставлено на ташкентскій мясной рынокъ 300 штукъ откормленнаго рогатаго скота, цѣнностью свыше 9000 рублей. Очевидно, этими данными не исчерпывается доходность крестьянскаго хозяйства, такъ какъ, помимо кубанки, въ Высокомъ сѣютъ и другіе хлѣба, которые сбываются на чимкентскомъ базарѣ исподволь, небольшими партіями.

Высокое мѣстоположеніе селенія съ сильными буранами весьма неблагоприятно отражается на ростѣ древесныхъ насажденій и потому крестьянскіе садики растутъ

очень туго. Тѣмъ не менѣе, крестьяне усердно занимаются садоводствомъ и настойчиво просятъ популярныхъ руководствъ для ухода за деревьями.

Какъ и въ остальныхъ селеніяхъ, въ Высокомъ имѣется собственный недурной хоръ. Глубокое впечатлѣніе производятъ на путешественника эти деревенскіе хоры своимъ стройнымъ пѣніемъ. Эта Богъ вѣсть откуда занесенная молитва, возносясь къ безоблачному небу, какъ-то отрадно согреваетъ душу и вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ русскому человѣку гордое сознание торжества мирнаго завоеванія, еще такъ недавно страшной для европейца среднеазиатской пустыни.

Вы, господа пустые фразеры, противники крестьянской колонизаціи, придите сюда, въ эту глушь, и, если въ вашихъ жилахъ течетъ русская кровь, вамъ дорога станетъ и эта крестьянская изба, затерявшаяся среди киргизскихъ кибитокъ, и сиволапый мужикъ, несущій въ дикую орду русскую культуру. Вы поймете тогда, что мощь нашего дорогого отечества въ этомъ далекомъ краю не въ ослѣпительномъ свѣтѣ, льющемся изъ оконъ богатыхъ городскихъ магазиновъ, а въ томъ лаптѣ, который проторилъ пыльную дорогу отъ центральныхъ русскихъ губерній до Ташкента и теперь на всемъ протяженіи этого длиннаго пути

мошною грудью восхваляет Бога земли русской!...

ПИСЬМО IX.

Свернувъ въ концѣ главной улицы Чимкента вправо, выѣзжаемъ на бойкую проселочную дорогу, ведущую въ сартовскій кишлакъ Сайрамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ русское селеніе Егорьевское. Дорога тянется степью, и только у кишлака начинають попадаться пашни.

Сайрамъ древнее туземное поселеніе. Стоитъ оно на рѣкѣ Сайрамъ-су и славится какъ бойкій торговый пунктъ Чимкентскаго уѣзда. Здѣсь ведется оживленная торговля скотомъ и продуктами скотоводства; тутъ же закупается лѣсъ и сбывается достаточное количество хлѣба. Въ центрѣ кишлака расположена почтенныхъ размѣровъ площадь, которая въ базарные дни кишмя-кишитъ народомъ. Трудно сказать, сколько насчитывается въ Сайрамѣ населенія, но во всякомъ случаѣ цифра эта весьма значительна, что, между прочимъ, свидѣлствуется записями сайрамскаго фельдшера, вѣчно занятаго приѣмомъ больныхъ.

Весьма утѣшительнымъ явленіемъ служатъ эти наши амбулаторіи. Заброшенные въ глубь туземнаго населенія, со скромны-

ми средствами для борьбы съ разнообразными бичами человѣческой жизни, онѣ на всѣхъ пунктахъ энергически пропагандируютъ русскую научную медицину и ведутъ трудную работу по искорененію предрассудковъ темной, невѣжественной массы, возстановляемой противъ русскаго фельдшера туземными табибами.

О дѣятельности этихъ почтенныхъ тружениковъ (фельдперовъ) можно составить себѣ понятіе, только посѣщая медвѣжьи углы степнаго захолустья. Цыфры ихъ отчетовъ мало говорятъ читателю, который и подозревать не можетъ, какого труда требовали онѣ отъ завѣдывающаго пунктомъ, собиравшаго ихъ по единицамъ въ теченіе цѣлыхъ дней, почти безъ перерывовъ. Въ деревняхъ трудовое утро начинается очень рано, и амбулаторіи, подчиняясь законамъ деревенской жизни, открываютъ свои двери часовъ съ 6-ти. До обѣда, т. е. до 12 часовъ, идетъ офиціальный пріемъ больныхъ. Въ это время, сообразно со степенью популярности фельдшера, его осаждаютъ болѣе или менѣе значительная толпа туземцевъ. Многіе изъ нихъ являются съ пузырьками—признакъ продолжительнаго посѣщенія амбулаторіи. Другіе пришли еще только въ первый разъ; въ глазахъ ихъ свѣтится любопытство и сомнѣніе. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ у одного изъ нихъ стали появляться какіе

то прыщи. Сайрамскіе табибы *) усердно присыпали ихъ золою и мазали какой-то таинственной мазью, но прыщи, не взирая на все это, упорно держались на тѣлѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слились въ сплошную рану, день ото дня разѣдаемую ѣдкою щелочью золы. Больной давно хотѣлъ обратиться къ русскому фельдшеру, но табибъ всячески запутывалъ его, убѣждая, между прочимъ, что болѣзнь пациента главнымъ образомъ потому и затянулась, что въ душу его запало сомнѣніе въ истинности мусульманской науки и онъ прислушивается къ грѣховному нашептыванію „шайтана“, смущающаго больного обратиться къ русскому фельдшеру, лечащему Богъ знаетъ какими средствами. Но, очевидно, чаша терпѣнія переполнилась и больной, не взирая на дальнѣйшія увѣщанія въ томъ же родѣ, явился въ амбулаторію. Однако, здѣсь, въ ожиданіи пріема, въ душѣ его продолжается борьба, — а вдругъ табибъ правъ и дѣйствительно не кто иной какъ „шайтанъ“ привелъ его къ фельдшеру. Но фантазія его не успѣваетъ нарисовать всѣхъ ужасовъ послѣдствій легкомысленнаго неповиновенія табибу; какъ рана его промыта, обсыпана іодоформомъ и забинтована гигроскопической ватой. Послѣ жгучей боли, частью отъ ѣдкой золы, а

*) Туземные врачи.

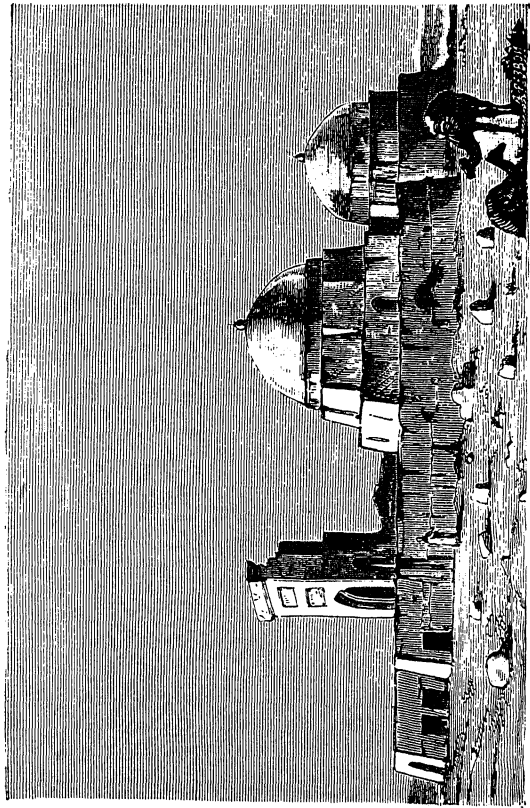
частью просто отъ грязи, рана вдругъ затихла; больной въ смущеніи и не знаетъ, какъ объяснить полученное облегченіе—превосходствомъ ли русскаго фельдшера надъ табибомъ или просто дьявольскимъ навожденіемъ. Однако, бесѣда съ завсегдатаями амбулаторіи постепенно разсѣиваетъ его сомнѣнія, и онъ покидаетъ фельдшера съ глубокимъ убѣжденіемъ, если не въ превосходствѣ науки „уруса“, то во всякомъ случаѣ въ клеветѣ табиба.

Къ 12-ти часамъ пріемъ нѣсколько ослабѣваетъ, и когда дворъ амбулаторіи опустѣетъ, въ воротахъ ея вдругъ промелькнетъ фигура въ длинномъ сѣромъ халатѣ на головѣ и съ волосяною сѣткою на физиономіи. То явилась сартянка. У нея на рукахъ ребенокъ, и собственно для этого послѣдняго она нарушила этикетъ и завѣты старины: дитя что-то стало жаловаться на животикъ; кромѣ того, кашляетъ и какъ будто-бы у него болятъ глаза. Фельдшеръ осматриваетъ малюжку и вскорѣ убѣждается, что глаза его совершенно здоровы, ни одинъ ударъ по плессиметру не обнаруживаетъ болѣзни легкихъ, а что касается живота, то ни одно изъ показаній матери не соответствуетъ симптомамъ страданія органовъ пищеваренія. Фельдшеръ вопросительно поглядываетъ на свою пациентку, и если за нимъ уже есть доля опытности,

то онъ вскорѣ соображаетъ, что дѣло не въ ребенкѣ, а въ самой матери, и все кончается къ общему благополучію. Больная осматривается, выпрашивается, получаетъ лекарства и уходитъ, убѣжденная фельдшеромъ, что онъ никому не скажетъ объ ея посѣщеніи и леченіи, а на смѣну ей является другая сартянка съ тѣми-же предосторожностями. Послѣ этого фельдшеръ идетъ по домамъ для обхода больныхъ, а, вернувшись въ амбулаторію, нерѣдко застаётъ въ ней новыхъ пациентовъ, — и такъ это продолжается до самого вечера. Въ базарные дни работы еще больше. Разумѣется, не всѣ фельдшера одинаковы. Меньше внимательные и усердные при исполненіи своихъ обязанностей имѣютъ больше свободного времени и пользуются меньшимъ успѣхомъ въ своемъ околоткѣ. Но сайрамскій фельдшеръ не даромъ любимъ туземцами: дѣла у него всегда много, а зато и знаютъ его далеко за предѣлами кишлака.

Въ Сайрамѣ, какъ и въ другихъ пунктахъ старой мусульманской острѣлости, имѣется мѣстная святыня, въ видѣ могилы, и при ней мечеть въ честь умершаго когда-то праведника. И здѣсь она также постепенно разрушается на глазахъ равнодушнаго къ своимъ памятникамъ туземца, какъ и въ прочихъ мѣстахъ всего Туркестанскаго края.

Когда посмотришь на подобный индифференцизм мусульманина къ его религіознымъ памятникамъ и проведешь параллель съ педантично точнымъ исполненіемъ пятидневныхъ намазовъ, то невольно рождается вопросъ, дѣйствительно-ли такъ великъ и глубокъ фанатизмъ нашего туземца, какимъ мы привыкли его считать, и не есть ли это медленное, при общемъ равнодушіи, разрушеніе святой старины явное свидѣтельство упадка мѣстнаго мусульманства, перешедшаго въ ту стадію своего развитія, когда исповѣдующіе его считаютъ вполне достаточнымъ для совѣсти исполненіе одной лишь обрядовой стороны религіи. Нѣтъ, кажется, ни одного народа, который не обставлялъ бы предметъ или идею своего культа наивозможнымъ благолѣшіемъ и не призывалъ-бы своего національнаго искусства прежде всего на служеніе исповѣдуемой религіи. Судя по тѣмъ величественнымъ памятникамъ, которые сохранились, напримѣръ, въ Самаркандѣ, видно, что и здѣсь пережита была эпоха высшаго подъема религіозной идеи, которая собственно и въ лучшую пору ея поддерживалась деспотизмомъ главы народа, а затѣмъ, когда тотъ же народъ былъ предоставленъ своей собственной волѣ, религіозное рвеніе его потухло настолько, что онъ даже не считаетъ святотатствомъ

Степные виды.—Мазаръ въ степи.

торговать обломками святыни *), насколько не помышляя о необходимости ея поддержки и допуская въ то же время сохранять эти остатки прошлаго величія, которые должны бы быть ему дороги, — народу чужой вѣры и національности. Хранители старины и чистоты мусульманства — мутавалии и муллы, казалось-бы, должны ревностно оберегать эти памятники, если не силою проповѣди, то доходами завѣщанныхъ виждителями вакуфовъ, а между тѣмъ много потребовалось усилій, чтобы наложить руку хоть на часть этихъ доходовъ, обративъ ихъ на ремонтъ самаркандскихъ мечетей въ интересахъ сохраненія послѣднихъ.

Но насколько индифферентенъ туземецъ къ сохраненію религіозныхъ памятниковъ, требующему отъ него матеріальныхъ затратъ, настолько свято и ненарушимо хранить онъ предметы поклоненія, созданные природой. Почти при каждой мечети, а то и просто въ степи, имѣется много священныхъ деревьевъ, вѣтки которыхъ перевязаны тряпочками всевозможныхъ цвѣтовъ, оставленными въ видѣ жертвы молящимися правовѣрными. Въ этомъ обычаѣ нельзя не видѣть остатка того языческаго культа, когда предметомъ поклоненія была природа, и по силѣ устойчивости обычая нельзя

*) Какъ это практикуется въ Самаркандѣ.

не заключить о слабомъ знакомствѣ съброй толпы туземцевъ съ основными положеніями мусульманства, недопускающаго никакихъ вещественныхъ олицетвореній Высшаго Существа. Взирая на эти священныя рощи, невольно переносишься мыслію въ ту библейскую эпоху, когда колѣно Леви-тово энергично боролось съ идолопоклонствомъ и немилосердно уничтожало священные лѣса Ваала.

На границѣ полевыхъ надѣловъ егорьевцевъ имѣется два такихъ дерева, и насколько они священны для туземцевъ, настолько памятны для егорьевцевъ: подъ тѣнистыми ихъ шапками разрѣшились дракою натянутыя отношенія двухъ національностей изъ-за границы земельныхъ владѣній, причемъ въ дракѣ этой одинъ изъ борцовъ былъ ушибленъ на-смерть. Последнее обстоятельство такъ поразило ссорившихся, что съ этого момента, безъ всякаго посторонняго вліянія, вражда прекратилась сама собою и непріязнь смѣнилась дружбою.

Селеніе Егорьевское состоитъ изъ 100 дворовъ. При водвореніи здѣсь крестьяне получили на все селеніе казеннаго пособія 2432 р. Пользуясь на мѣстѣ собранными статистическими данными, интересно будетъ прослѣдить, какъ сумѣли крестьяне воспользоваться казенною помощію и насколько пошла она имъ въпрокъ.

Въ настоящее время, т. е. черезъ годъ послѣ водворенія, крестьяне выстроили 93 избы. Стоимость каждой изъ нихъ, при самой скромной оцѣнкѣ, которую въ данномъ случаѣ съ умысломъ допускаю, нельзя считать ниже 50 рублей. На все село имѣется 69 лошадей, 102 вола, 60 коровъ, 6 верблюдовъ и 61 голова молодого рогатаго скота. Руководствуясь справочными цѣнами Чимкентскаго уѣзда, стоимость каждого рода животныхъ выразится формулами:

Стоимость лошадей	=	69×35	=	1725	р.
— воловъ	=	102×20	=	2040	—
— коровъ	=	60×15	=	900	—
— верблюдовъ	=	6×40	=	240	—
— мол. рог. скота	=	61×5	=	305	—
Итого . . . 5,210 р.					

Прибавивъ къ этому числу стоимость избы (4650 р.), получимъ общую сумму реализаціи крестьянскаго имущества, которая выразится числомъ 9,860 рублей. Вычитая отсюда казенное пособіе, получаемъ разницу въ 7,428 р. Это—избытокъ, внесенный въ хозяйство селенія личнымъ трудомъ тѣхъ самыхъ переселенцевъ, которыхъ воины обвиняютъ въ лѣности и распущенности. Если принять во вниманіе, что въ общемъ каждый дворъ получилъ казеннаго пособія всего лишь по 24 р. 32 к. и что всѣ егорьевцы явились къ намъ въ

сямомъ печальномъ видѣ, — невольно задумаешься надъ предприимчивостью крестьянина, сумѣвшаго на эту мизерную сумму прокормить себя и такъ помѣстить свой капиталъ, что уже черезъ годъ съ небольшимъ онъ далъ доходъ, превысившій оборотный капиталъ болѣе чѣмъ вътрое.

Нѣтъ сомнѣнія, что выводъ этотъ не даетъ никакихъ основаній для расчетовъ на будущее. Такой доходъ можно получить только при неимоверномъ трудѣ, вызванномъ необходимостью устроить себя на новомъ мѣстѣ. Отъ такой чрезмѣрной затраты физической силы, въ видахъ простаго самосохраненія, крестьянинъ долженъ отказаться въ будущемъ, но приведенныя числа важны въ томъ отношеніи, что они, такъ сказать, суммируютъ ту крестьянскую энергію, которая плыветъ къ намъ въ видѣ переселенцевъ и которая становится основой нашей національной силы и крѣпости во вновь завоеванномъ краѣ.

Подробные расчеты со столь же благоприятными результатами можно было бы привести по каждому вновь устроенному селенію, но, придавъ своимъ очеркамъ полубеллетристическій характеръ, я не рѣшаюсь злоупотреблять вниманіемъ читателя и, насколько это окажется возможнымъ, стараюсь воздерживаться отъ статистики, отсылая желающихъ поближе познакомиться

съ тѣмъ, что говорятъ цифры,—къ III-му тому „Трудовъ Сыръ-дарьинскаго Статистическаго Комитета“ и къ моей статьѣ „Голодъ и колонизація“.

Выведенная выше сумма крестьянскаго труда въ селеніи Егорьевскомъ полна интереса и заслуживаетъ того, чтобы разобратъ, изъ какихъ элементовъ она составила? Анализируя природу ея слагаемыхъ, становится яснымъ прежде всего, что главнымъ условіемъ образованія ихъ является многочисленность членовъ крестьянской семьи, позволяющая главѣ ея дѣйствовать также, какъ современному фабриканту-капиталисту, т. е. вводить въ процессъ накопленія богатства принципъ раздѣленія труда. Получивъ надѣлъ и присмотрѣвшись къ окружающимъ условіямъ, глава семьи соображаетъ, какъ онъ долженъ раздѣлить имѣющійся въ его распоряженіи запасъ рабочей силы, чтобы, во-первыхъ, прежде всего сдѣлать посѣвъ хлѣба, во-вторыхъ, выстроить избу и, въ-третьихъ, обзавестись скотомъ. Для небольшого на первое время посѣва вполне достаточно его собственной рабочей силы. Возведеніе избы требуетъ уже помощи физической для подготовки строительнаго матеріала—кирпичей, и денежной для покупки лѣса и домашней утвари. Но, кромѣ этого, необходимы еще средства для

прокормленія семьи до слѣдующаго урожая и специальное лицо, которое бы завѣдывало продовольствіемъ работающихъ. Сообразно съ перечисленными условіями, глава семьи и распредѣляетъ всѣ имѣющіяся у него средства. Самое трудное—добыть деньги. И вотъ семья выдѣляетъ изъ своего состава часть работниковъ и отправляетъ ихъ въ города. При этомъ выдѣленіи имѣется въ виду главнымъ образомъ избавить семью отъ менѣе полезныхъ членовъ, а потому прежде всего продается трудъ подростковы-дѣвочекъ и мальчиковъ. На первыхъ всегда стоитъ значительный спросъ у горожанъ, нуждающихся въ нянькахъ. Если въ семьѣ имѣется, кромѣ главы, нѣсколько женатыхъ членовъ, то вслѣдъ за подростками въ городъ отправляются, въ качествѣ взрослыхъ работниковъ, мужья, а дома съ отцомъ остается жена его и невѣстки. Первая ведетъ продовольственную часть хозяйства, а отецъ и невѣстки сѣютъ хлѣбъ и строятъ избу. Продавать трудъ невѣстокъ для семьи невыгодно и неудобно. Имѣя въ большинствѣ случаевъ грудныхъ дѣтей, онѣ съ трудомъ отыскиваютъ мѣста, при этомъ цѣна на ихъ трудъ понижается. Дома же присутствіе ихъ не замѣнимо. Изготовление сырцоваго кирпича, при удобствахъ ирригаціи, разводящей по всѣмъ усадьбамъ любое количество воды, настоль-

ко просто и легко, что съ этимъ трудомъ свободно справляются женщины. Распредѣливъ подобнымъ образомъ запасъ рабочей силы семьи, глава ея приступаетъ къ посяву, а затѣмъ и къ постройкѣ избы. Часть казеннаго пособія идетъ на покупку хлѣба для ѣды, а на другую часть приобретаются лошади или пара воловъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ крестьянинъ сходится съ киргизомъ и покупаетъ скотъ на условіи срочныхъ уплатъ.

Съ момента появленія въ городѣ переселенца, продающаго свой трудъ, начинается та рознь и неудовольствіе, которыя ложатся въ основу страстныхъ обличеній переселенца во всевозможныхъ отрицательныхъ качествахъ, которыя не скупится ему приписывать городской работодатель. По близорукости своей, онъ не видитъ, что крестьянинъ принесъ на рынокъ свою мускульную силу не какъ рабочей профессионалистъ, а съ исключительною цѣлью заработать какъ можно скорѣе и какъ можно больше тѣхъ самыхъ денегъ, которыхъ ждетъ отъ него семья для устройства хозяйства. Онъ нисколько не заинтересованъ въ созданіи для себя репутаціи преданнаго хозяину работника, а тѣмъ болѣе ему не приходится въ голову заботиться объ установленіи благоприятнаго общественнаго мнѣнія о переселенцахъ. Сегодня его наняли за 8 рублей

въ мѣсяцъ и онъ работаетъ скорѣе и лучше туземца, но лишь до тѣхъ поръ, пока не услышитъ о мѣстѣ съ болѣе высокимъ гонораромъ. Тогда онъ оставляетъ перваго хозяина и переходитъ ко второму, а какъ только ему изъ дому напишутъ, что изба уже готова и надо приступать къ обработкѣ поля подъ озимь,—никакая сила не удержитъ его въ городѣ, и онъ спѣшитъ къ землѣ, его единственной прочной привязанности, съ которой у него установилась связь не внѣшняя, денежная, а внутренняя, духовная, какъ у профессора съ наукой, у адвоката съ судомъ, у художника съ кистью, у музыканта съ инструментомъ. Частая переменъ мѣстъ и постоянное, настойчивое стремленіе переселенца, увлекаемого „властью земли“, въ деревню, понятно, раздражаютъ работодателя, который, глядя на вещи съ эгоистической точки зрѣнія интересовъ хозяина, игнорируетъ интересы рабочаго и считаетъ себя обиженнымъ, а нанимающагося переселенца распущеннымъ лѣнтяемъ. А между тѣмъ оба они правы, по пословицѣ: „рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше“. Во все время пребыванія членовъ переселенческихъ семействъ въ г. Ташкентѣ ими поддерживаются оживленныя сношенія съ домашними, оставшимися въ поселкахъ, и Чимкентская почтово-телеграфная контора

бываетъ въ это время обременена мелкою денежною корреспонденціей на имя крестьянъ окрестныхъ селеній отъ ихъ родственниковъ, зарабатывающихъ деньги въ Ташкентѣ.

Оставшійся въ усадьбѣ глава семьи и самъ не упускаетъ случая заработать копѣйку. Средствомъ къ этому ему служить извозный промыселъ. Въ промежуткахъ свободнаго времени, при кладкѣ избы или при полевыхъ работахъ, онъ сейчасъ же ѣдетъ въ мѣсто вѣчно дешеваго хлѣба, г. Аулие-ата, покупаетъ тамъ муку и везетъ ее въ Чимкентъ, гдѣ и продаетъ съ выгодой, остающаеся ему въ видѣ вознагражденія за провозъ. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ крестьянинъ продаетъ только то количество муки, которое возвращаетъ ему затраченный капиталъ; остальную-же часть, —свой чистый барышъ—онъ везетъ въ селеніе для продовольствія собственной семьи. Въ текущемъ году, кромѣ подобныхъ средствъ заработка, явился въ видѣ хорошаго подспорья заработокъ отъ казеннаго подряда на перевозку телеграфныхъ столбовъ изъ Сайрама по станціямъ почтоваго тракта въ предѣлахъ Чимкентскаго уѣзда.

Вотъ въ короткихъ словахъ тотъ сложный механизмъ экономической жизни новосела, который разрѣшаетъ ему трудную задачу, какъ встать на собственные ноги

въ чужомъ краю на грошовое въ сущности казенное пособіе.

Такимъ образомъ сумма накопленія богатства егорьевскихъ крестьянъ образуется изъ трехъ слагаемыхъ: 1) личный трудъ на усадьбѣ и надѣлѣ, 2) продажа избытка труда на ташкентскомъ рабочемъ рынкѣ*) и 3) доходъ отъ мѣстныхъ промысловъ. Нелишнее будетъ оговориться, что это—общая только схема устройства хозяйства новосела, а каждая семья на разные лады варьируетъ мелкія детали выполненія подобнаго плана. Такъ, на примѣръ, въ селеніи Егорьевскомъ есть нѣсколько мордовскихъ семействъ, занимающихся вязаніемъ изъ козьяго пуха такъ называемыхъ оренбургскихъ платковъ. Этотъ кустарный промыселъ даетъ новую доходную статью. Платки сбываются въ Ташкентѣ по цѣнѣ отъ 4 до 18 рублей за штуку. Кромѣ платковъ, здѣсь занимаются еще вязаньемъ бумажныхъ скатертей. Пока платковый промыселъ развивается туго и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе необходимости, за неимѣніемъ собственныхъ козь, покупать пухъ у киргиза, который не позволяя вычесывать своихъ козь, какъ то обыкновенно принято, продаетъ крестьянамъ козью шерсть, изъ которой тѣ уже

*) Говорю Ташкентскомъ, потому что онъ главный, но въ Чимкентѣ также имѣется спросъ на крестьянскій трудъ, хотя и въ слабой степени.

выбираютъ пухъ. Такой способъ получения сырья, кромѣ кропотливости, даетъ матеріалъ низкаго качества, и мѣстные мастерицы съ нетерпѣніемъ ждутъ того времени, когда будутъ имѣть собственныхъ животныхъ,—и время это не за горами.

Угодья егорьевцевъ такъ хороши, что скотоводство, безъ сомнѣнія, розовѣется здѣсь очень быстро. Селеніе расположено въ предгорьяхъ Алатау, и горная растительность въ избыткѣ обезпечиваетъ потребность въ кормѣ для скота. Можно ожидать со временемъ развитія здѣсь сыроваренія. По крайней мѣрѣ этого настоячиво желаешь, когда пьешь особенно вкусное молоко егорьевскихъ коровъ, отдающее специфическимъ пріятнымъ запахомъ горныхъ травъ, о которыхъ такъ восторженно отзываются путешественники по Швейцаріи.

Кромѣ платочницъ, въ Егорьевскомъ имѣется нѣсколько портныхъ и сапожниковъ, которые въ зимнее время ходятъ по селамъ и работаютъ по найму. Средній заработка въ теченіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ колеблется между 25 и 30 рублями. Работаютъ поштучно; за шитье пары сапоговъ берутъ 45—50 коп., шубы отъ 1 р. до 1 р. 20 коп., при хозяйскихъ харчахъ. Каждый изъ нихъ мечтаетъ со временемъ заняться изготовленіемъ платья и обуви дома и потомъ уже вывозить товаръ

на базаръ, но врядъ-ли возможно будетъ осуществить вскорѣ подобныя надежды, такъ какъ, во-первыхъ, современный сапожникъ или портной не имѣетъ средствъ для веденія дѣла за свой счетъ, а, во-вторыхъ, въ области нѣтъ еще сельскихъ ярмарокъ, а, значитъ, и тѣхъ скупщиковъ, которые въ Россіи поддерживаютъ подобныхъ кустарей.

Какъ пзвѣстно, въ отношеніи устройства сельско-хозяйственного быта нашихъ туркестанскихъ переселенцевъ, проявляется много энергіи и заботливости и въ настоящее время, когда земледѣльческая промышленность крестьянъ приняла болѣе или менѣе правильное теченіе, настала пора, по крайней мѣрѣ въ старыхъ селеніяхъ, обратить вниманіе на развитіе кустарной промышленности. Въ этой области народнаго труда открывается широкое поле дѣятельности для будущаго инициатора: нива уготована, ждетъ сѣятеля и обѣщаетъ богатую жатву.

А Верстахъ въ 15 выючнаго пути черезъ горы отъ селенія Егорьевскаго лежитъ другое пригородное селеніе Чимкентскаго уѣзда, Дорофеевка, отстоящее отъ уѣзднаго города также въ 30 верстахъ и связанное съ нимъ проселочною дорогою. Оба эти селенія основаны одновременно, только въ составъ 106 дворовъ Дорофеевки вошло больше перекатной голи и потому оно менѣ

устроено и крестьяне еще нуждались въ казенной помощи зимою текущаго года. Въ настоящее время *) численность рогатаго скота дороевцевъ опредѣляется цифрами: 168 воловъ, 66 коровъ, 53 штуки мелкаго скота; кромѣ того, имѣется 41 лошадь и 70 овецъ, изъ которыхъ 20 русской породы. Предпочтеніе воловъ лошадямъ объясняется преобладаніемъ въ селеніи малороссовъ: на 106 семействъ ихъ приходится 72, т. е. 67%.

Дороевцы для поѣздокъ въ Ташкентъ проложили прямую дорогу черезъ горы, выѣзжая на почтовый трактъ близъ станціи Бекляръ-бекъ. Весь этотъ путь равняется 85 верстамъ.

Для всѣхъ новоселовъ на первое время особенно тяжелою общественною обязанностью является служба старостою или сотскимъ. Помимо того, что эти должностныя лица обязаны безотлучно находиться въ деревнѣ, а, значить, и лишиться возможности заработка на сторонѣ, разношерстый „міръ“ доѣзжаетъ ихъ разными неурядицами и дѣлаетъ службу весьма тяжелою въ отношеніи душевнаго спокойствія. Чтобы равномернѣе раздѣлить подобную тяготу, дороевцы избрали только старосту; обязанности-же сотскаго понедѣльно несутъ всѣ

*) Май мѣсяцъ 1893 г.

домохозяйства по-очередно, и это, кажется, единственное на Руси селеніе, практикующее подобный способ отправленія общественной службы.

Параллельно селенію тянется стѣною Алатавскій хребетъ. Вычурные вырѣзы его вершинъ красиво оттѣняются голубымъ небомъ. Къ вечеру на „грудь великановъ“ сползаются облачка и тогда золотые лучи заката придаютъ виду картинный характеръ.

Въ горныхъ ущельяхъ водятся дикія свиньи и дикобразы, и дорофеевцы въ теченіе всей зимы не даютъ отдыха казеннымъ винтовкамъ.

ПИСЬМО X.

6 іюля 1864 года полковникъ Черняевъ для предупрежденія дальнѣйшаго движенія кокандскихъ скопищъ и для прикрытія кочевыхъ, принявшихъ русское подданство, киргизъ, рѣшилъ занять г. Чимкентъ, для чего и выступилъ къ нему со стороны гор. Аулиеата. Чтобы обезпечить успѣхъ своего предпріятія, онъ просилъ начальника Сыр-дарьинской линіи выслать отрядъ къ тому же пункту изъ г. Туркестана. Желаніе Черняева было исполнено, и 13 іюля, подъ начальствомъ капитана Мейера, отрядъ въ 405 человекъ перешелъ р. Арысь и направился къ г. Чимкенту. На второмъ переходѣ отъ рѣки отрядъ этотъ подошелъ къ урочищу Акъ-Булакъ и расположился здѣсь

на ночлегъ. Позиція избраннаго мѣста имѣла много недостатковъ. Находясь въ котловинѣ, мѣсто это подчинялось окружающимъ его высотамъ; единственнымъ хорошимъ качествомъ его можно было считать изобиліе превосходной воды изъ Акъ-Булакскаго ключа, протекавшаго по лагерю нашего отряда. Надо думать, капитанъ Мейеръ не предполагалъ встрѣтиться здѣсь съ непріателемъ, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ не выбралъ бы для ночлега своего отряда такой невыгодной позиціи. Между тѣмъ, часовъ въ 8 утра слѣдующаго дня громадныя скопища кокандцевъ со всѣхъ сторонъ обложили нашъ отрядъ и густыми конными и пѣшими толпами стали спускаться съ высотъ, осыпая горсть нашихъ солдатъ фальконетнымъ и ружейнымъ огнемъ. Въ отрядѣ стали энергично готовиться къ оборонѣ. Изъ тяжестей и провіанта устроили прикрытіе, по угламъ разставили орудія и сейчасъ же открыли огонь по наступающему непріателю. Первый натискъ былъ отбитъ, но кокандцы, воспользовавшись неровностями мѣстности, залегли въ нихъ и наносили отряду значительный уронъ ожесточеннымъ ружейнымъ огнемъ. Команда охотниковъ сдѣлала вылазку и штыками выбила стрѣлковъ изъ занятой позиціи. Непріатель отступилъ, но тотчасъ же выдвинулъ на занятія имъ вы-

соты три орудія и сталь обстрѣливать нашъ отрядъ. Начальствовали надъ кокандцами извѣстные Алимкулъ и Минбай. Отрядъ, не располагая большимъ запасомъ снарядовъ и поставленный условіями позиціи въ безвыходное положеніе, принужденъ былъ лишь слабо отвѣчать на непріятельскій огонь, сохраняя силы на случай повторенія атаки. Къ вечеру непріятельскія орудія замолкли, а раннимъ утромъ 15 іюля непріятель повторилъ атаку. Хотя стремительный натискъ кокандцевъ былъ вторично отбитъ на всѣхъ пунктахъ и въ рукахъ нашихъ храбрецовъ, въ видѣ трофея, осталось непріятельское знамя, тѣмъ не менѣе положеніе отряда ухудшилось: снаряды были на исходѣ; подъ вліяніемъ нестерпимой жары, неубранные трупы людей и животныхъ, разлагаясь, отравляли атмосферу и, наконецъ, къ увеличенію несчастья, попало нечаянно, а, можетъ быть, и съ умысломъ было подложено въ русло ключа нѣскольکو труповъ, и вода стала негодною для питья. Тогда командиръ отряда вступилъ въ переговоры съ Алимкуломъ, и въ ночь съ 15 на 16 іюля началъ отступление. Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе объ этомъ боѣ, достаточно сказать, что, при всей экономіи, нашъ отрядъ выпустилъ 210 артиллерійскихъ снарядовъ

и 25,000 ружейныхъ патроновъ ¹⁾. Въ то же самое время полковникъ Черняевъ, двигаясь къ Чимкенту по аулиеатинской дорогѣ, подошелъ къ урочищу Яскичу (нынѣ селеніе Корниловка) и, только теперь узнавъ о мизерной численности отряда Мейера, не смущаясь июльской жарой, форсированнымъ маршемъ двинулся для соединенія съ послѣднимъ. Въ ночь на 15-е іюля аулиеатинскій отрядъ узналъ о тяжеломъ положеніи Мейера, и полковникъ Черняевъ приказалъ сейчасъ же сотнѣ Катанаева идти на-рысяхъ выручать погибающихъ товарищей. Близъ нынѣшней почтовой станціи Бурджаръ Катанаевъ былъ атакованъ непріателемъ; тѣмъ не менѣе послѣдній началъ отступленіе къ Чимкенту, заслышавъ о появленіи въ степи полковника Черняева. Капитанъ же Мейеръ, пользуясь замѣшательствомъ въ полчищахъ ²⁾ кокандцевъ, вернулся на прежнюю позицію и, соединившись съ сотникомъ Катанаевымъ, пошелъ навстрѣчу Черняеву, потерявъ за три дня боя 202 человѣка.

Вотъ тутъ-то, въ 20-ти верстахъ отъ Чимкента, гдѣ нашли себѣ могилу 202 храбреца славныхъ туркестанскихъ войскъ, въ

¹⁾ Донесеніе капитана Мейера 17-іюля 1864 года № 60.

²⁾ По донесенію Мейера, ихъ было 10,000 человѣкъ, а по свидѣтельству Алимкула 12,000.

видѣ живаго памятника ихъ героическому подвигу, устроено теперь русское селеніе Вревское. Усадьбы его, числомъ 28 дворовъ, разбиты весною 1893 года и населены почти исключительно крестьянами Харьковской губ. ¹⁾).

Мотивъ ихъ переселенія—неудачное отысканіе своихъ правъ на полевые надѣлы въ родномъ селѣ. Послѣднее нѣкогда составляло собственность помѣщика и послѣ цѣлаго ряда переуступокъ попало, наконецъ, въ руки одного изъ представителей новаго типа землевладѣльцевъ, господъ Подъугольниковыхъ²⁾), который, воспользовавшись какой-то бумажной недомолвкой, захватилъ крестьянскій надѣлъ и объявилъ себя его собственникомъ. Крестьяне возбудили судебный искъ, и началось долготное странствованіе ходаковъ изъ деревни въ губернію и обратно. Неразборчивый на средства и въ то же время припертый къ стѣнѣ однимъ присяжнымъ повѣреннымъ, Подъугольниковъ обвинилъ ходаковъ въ принадлежности къ какой-то новой сектѣ, „нашедшей новаго бога“. Введенная въ заблужденіе навѣтами Подъугольникова мѣстная власть заключила крестьянъ подъ стражу и, только благодаря вмѣшательству въ эту гнусную исторію свѣтлой личности харь-

1) Изъ 28 дворовъ 20 харьковцевъ.

2) См. соч. С. Атавы „Освудніе“.

ковского губернатора Искуль-фонъ-Гильдебрандта, восторжествовала истина и дѣло съ Подзугольниковымъ получило правильное теченіе. Однако, утомленные долгими перепитіями интриги крестьяне не дождались окончанія иска и въ числѣ 20-ти дворовъ пошли искать счастья въ Сырь-дарьинскую область, о которой имъ много писали ихъ односельцы, еще раньше переселившіеся въ Туркестанскій край.

При водвореніи въ селеніи Вревскомъ, крестьяне имѣли 27 лошадей, 8 паръ быковъ и 5 коровъ и, въ видѣ пособія, получили 200 пудовъ сѣмянъ кубанки для посѣва. На денежное же пособіе обзавелись плугами, предложенными на льготныхъ условіяхъ фирмою „Работникъ“. Здѣсь кстати будетъ сказать, что почти всѣ сельско-хозяйственныя орудія, пріобрѣтенныя у „Работника“, обладаютъ весьма плохимъ качествомъ деревянныхъ частей, что способствуетъ ихъ скорому изнашиванію. Такъ, напримѣръ, тѣ-же крестьяне селенія Вревскаго черезъ мѣсяцъ работы плугами „Работника“ принуждены были во всѣхъ плугахъ замѣнить чапыги ¹⁾ новыми, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и градили. По внимательномъ осмотрѣ изношенныхъ чапыгъ, оказалось, что онѣ были сдѣланы изъ сучковатой сосны. При этомъ многіе сучки вывалились, а

¹⁾ Ручьи плуга.

оставленные ими дыры заполнены шпаклевкой и сверху тщательнымъ образомъ окрашены краской. Очевидно, что при первомъ нажимѣ такія ручки должны сломаться. Градили хотя и сдѣланы изъ лучшаго дерева, но въ той части ихъ, которая находится надъ лемехомъ, очень тонки, между тѣмъ какъ именно здѣсь градили имѣтъ нѣсколько сквозныхъ отверстій для рѣзака (чересло), столпы и цимири. Поэтому эта часть плуга также не выдерживаетъ сопротивления и также часто ломается.

Крестьяне селенія Вревскаго, получивъ усадьбы, не получили строго обмежеванныхъ надѣловъ. Эта работа была оставлена до лѣта, когда долженъ былъ начать работы въ уѣздѣ землемѣръ. Чтобы избѣжаться отъ непріятностей въ будущемъ, они вызвали сосѣднихъ киргизъ и полюбовно раздѣлили землю подъ весенній посѣвъ. Тутъ произошло небольшое недоразумѣніе. Желая придать себѣ болѣе вѣса, киргизы явились на мѣсто съ товарищами, украшенными георгіевскими крестами. Крестьяне, не допуская мысли, чтобы „басурманъ“ могъ носить кресты, сочли пріѣхавшихъ кавалеровъ самозванцами и потребовали, чтобы они немедленно же сняли знаки отличія военнаго ордена, намѣреваясь представить послѣднее по начальству. Киргизы обидѣлись и запротестовали. Пошли спо-

ры, а съ ними вмѣстѣ и догадки, откуда могъ взять киргизъ православный крестъ, какъ не изъ могилы павшихъ въ бою русскихъ солдатъ. Очевидно, что при такомъ оборотѣ дѣла земельный раздѣлъ отошелъ на задній планъ и спорщики рѣшили отправиться въ городъ для выясненія возникшаго недоразумѣнія. Здѣсь имъ объяснили, что эти киргизы дѣйствительно кавалеры и награждены крестами за храбрость, выказанную ими въ бою съ кокандцами, когда они, въ качествѣ джигитовъ, служили въ русскихъ отрядахъ. Только послѣ этого успокоенные крестьяне вмѣстѣ съ киргизами вернулись назадъ и приступили къ работѣ. Сѣяли они исключительно пшеницу и огородныя овощи. Похъ первую запахали до 30 десятинъ, изъ нихъ до 25 десятинъ обработано подъ кубанку. На огородахъ нѣкоторые хотя и посѣяли ячмень, но очень мало, такъ какъ культура этого злака обходится очень дорого, требуя затраты большихъ силъ на окарауливаніе отъ нападенія воробьевъ.

Съ развитіемъ земледѣльческой культуры, почти въ каждой странѣ народился свой собственный бичъ для земледѣльца, въ большей или меньшей мѣрѣ его обездоливающей. Австраліецъ жалуется на кроликовъ, кото-

рые, благодаря неимоверной плодовитости*), въ теченіе 30-ти лѣтъ такъ размножились, что въ настоящее время „кроличій вопросъ“ въ Австраліи является роковымъ для ея земледѣлія. Югъ и юго-востокъ Европейской Россіи постоянно жалуются на сусликовъ. Въ Греціи еще недавно, въ долинѣ Лариссы, составляющей житницу страны, жители были принуждены почти оставить земледѣліе, такъ какъ не могли справиться съ полевыми мышами, буквально заповившими хлѣбныя поля. Для земледѣльца же Чимкентскаго уѣзда такимъ точно бичемъ является воробей. Нестерпимый лѣтній зной заставляетъ здѣшняго земледѣльца обсаживать хутора деревьями. Къ тому же побуждаетъ его стремленіе закрѣпить берега арыковъ, а если ко всему этому еще прибавить священные рощи мусульманъ, то можно видѣть, какую площадь для «колонизаціи» владѣетъ эта вороватая птица. И надо отдать ей справедливость, она умѣетъ утилизировать пространство, устраивая на одномъ деревѣ безчисленное множество гнѣздъ. Для опыта нами были сняты гнѣзда съ одного средней величины тополя до $\frac{3}{4}$ его вышины. Кромѣ маленькихъ птенцовъ, въ гнѣздахъ оказалось 500 штукъ

*) Самка приноситъ до 6 дѣтенышей, имѣя отъ 9 до 10 рожденій въ годъ. живетъ до 9 лѣтъ, производитъ въ среднемъ до 400 особей въ теченіе жизни.

яйцъ! По этой цифрѣ можно судить о размѣрахъ арміи хищниковъ, претендующихъ на трудъ чимкентскаго пахаря. Въ теченіе дня, опасаясь когтей заклатаго своего врага, коршуна, миллионы воробьевъ прячутся подъ древесною листвою; съ наступленіемъ же вечера и раннимъ утромъ они съ ожесточеніемъ нападаютъ на ячменные поля, угрожая имъ полнымъ опустошеніемъ.

Проѣзжающаго первый разъ по полямъ, культивированнымъ подъ ячмень, невольно поражаетъ своеобразная картина самаго поля и кипящей на немъ жизни. На зеленомъ фонѣ темной листвы ячменя очень рельефно выдѣляются небольшіе черные островки. Одни изъ нихъ прикрыты камышевыми зонтами, укрѣпленными на высокихъ палкахъ, другіе зонтовъ не имѣютъ. На гладко утрамбованныхъ отъ постоянного хожденія площадкахъ этихъ островковъ лежатъ кучи земляныхъ пулъ, приготовленныхъ изъ грязи. Путникъ недоумѣваетъ: къ чему хозяину поля понадобилось поступиться сравнительно значительною площадью посѣва въ пользу этихъ островковъ, густо разбросанныхъ по нивѣ. Но палящее солнце обезлюдило степь: кругомъ не видно ни души, — все попряталось въ тѣнь. Кое-гдѣ по курганчамъ, на берегу арыка, подъ деревьями видны предающіяся *dolce far niente* отдѣльныя группы киргизъ. Надъ ихъ головами,

въ древесной листьѣ, непрестанно чиликаютъ воробьи, и, взглянувъ на эту мирную картину, можно только порадоваться той идилли, которая связываетъ дружбой отдыхающаго человѣка и развлекающаго его своей веселой пѣсней воробья. Но вотъ жаръ свалилъ. Раскаленный дискъ солнца склонился къ закату, и со всѣхъ этихъ курганчей потянулись къ ячменнымъ полямъ киргизы, киргизки и даже маленькія дѣти. Всѣ удивлявшіе насъ ранѣе островки превращаются въ оригинальные пьедесталы для живыхъ статуй. Люди, лѣзущіе на эти холмики, очевидно къ чему-то приготавливаются. Не успѣли еще хозяева поля занять свои позиціи, какъ изъ тѣхъ же курганчей поднялась туча воробьевъ, за ней другая, третья, десятая, двадцатая,—и такъ до безконечности. Безмолвная степь сразу огласилась людскимъ крикомъ. Въ воздухѣ по разнымъ направленіямъ летятъ тысячи земляныхъ пуль, каждый разъ при паденіи на землю вспугивающихъ сотни пернатыхъ воровъ. Каждый островокъ превратился въ своеобразную артиллерійскую батарею и мирное днемъ поле обратилось въ арену ожесточенной борьбы человѣка съ птицею. Отъ криковъ стоитъ кругомъ стонъ. Но вороватый, слишкомъ храбрый для своего роста, воробей мало обращаетъ на это вниманія и, ловко лавируя между пулями, смѣ-

ется надъ киргизской пращей, поспѣшно набивая зобъ свой ячменными зернами. Такъ продолжается до поздняго вечера и повторяется раннимъ утромъ слѣдующаго дня до самой жатвы хлѣба. Въ промежуткахъ борьбы птица отдыхаетъ на вѣткахъ деревьевъ, а человѣкъ готовитъ подъ тѣмъ же деревомъ пулю для птицы...

При подобныхъ условіяхъ воздѣлыванія ячменя, крестьянинъ не рѣшается культивировать этотъ злакъ, а потому среди пашенъ русскихъ селеній ячменные поля попадаются рѣдко. Если принять во вниманіе, что такой порядокъ ухода за посѣвами ячменя, джугары и проса практикуется почти на всей территоріи Туркестанскаго края, — съ другой стороны, что всѣ эти хлѣба крайне необходимы для населенія и, наконецъ, съ третьей, что воробей кое-гдѣ, за неимѣніемъ ячменя, уже успѣлъ приспособить свой желудокъ къ питанію пшеницей, то станетъ яснымъ, насколько опасенъ этотъ бичъ для будущаго существованія мѣстнаго сельскаго хозяйства и сколько намъ необходимо проявить энергіи сейчасъ-же, чтобы остаться хозяевами нашихъ тучныхъ лѣсозыхъ пашенъ, а не вѣчными данниками прожорливой птицы. Я нисколько не буду удивленъ, если многіе изъ читающихъ эти строки наградятъ меня за нихъ снисходительной

улыбкой. Воробей слишком ничтожная тварь сравнительно съ „вѣнцомъ природы“, чтобы придавать ему особенное значеніе, но жукъ „кузька“ былъ еще ничтожнѣе, а между тѣмъ отъ него стономъ стонали земледѣльцы всѣхъ южныхъ губерній Россіи. Кто бывалъ въ степи, тотъ твердо вѣрить въ необходимость борьбы съ воробьемъ, и чѣмъ скорѣе она начнется, тѣмъ дешевле обойдется земледѣльческому населенію нашихъ степныхъ уѣздовъ.

Отъ селенія Вревскаго до почтоваго тракта, а, значитъ, и до станціи, Бурджаръ также 20 верстъ, какъ и до Чимкента. Дорога не представляетъ собою ничего интереснаго. Между Бурджаромъ и станціей Арысь, верстахъ въ трехъ отъ послѣдней, лежитъ тоже новое селеніе, Чубаровка. Оно состоитъ изъ 23 дворовъ, поселенныхъ здѣсь весною 1892 года. Переживъ холеру и добравшись до мѣста лишь поздней весною, обезсиленные чубаровцы на первый годъ могли посѣять только одни бахчи и до весны 93 года перебивались разными заработками, преимущественно по подряду на развозку столбовъ по телеграфной линіи. Весною же 93 года высѣяли свыше 400 пудовъ хлѣба, перезимовавъ уже въ собственныхъ прекрасныхъ избахъ. Огороды чубаровцамъ удались очень хорошо, исключая посѣвовъ капусты, которой вышло очень

мало, вслѣдствіе того-же наглого надувательства ташкентскихъ сѣмяноторговцевъ, спустившихъ крестьянамъ вмѣсто капустныхъ сѣмянъ какую-то залежавшуюся дрянь. Только у тѣхъ хозяевъ и уродилась эта овощъ, которые привезли сѣмяна съ собою изъ Россіи.

Чтобы попасть въ слѣдующее селеніе, Тамерлановку, необходимо переѣхать черезъ рѣку Арысь и, не доѣзжая до почтовой станціи, взять влѣво. Тамерлановка основана осенью 1891 года и для окончательнаго устройства требуетъ капитальной перестройки арыка Кустамгалы. Для этой цѣли въ 92 году тамъ была произведена нивелировка, но къ работамъ по расширенію арыка пока еще не приступали.

По Казалинскому почтовому тракту это послѣднее русское селеніе въ Сыръ-дарьинской области, но не послѣднее въ Чимкентскомъ уѣздѣ, такъ какъ на лѣвомъ берегу Арыси ниже Тамерлановки имѣются еще два селенія: Мамаевка и Обручево. Оба они основаны одновременно съ Тамерлановкой и лежатъ невдалекѣ отъ развалинъ древняго города Отрара, въ которомъ, по сказаніямъ, кончилъ дни свои могущественный деспотъ Средней Азіи, Тамерланъ.

Надѣлы мамаевцевъ орошаются арыкомъ Культуганъ и лежатъ въ царствѣ растенія

дерминэ *). Кромѣ этой мѣстности, въ предѣлахъ всего Туркестанскаго края и даже Европы дерминэ не растетъ, и сантонинные заводы нѣкогда пользовались цитварнымъ сѣменемъ изъ этой мѣстности. Съ цѣлью эксплуатаціи этого растенія на мѣстѣ, въ г. Чимкентѣ былъ выстроенъ спеціальнѣйшій сантонинный заводъ, но въ настоящее время, за малымъ спросомъ на сантонинъ, заводъ прекратилъ свои дѣйствія, и цитварное сѣмя лишь въ небольшихъ количествахъ сбывается въ Ташкентѣ на небольшой заводъ нѣкоего г. Пфафа, да скупается татарами по цѣнѣ 10 аршинъ гнилого „пунца“ за 18-пудовый батманъ сѣмени. Въ періодъ цвѣтенія дерминэ, овцы его не ѣдятъ, но, по увѣренію киргизовъ, пасти ихъ въ атмосферѣ запаха этого растенія очень полезно. Самъ номадъ высоко цѣнитъ дерминэ, какъ универсальный препаратъ въ его первобытной латинской кухнѣ. Окрестности сел. Мамаевки интересны и въ археологическомъ отношеніи. Кругомъ ея разбросаны курганы и остатки какихъ-то земляныхъ сооружений. Въ одномъ изъ первыхъ недавно найдено нѣсколько тысячъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, зеренъ десяти мелкаго жемчуга и двѣ, три бездѣлушки женскаго туалета. Однако главною

*) Съ котораго получается цитварное сѣмя и сантонинъ.

достопримѣчательностью селенія является личность крестьянина Андрея Лапина, энергичнаго поборника православія въ нашей киргизской степи. Приземистая, шаршавая фигурка его съ виду ничѣмъ не выдѣляется изъ общей массы крестьянскаго люда, но достаточно посмотрѣть на его глаза, юной отвагой сверкающіе изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, чтобы увидѣть въ немъ одного изъ тѣхъ богатырей народной жизни, которыхъ обезсмертилъ въ своихъ стихотвореніяхъ нашъ поэтъ-народникъ Некрасовъ.

Съ перваго дня поселенія Лапинъ сталъ заботиться о пищѣ духовной для своихъ односельчанъ. Свою наскоро сколоченную избу онъ сейчасъ же обратилъ въ молитвенный домъ и школу и безъ всякаго сторонняго вліянія сталъ заниматься съ ребятишками, одновременно обучая ихъ грамотѣ и церковному пѣнію. Не болѣе какъ черезъ три мѣсяца авторитетъ его сталъ настолько силенъ, что міръ безпрекословно ему подчинился и даже окрестные киргизы стали посѣщать старика съ цѣлью попросить совѣта. Имѣя семью, состоящую изъ одного неженатаго сына, Лапинъ не гонится за стяжаніемъ мірскихъ благъ,—всѣ его помышленія направлены къ поднятію села въ духовномъ отношеніи. Перезимовавъ въ селѣ, онъ съ первыми весенни-

ми днями пошелъ въ Ташкентъ ходатайствовать о разрѣшеніи приступить къ постройкѣ церкви, которую онъ думалъ создать содѣйствіемъ вѣрующихъ. На всѣ доводы относительно неимовѣрной трудности исполнить подобное предпріятіе силами еще неустроившихся крестьянъ, Лапинъ молчалъ, и только настойчиво просилъ разрѣшенія на открытіе сбора для сооруженія храма въ Мамаевкѣ, въ честь архистратига Михаила. Получивъ разрѣшеніе, онъ, подобно Власу, вздѣлъ на грудь кружку и отправился за сборомъ по улицамъ Ташкента. Не прошло и мѣсяца, какъ въ кружкѣ Лапина уже лежало около ста рублей. Тогда, пользуясь временнымъ перерывомъ работъ у односельчанъ, онъ уговорилъ ихъ приступить къ выдѣлкѣ кирпича и, изготавивъ его нѣсколько десятковъ тысячъ, вернулся въ Ташкентъ съ готовымъ планомъ церкви ходатайствовать объ утвержденіи послѣдняго. Зимой Лапинъ предполагаетъ идти за сборомъ въ селенія Аулиеатинскаго уѣзда.

— Для Божьяго дѣла, говоритъ онъ, мужикъ сподручнѣе горожанина. Мѣщанинъ, али такъ городской человѣкъ, усердія много въ сердцѣ имѣеть,—да не хозяинъ онъ себѣ: весь онъ чужой. Хлѣба-ли надо, одежда-ли истрепалась, все покупай на чистыя денежки. А доставать-то ихъ трудно.

Тутъ какъ ни бейся, а больше копѣйки въ кружку не опустишь. Мужикъ совсѣмъ другая статья, — денегъ-то онъ хоть и не дастъ, да хлѣба-то меньше пудовки не отсыпетъ. Анъ смотришь — трехъ мужиковъ обошелъ, рубль и собралъ, а въ городъ за нимъ, за рублемъ-то, цѣлый день ходить надо. Я это дѣло доподлинно знаю, — на моемъ вѣку Господь сподобляетъ меня вторую церковь строить.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выясняется, что этотъ старикъ давно уже извѣстенъ въ киргизской степи какъ миссіонеръ, и два его ученика, киргизы, состоятъ іеромонахами на Афонѣ. Такъ мѣряя 150-тиверстное разстояніе отъ Мамаевки къ Ташкенту и обратно, этотъ туркестанскій Власть настойчиво осуществляетъ свою идею и несомнѣнно воздвигнетъ на гроши вѣрющаго туркестанца православную святыню, которая навсегда привяжетъ русскаго человѣка къ его новой родинѣ.

Верстахъ въ трехъ отъ Мамаевки лежитъ послѣднее селеніе Чимкентскаго уѣзда — Обручево. Населеніе его составляютъ частью хохлы Ставропольской, Астраханской и Воронежской губерній, частью великороссы. Первыя, и въ особенности ставропольцы, почти всѣ скотоводы и уже совсѣмъ оправились послѣ переселенія. Вторые-же, какъ еще пережившіе, да и то

лишь съ помощью Казалинскаго благотворительнаго комитета, трудную зиму 1891 года, пока еще неоправились. На 47 дворовъ обручевцы имѣютъ 8 лошадей, 85 воловъ, 90 коровъ, 126 штукъ гулевого скота, 4 верблюда, 510 головъ простыхъ овецъ и 250 мериносовъ¹⁾. На счастье ихъ весною на мѣстныхъ рынкахъ появились скупщики шерсти отъ русскихъ фабрикъ и, конкурируя съ татарами, повысили цѣну на шерсть. Шерсть отъ овцы-мериноса является для туркестанскаго торговца новостью, и несомнѣнно въ скоромъ времени займетъ почетное мѣсто на рынкѣ, такъ какъ условія для овцеводства здѣсь очень хороши.

Кромѣ доходовъ отъ продажи шерсти, въ нынѣшнемъ году предприимчивый обручевецъ очень хорошо заработалъ на продажѣ рогатаго скота въ Оренбургѣ на ярмаркѣ. Раннею весною крестьяне рискнули, отобравъ 50 головъ лучшаго скота, отправить его въ Оренбургъ. Идя все время степью, скотъ прекрасно отѣлся на сочномъ весеннемъ корму и на-расхватъ былъ разобранъ оренбургскими гуртовщиками по 100 руб. за голову. Такимъ образомъ юное селеніе въ одну весну заработало до 5,000 р.

Заканчивая описаніе русскихъ селеній

¹⁾ Въ настоящее время уже въ нѣсколькихъ селеніяхъ имѣются овцы этой породы.

въ Чимкентскомъ уѣздѣ, считаю необходимымъ указать на два осязательныхъ факта цивилизующаго значенія русской колонизаціи для туземца.

Первый—введеніе въ хозяйство сарта и киргиза косы-литовки, вмѣсто до сего времени полновластно царствовавшего серпа. Научившись владѣть косою, киргизъ начинаетъ дѣлать на зиму запасъ сѣна для своего скота, чего ранѣе нигдѣ не замѣчалось.

Явившись въ область съ маленькимъ стадомъ мериносовъ, крестьянинъ въ одинъ годъ распространилъ эту породу не только среди своихъ земляковъ, но и вызвалъ спросъ на мериноса со стороны туземныхъ чимкентскихъ жителей. Если вспомнить, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ областная администрація безуспѣшно пыталась насадить въ области тонкорунное овцеводство, то рѣшеніе поставленной задачи русскимъ крестьяниномъ нельзя не вѣнчать ему въ большую заслугу.

Вотъ два факта, которыхъ не замолчать даже и злѣйшимъ зоиламъ нашихъ переселенцевъ.

Мои очерки были бы неполными, если бы я умолчалъ о горячемъ радѣтелѣ русскаго дѣла въ уѣздѣ, почтенномъ артиллеріи капитанѣ Александрѣ Дмитріевичѣ Масловѣ. Его постоянныя заботы о пересе-

ленцѣ и въ настоящее время высоко цѣ-
нятся всѣми крестьянами Чимкентскаго
уѣзда, и доброе имя его на вѣки не
умретъ въ русской деревнѣ Сыръ-дарьинской
области.

И. Гейеръ.

